

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и информации
Российской Федерации
Свидетельство
о регистрации
№ 010347
от 27 октября 1993 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

INSTITUTE OF ECONOMY

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ю. И. ИГРИЦКИЙ

кандидат исторических наук,
член-корреспондент МАИ,
главный редактор

Л. Н. ВЕРЧЕНОВ

кандидат философских наук

В. И. ГЕРАСИМОВ

кандидат филологических
наук, член-корреспондент
МАИ, зам. главного редактора

Л. П. ДЕЛЮСИН

доктор исторических
наук, профессор

Е. Б. КАЛОЕВА

кандидат исторических наук,
зам. главного редактора

А. Д. НЕКИПЕЛОВ

доктор экономических
наук, академик РАН

Б. С. ОРЛОВ

доктор исторических
наук, профессор

Т. Г. ПАРХАЛИНА

кандидат исторических наук

Ю. С. ПИВОВАРОВ

доктор политических наук,
академик РАН

Л. В. СКВОРЦОВ

доктор философских наук,
профессор, академик МАИ

Б. А. ХЕЙФЕЦ

доктор экономических наук

Л. Н. ШАНШИЕВА

кандидат философских наук

В. М. ШЕВЫРИН

кандидат исторических наук,
зам. главного редактора

Ответственный секретарь

А. А. ХАЛАТОВ

Редактор-консультант

И. Л. БЕЛЕНЬКИЙ

Художник обложки

Г. И. КОЗУБОВ

Макет

Н. В. СМИРНОВА

© ИНИОН РАН

РОССИЯ
и современный
МИР

RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD

4(53)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

О природе социального выбора
The Nature of Social Choice

**Миграционные потоки
и миграционная политика**
Migration Waves and Migration Policies

Федерализм по-русски
Federalism, Russian-Style

**Террор и антитеррор в зеркале
массмедиа**
Terror and Anti-Terror in the Mass Media Mirror

**Гулаг и Лаогай: Лагеря в СССР
и Китае**
*Gulag and Laogai: Forced Labor Camps in the USSR
and China*

МОСКВА
2006

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

**РОССИЯ И МИР
В НОВОМ ВЕКЕ**

А. Д. Некипелов
О природе социального выбора 5

**МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ
И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ**

А. Н. Барковский
Опыт регулирования
международной миграции
за рубежом и в России 17

М. С. Пальников
Российская эмиграция в Европу:
Оценки и перспективы 28

Л. Л. Рыбаковский,
С. В. Рязанцев
Международная трудовая
миграция в Россию и принципы
новой миграционной политики 51

Де Тэньи А.
Великая миграция. Россия
и русские после открытия
железного занавеса. (Реферат) 63

**РОССИЯ ВЧЕРА,
СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

ФЕДЕРАЛИЗМ ПО-РУССКИ

Н. Ю. Лапина
Отношения Центра и регионов:
Столкновение концепций 67

П. В. Панов
Центр – регионы: Новые правила
формирования региональных
органов власти 86

**RUSSIA AND THE WORLD
IN THE NEW CENTURY**

A. D. Nekipelov
On the Nature of Social Choice

**MIGRATION WAVES AND
DEMOGRAPHIC SITUATION**

A. N. Barkovsky
Practices of Regulating
International Migration Abroad
and in Russia

M. S. Palnikov
Russian Migration to Europe:
Appraisals and Prospects

L. L. Rybakovsky,
S. V. Ryazantsev
International Labor Migration
to Russia and Principles
of New Migration Politics

De Tingni A.
La grande migration. La Russie
et les Russes depuis l'aventure
du rideau de fer

**RUSSIA YESTERDAY,
TODAY, TOMORROW**

FEDERALISM, RUSSIAN-STYLE

N. Yu. Lapina
Relationships between the Center
and Regions: Clash of Concepts

P. V. Panov
Center – Regions: New Rules
of Regional Authorities
Formation

С. А. Денисов
Федеральное Собрание:
Нотариальная контора
при российском президенте? **104**

*S. A. Denisov
The Federal Assembly:
A Notary Office for President
of Russia?*

ТЕРРОР И АНТИТЕРРОР

TERROR AND ANTI-TERROR

М. А. Магомедов
Истоки современного
мусульманского экстремизма
в России **119**

*M. A. Magomedov
The Roots of Current
Moslem Extremism
in Russia*

В. В. Агаджанов
Террор и антитеррор
в PR-пространстве: Своя
виртуальная жизнь? **127**

*V. V. Agadzhanov
Terror and Anti-Terror
in the PR-Space:
Own Virtual Life?*

Джонстон Р. Б.,
Неделеску О. М.
Влияние терроризма на
финансовые рынки. (Реферат) **138**

*Johnston R. B.,
Nedelescu O. M.
The Impact of Terrorism
on Financial Markets (digest)*

**РАЗМЫШЛЕНИЯ,
СООБЩЕНИЯ,
КОММЕНТАРИИ**

**REFLECTIONS,
COMMUNICATIONS,
COMMENTS**

В. Н. Бабенко
К истории политической
юстиции в России **147**

*V. N. Babenko
On History of Political
Justice in Russia*

Е. Г. Плимак
Почему удался ленинский нэп
и окончилась крахом
перестройка Горбачёва **161**

*Ye. G. Plimak
Why Success of Lenin's NEP
and Failure of Gorbachev's
Perestroika*

Е. Б. Рашковский
Между Универсумом и Землей
(О «еврейских мотивах»
в русской философской мысли
XX столетия) **172**

*Ye. B. Rashkovsky
Between Universum and Earth
(On «Jewish traits» in the 20th
Century Russian philosophical
thinking)*

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ
СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА**

Д. Хайнциг
*Гулаг и Лаогай: Сравнительный
анализ двух систем
принудительного труда* **186**

**PHENOMENOLOGY
OF THE SOVIET SOCIETY**

D. Heintzig
*Gulag and Laogai: A Comparison
between the Two Systems
of Forced Labor*

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

А. М. Рыкачев
*Реальный базис и идеальные
задачи политических партий
(Предисловие И.Л. Беленького)* **205**

CLASSICAL HERITAGE

A. M. Rykachev
*The Real Basis and Ideal Tasks
of Political Parties (Foreword
by I.L. Belenkiy)*

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Т. И. Ульянкина
*Спасение европейской
интеллектуальной элиты
от нацизма в 1933–1941 гг.
(О деятельности «Беженского
университета» и Толстовского
фонда)* **223**

FACTS, EVENTS, PEOPLE

T. I. Ulyankina
*Salvation of the European
Intellectual Elite
from Nazism in 1933–1941
(actions of «Bezhensky
University» and Tolstoy
Foundation)*

Ю. В. Бельчич
*Русские жены в эмиграции:
Ольга Юркевич* **232**

Yu. V. Belchich
*Russian Wives in Emigration:
Olga Yurkevich*

**НАУЧНАЯ И
КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ**

П. М. Шульгин
*Государственная целевая
программа «Культура
Русского Севера»* **241**

**SCHOLARLY
AND CULTURAL LIFE**

P. M. Shulgin
*The State Target Program
«Culture of the Russian
North»*

Н. В. Благово
*Музей школы К.И. Мая
в Санкт-Петербурге* **248**

N. V. Blagovo
*The Museum of the K.I. Mai
School in St. Petersburg*

Н. В. Потапова
*«Огни Москвы» – Музей истории
городского освещения* **254**

N. V. Potapova
*«Moscow Lights» – Museum
of Municipal Lighting History*

*Содержание журнала «Россия
и современный мир» за 2006 г.* **259**

*Contents of «Russia and
Contemporary World» for 2006*

РОССИЯ И МИР

В НОВОМ ВЕКЕ

А. Д. Некипелов

О ПРИРОДЕ СОЦИАЛЬНОГО ВЫБОРА*

Некипелов Александр Дмитриевич –
академик, вице-президент
Российской академии наук.

Особенности индивидуального выбора весьма глубоко разработаны в экономической теории. На этой основе выявлены многие важнейшие стороны рыночной системы. Но на функционирование экономики влияет и наличие многообразных групп, в рамках которых принимаются более или менее важные решения. Спектр таких групп варьирует от домашних хозяйств, объединяющих главным образом членов одной семьи, до человеческого сообщества в целом. Отсюда ясно, что понимание законов экономики будет явно неполным без выявления природы группового (социального) выбора. Между тем именно в этой области, несмотря на интенсивные усилия экономистов-теоретиков, в последние десятилетия сохраняется большое количество «белых пятен».

Группа как носитель системы предпочтений

Под *группой* людей часто понимается такая их совокупность, которая *обладает собственной системой предпочтений*, существующей наряду с индивидуальными предпочтениями ее членов¹. *Условием формирования группы является наличие у ее потенциальных участников пересекающихся индивидуальных предпочтений*. К примеру, членов группы, охватывающей любителей шахмат, объединяет любовь к этой древней игре.

Очевидно, что *общество* является разновидностью группы. Оно охватывает людей, проживающих на некоторой территории и объединенных общими устремлениями в экономической, политической и культурной сферах.

* В основу статьи лег доклад, сделанный на Секции экономики РАН 14 марта 2006 г.

1. До недавнего времени тезис о наличии у группы собственной системы предпочтений разделялся и мною (См.: Alexander Nekipelov. *Public Preferences and their Role in Shaping Russian Economic Development. Distinguished Lectures Series N 15, Leon Kozminski Academy of Entrepreneurship and Management, Warsaw, Poland, p. 9–14*).

Любая группа в каждый данный момент располагает ограниченными возможностями (ресурсами). При рассмотрении группы как носителя самостоятельных предпочтений стоящая перед ней задача, естественно, сводится к максимизации степени удовлетворения *групповых потребностей* при имеющихся ресурсах. Такого рода проблемы для экономической теории не новы: достаточно сослаться на модель потребительского выбора. Алгоритм их решения состоит в обобщении системы предпочтений соответствующего субъекта в виде функции полезности и максимизации последней в условиях ресурсных ограничений. Назовем решение такой задачи применительно к любому, в том числе и групповому, субъекту, его *интересом*. Тем самым в понятие интереса мы закладываем *сбалансированность желаний и возможностей*.

В отличие от предпочтений интерес является конкретной категорией, непосредственно проявляющейся в реальной жизни. Ни одному субъекту не придет в голову ради совершения оптимального выбора строить полную карту своих предпочтений и находить затем ту кривую (плоскость, гиперплоскость) безразличия, по отношению к которой ресурсное ограничение является касательной. И даже если бы кто-то решил поступать именно так, он просто не справился бы с этой задачей.

Существенно сузить сферу поиска оптимального решения можно, если делать выбор из совокупности вариантов (например, наборов товаров в случае потребителя, стремящегося оптимально израсходовать свой доход), находящихся на линии ресурсного ограничения. Однако и при таком подходе спектр возможностей столь велик, что надеяться на эффективность метода полного перебора не приходится.

На практике носители самостоятельной системы предпочтений при совершении выбора из неограниченного количества открывающихся перед ними возможностей используют метод последовательных приближений. Основываясь на предшествующем опыте, они выявляют *приоритетные сферы*, перераспределение ресурсов в пользу которых может повысить их уровень благосостояния. Очевидно, что такие сферы должны характеризоваться повышенной предельной отдачей имеющихся средств извлечения полезности. Но различная отдача ресурсов по различным направлениям их применения означает, что их предшествующее распределение было неоптимальным.

В самом деле, в тех случаях, когда фактическое развитие событий соответствует интересу соответствующего субъекта предельная отдача имеющихся ресурсов по каждому направлению их использования будет одинаковой. Например, потребитель добивается максимизации собственной функции полезности, когда при полном использовании дохода предельная отдача его единицы по каждому направлению расходования оказывается одной и той же.

Отсюда следует, что в случае оптимального размещения ресурсов никаких приоритетов сформулировать нельзя: просто дополнительные ресурсы нужно

использовать таким образом, чтобы сохранять одинаковую предельную отдачу их применения в различных областях. И именно поэтому метод выделения приоритетов является тем практическим инструментом, при помощи которого люди привыкли нащупывать оптимальное сочетание находящихся в их распоряжении возможностей.

Хотелось бы подчеркнуть, что как индивидуальный, так и общественный выбор экономическая теория трактует как проявление системы предпочтений, *внутренне присущей* соответствующему субъекту. Это значит, что сами предпочтения могут быть предметом наших ощущений не иначе как через внешние формы, в которых они выступают на поверхности явлений. Правдоподобность же принимаемых в теории гипотез в отношении вкусов участников хозяйственной жизни подтверждается или, напротив, опровергается соответствием реальности вытекающих из них следствий.

Взаимосвязь индивидуальных и групповых предпочтений

До настоящего момента мы не делали никаких отличий в подходе к оптимизирующей деятельности индивидов и их групп. Но разница существует и носит принципиальный характер. В отношении отдельного человека мы просто постулируем его способность совершать отвечающий собственным интересам выбор. И такое утверждение вполне согласуется как с биологической природой *homo sapiens*, так и с социальными условиями рассматриваемой модели. Но может ли экономическая теория так же поступить в отношении группы людей: ведь группа – это в некотором роде абстракция, не существующая вне составляющих ее индивидов, каждый из которых обладает собственными представлениями о благополучии, как своем собственном, так и группы в целом?

Подавляющее большинство исследователей, причем не только экономистов, исходят из отрицательного ответа на этот вопрос. Так, известный философ К. Поппер подчеркивал, что «поведение» и «действия» таких коллективов, как государства или социальные группы, должны быть сведены к поведению и действию отдельных людей»². Но есть и иная позиция. А. Рубинштейн и Р. Гринберг отстаивают точку зрения, в соответствии с которой групповые (социальные) предпочтения (интересы) не сводимы к индивидуальным³. Такая позиция

2. Поппер К. *Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Открытое общество и его враги*. М., 1992. – Т. 2. – С. 109.

3. «...Мажорантой провалов рынка, – пишет, в частности, А. Рубинштейн, – является несводимый к индивидуальным предпочтениям социальный интерес» (Рубинштейн А.Я. *Структура и эволюция социального интереса. Препринт. ИСЭ ПРЕСС*. – М., 2003. – С. 11).

позволяет им ввести в состав рыночных субъектов государство и тем самым, с их точки зрения, подвести рациональные основы под его поведение: «В действительности, если общественное благосостояние является лишь функцией индивидуального благосостояния, если любые нужды общества могут быть сведены к нуждам его членов, тогда на рынке не остается места для социализированных субъектов, поскольку, в соответствии с данной аксиомой, их интересы полностью растворены в личных предпочтениях»⁴.

С этой позицией, строго говоря, спорить невозможно, поскольку она носит характер аксиомы. Но из нее, как мне кажется, вытекает, что вопрос о механизме формирования групповых интересов просто снимается с рассмотрения: ведь существование групповых интересов здесь не объясняется, а постулируется. Кроме того, вопреки намерениям авторов, такая позиция может стать весьма удобным идеологическим прикрытием для тех, кто стремится навязать обществу свои представления о социальном благополучии в качестве «объективных общественных потребностей».

С учетом сказанного будет правильным следующим образом представить господствующее в настоящее время понимание группы: под группой людей следует понимать такую их совокупность, которая обладает собственной системой предпочтений, *базирующейся на индивидуальных предпочтениях ее членов*.

Рынок как инструмент общественного выбора

Для экономической теории не является секретом, что рыночная система — одна из разновидностей механизма, обеспечивающего социальный выбор. При этом конкретный *социальный выбор рынка базируется*, наряду с рядом общественных условий и исходным распределением условий производства (как материальных факторов производства, так и трудовых навыков), *на индивидуальных предпочтениях членов общества*. Различным конфигурациям последних, при прочих равных условиях, будут соответствовать благодаря действию рыночных сил различные устойчивые (равновесные) состояния общества.

Признание рынка в качестве инструмента социального выбора находит проявление в даваемых экономической теорией характеристиках этого общественного механизма.

Функция спроса, как известно, рассматривается как зависимость между уровнем цены на товар и его количеством, которое потребители готовы приобрести. В этом смысле цены представляют собой *оценки (предельной) обществен-*

4. Grinberg R., Rubinstein A. *Economic Sociodynamics*. Springer, 2005. — P. 12.

ной полезности одной и той же продукции при различных объемах ее поставки на рынок. В свою очередь, функция предложения характеризует то количество товара, которое производители готовы поставить на рынок при данной цене. Она является результатом суммирования индивидуальных функций предложения, в основе которых лежат предельные издержки при различных масштабах выпуска продукции. Поэтому кривая предложения отрасли представляет собой функцию (*предельных*) *общественных издержек* производства соответствующей продукции.

Свойственный свободному рынку механизм конкуренции производителей и потребителей приводит к формированию на каждом отраслевом рынке равновесного состояния, при котором цена устанавливается на таком уровне, что спрос и предложение уравниваются друг друга, т.е. предельная общественная полезность продукции оказывается равной предельным общественным ценам производства. Поскольку это относится ко всем товарным рынкам, постольку это означает, что *рынок является инструментом общественного выбора*; при помощи свойственного для него алгоритма происходит размещение имеющихся в обществе ресурсов.

Особенности рыночных правил игры состоят в суверенности людей как производителей и потребителей, обеспечиваемой при помощи института частной собственности. При этом обмен носит добровольный характер и происходит лишь тогда, когда отвечает интересам обоих контрагентов. Общий интерес субъектов рыночной экономики состоит в том, чтобы добиться максимизации степени удовлетворения индивидуальных потребностей при соблюдении ограничений, задаваемых упомянутыми правилами.

Нередко рыночный механизм прямо сравнивается с политическим механизмом принятия решений. Например, Е. Зильберберг, характеризуя «парадокс голосования», справедливо отмечает, что последний «...иллюстрирует одно из главных различий между *рыночным* и *политическим* выбором. При первом потребитель имеет возможность выразить интенсивность предпочтения при помощи простого выбора количества покупаемых товаров. При политическом выборе, однако, обычные участники голосования получают один и только один голос. Потребитель в этих обстоятельствах не в состоянии выразить интенсивность предпочтения»⁵.

Итак, сомнений в том, что рынок обладает функцией социального выбора, нет. Однако сделав такой в общем-то очевидный вывод, очень важно сформу-

5. Silberberg E. *The Structure of Economics. A Mathematical Analysis. Second Edition.* McGraw-Hill Publishing Company, 1990. – P. 575.

лизовать следующий вопрос: означает ли это, что рынок является одним из «правил социального выбора» в том смысле, как последние понимаются современной экономической теорией? Или иначе: обеспечивает ли рынок трансформацию индивидуальных предпочтений в общественные, характеризующиеся определенным набором качеств (асимметричность и негативная транзитивность, Парето-эффективность, независимость от посторонних альтернатив и отсутствие диктатора)?

Очевидно, что для действий рыночного механизма никакой необходимости в диктаторе нет. Доказано также, что его функционирование в идеале сопровождается достижением экономикой состояния, эффективного по Парето.

Последнее обстоятельство – невозможность в условиях общего равновесия перейти к другому состоянию, не ухудшив положения хотя бы одного экономического агента, – не означает, что рыночному механизму вообще удастся «обойти» проблему улучшения положения одних членов общества за счет других при достижении оптимального состояния. Ведь движение от неравновесного рынка к равновесному сопровождается изменениями пропорций цен, а потому и улучшением положения одних участников рыночной игры и ухудшением положения других. Поскольку общее равновесие мы оцениваем (пока) как воплощение социального оптимума, постольку оказывается что для его достижения рынок в неявном виде «принимает решение» о том, что есть общественное благо и как оно соотносится с индивидуальными интересами.

Как бы то ни было, рынок, несомненно, обладает четвертым (отсутствие диктатора) и вторым (Парето-эффективность) качествами «правил социального выбора». Однако попытка «примерить» к нему правила один (асимметричность и негативная транзитивность) и три (независимость от посторонних альтернатив) создает немалые затруднения. Мы сразу же обнаруживаем, что рыночный механизм *не дает ранжирования различных общественных состояний*; он лишь выбирает одно из них, являющееся оптимальным при заданной конфигурации всех действующих ограничений. Или иначе: *рынок не формирует поле социальных предпочтений, он находит точку согласования индивидуальных интересов*. Соответственно, рынок не максимизирует некую групповую функцию полезности; он обеспечивает выход в ту точку на границе производственных возможностей общества, которая отвечает исходному распределению между его членами объективных и субъективных факторов производства. И если общество признает справедливость такого исходного распределения, то оно не может не признавать оптимальности вытекающего из него на основе действия рыночных сил общественного состояния.

При таком взгляде на вещи оказывается, что известный американский экономист, лауреат Нобелевской премии Кеннет Эрроу, введя понятие «правил общественного выбора» и построив относящуюся к этим правилам «теорему о

возможности»⁶, на самом деле доказал *ошибочность исходного предположения о существовании системы групповых предпочтений, формирующейся на основе индивидуальных предпочтений*. Аналогия между индивидуумом и группой индивидов как субъектами экономических отношений зашла столь далеко, что завела экономическую теорию в тупик.

Отсутствие единой групповой системы предпочтений не означает, что и отдельные члены группы не в состоянии ранжировать различные ее состояния. Каждый из нас, несомненно, имеет свой взгляд на возможные состояния социума, и в этом смысле абсолютно верен постулат Эрроу: «В контексте общественного выбора принимается, что каждый индивидуум имеет порядок предпочтений на всех возможных состояниях социума. Этот порядок выражает не только его пожелания, касающиеся собственного потребления, но и его социальные установки, его взгляды на справедливость в распределении или на блага, получаемые другими индивидами на основании коллективных решений»⁷. Рынок может в полной мере согласовывать лишь интересы людей, в функциях полезности которых не учитываются, однако, состояния окружающего мира.

Обобщение теории

Приступим к выводам.

Первое. Мы отказываемся от положения, в соответствии с которым каждая группа имеет собственную систему предпочтений (т.е. обладает способностью ранжировать различные состояния социума), поскольку, как фактически доказал К. Эрроу, это положение входит в противоречие с основами современной экономической теории.

Второе. Результат общественного выбора тем не менее носит производный характер от индивидуальных предпочтений членов группы. Как отмечает Дж. Бьюкенен, «коллективные исходы (collective outcomes) проистекают из максимизирующего полезность поведения многих людей, выступающих во многих различных качествах»⁸.

6. Эрроу К. Дж. *Общее экономическое равновесие: Цель исследования, методология анализа, коллективный выбор*. Нобелевская лекция 12 декабря 1972 г. // *Политикам об экономике. Лекции нобелевских лауреатов об экономике. Современная экономика и право*. – М., 2005; Arrow K. *A difficulty in the concept of social welfare* // *The journal of political economy*. – N 58. – P. 328–346.

7. Эрроу К. *Общее экономическое равновесие...* – С. 78.

8. Buchanan J.M. *Public finance in democratic process: Fiscal institutions and Individual Choice*. The University of North Carolina Press, Chapel Hill, 1967. – P. 4.

Определим оптимальный коллективный выбор как состояние, обеспечивающее гармонизацию индивидуальных интересов⁹. При этом под гармонизацией интересов понимается такое состояние социума, которое достигнуто на основе реализации *действующих принципов общественного выбора* и в изменении которого по этой причине не заинтересован ни один из членов группы.

Под действующими принципами социального выбора будем понимать комплекс ограничений, которые накладываются на деятельность отдельных членов группы по максимизации уровня собственного благосостояния. Как набор, так и интенсивность таких ограничений изменялись на всем протяжении истории, в первую очередь под влиянием прогресса самого человечества. Чем больше зависел человек от превратностей окружающего мира, тем важнее для сохранения всего человеческого рода было наличие единой воли в управлении социумом, жестко ограничивавшей свободу личности. Парадоксально, что сегодня резко возросшая производственная мощь человечества стала представлять угрозу для окружающего мира (а потому и для самого человечества), что заставляет вводить известные ограничения на стремление к максимизации богатства.

Следует особо подчеркнуть, что принципы социального выбора, хотя и не являются неизменными, все же обладают высокой степенью устойчивости и поэтому в каждый данный момент могут рассматриваться как константа.

Реализация действующих принципов осуществляется через конкретные *институциональные механизмы социального выбора*. Именно они непосредственно определяют то состояние, в котором окажется соответствующая группа. В этом смысле следующая постановка вопроса Д. Крепсом имеет под собой серьезные основания: «Вместо того, чтобы в нормативном духе рассуждать о желаемых свойствах общественного выбора, мы будем рассматривать “общественный выбор” как продукт взаимодействия индивидов в различных институциональных средах. Мы будем описывать такие институты и предсказывать результат индивидуальных действий в рамках таких институтов»¹⁰.

Необходимо, однако, иметь в виду, что одни и те же нормативные принципы общественного выбора могут реализовываться, с большей или меньшей степенью последовательности, при помощи различных институциональных структур. Поэтому следует отличать идеальную точку гармонизации индивидуальных интересов и конкретные результаты действия сложившихся институтов.

Более того, оказывается, что гармония социального выбора может иметь место только в условиях полного единодушия в отношении как общих принци-

9. *Отдавая дань традиции, мы будем иногда называть точку гармонизации интересов членов группы интересом группы.*

10. *Kreps D. A course in microeconomic theory. Princeton University Press, 1990. – P. 181.*

пов, так и институциональных условий, в которых выбор осуществляется. На практике такое положение недостижимо и поэтому постоянно приходится сталкиваться с тем, что принимаемые группой решения не соответствуют интересам отдельных ее членов¹¹. Соответственно, наряду с требованием лояльности последних в отношении легитимно принятых решений, могут создаваться специальные механизмы принуждения (например, инструменты правоприменения в обществе).

Изложенная трактовка социального выбора помогает понять основу как устойчивости групповых интересов, так и их динамики. До тех пор, пока члены группы сохраняют неизменными основополагающие принципы и признают легитимной действующую процедуру их реализации, общественный выбор зависит исключительно от состояния индивидуальных предпочтений. Незначительные колебания последних у отдельных членов группы могут практически не сказываться на принимаемых социальных решениях. Утрата действующими институтами доверия со стороны членов общества и тем более подвижки в принципах социального выбора могут привести к кардинальному изменению групповых интересов, а подчас и дезинтеграции самих групп.

Третье. Рыночный механизм является чрезвычайно эффективным инструментом социального выбора, сформировавшимся естественно-историческим путем. В долгосрочном плане он обеспечивает полное согласование многочисленных индивидуальных интересов в обществе, где имеются исключительно частные блага, а в индивидуальных функциях общественного благосостояния каждый индивид присваивает уровню удовлетворения потребностей своих собратьев нулевые веса.

Какие же принципы общественного выбора помогает реализовать система рыночных институтов? В сущности, речь может идти об одном-единственном принципе – *взаимно признаваемом всеми суверенитете каждого члена общества* как в выборе сферы своей деятельности, так и в установлении связей с другими членами социума. При этом предполагается, что каждый человек ориентируется исключительно на максимизацию степени удовлетворения собственных потребностей. Соответственно, его функция полезности имеет следующий вид: $U=f(x_1, \dots, x_n)$, где каждое благо из набора x_1, \dots, x_n является частным благом, а потому может служить объектом рыночного обмена.

При данных условиях – действующем принципе социального выбора, частном характере всех благ удовлетворяющих человеческие потребности и сугубо «эгоистических» особенностях индивидуальных предпочтений – рыночный ме-

11. Очевидно, что при этом не достигается та самая гармония индивидуальных предпочтений, при которой ни один из членов группы не заинтересован в изменении результата социального выбора.

ханизм является почти идеальным инструментом согласования интересов членов общества. Мы говорим «почти идеальным», потому что из-за существующей для каждого индивида неопределенности в отношении решений, которые принимаются остальными членами общества, выход в точку долгосрочного рыночного равновесия (она же – точка гармонизации интересов) происходит через многочисленные более или менее серьезные отклонения от оптимума. Причем свойственные для рынка колебания конъюнктуры неизбежно наносят ущерб одним членам общества и приносят неожиданный выигрыш другим.

Четвертое. Поставим следующий вопрос: может ли существовать иной, нерыночный механизм согласования индивидуальных интересов на базе того же самого либерального принципа социального выбора и при условии наличия исключительно частных благ? Теоретически может, и модель «аукциониста Вальраса является тому подтверждением. Более того, в абстрактном смысле этот механизм является более совершенным институтом согласования частных интересов, поскольку предполагает нахождение оптимального состояния общества еще до того, как начался процесс производства. Тем самым здесь снимается упомянутая выше проблема колебаний фактических состояний социума вокруг точки оптимального выбора.

Конечно, это – всего лишь теоретическая возможность, попытка реализовать которую на практике была бы сопряжена с чудовищными издержками сил и времени, связанными со сбором и переработкой гигантских массивов информации. Но именно теоретическая сторона дела нас здесь и интересует в первую очередь. Ведь принципиальное наличие альтернативы рыночному механизму выявления и согласования частных интересов подтверждает *важность разграничения принципов социального выбора и реализующих их на практике институтов.*

Кроме того, приведенный пример демонстрирует, что *нерыночный способ выявления индивидуальных предпочтений совсем необязательно связан с процедурой голосования.* Последнюю следует рассматривать, скорее, как механизм общественного выбора, наиболее приемлемый с практической точки зрения; при этом он весьма далек от совершенства. В этом отношении заслуживают самого серьезного внимания сомнения, содержащиеся в следующем высказывании Амартья Сена: «...Один из основных вопросов, которым следовало бы задаться, состоит в том, дают ли правила голосования (к которым процедуры общественного выбора эффективно сводятся в теории Эрроу) разумный подход к общественному выбору в рамках экономической теории благосостояния? Стоим ли мы на правильном пути в наших попытках оценить общественное благосостояние, исходя из различных вариантов систем голосования?»¹².

12. Сен А. *Возможность общественного выбора. Нобелевская лекция. 3 декабря 1998 г.* // *Политикам об экономике. Лекции нобелевских лауреатов по экономике. Современная экономика и право.* – М., 2005. – С. 251.

Пятое. Рыночный механизм оказывается неприспособленным для выявления оптимальных, с точки зрения существующей конфигурации индивидуальных предпочтений, масштабов производства общественных и мериторных благ, а также регулирования сопутствующей экономической деятельности побочных эффектов. Поскольку эти вопросы должны так или иначе решаться в любом обществе, постольку наличие дополняющего рынок инструмента согласования индивидуальных интересов становится неизбежным.

И наконец, шестое. Каждого из нас, разумеется, интересует величина дохода, поскольку от нее зависит количество благ, которые мы сможем приобрести на рынке. Но всех нас, в большей или меньшей мере, волнует также состояние среды, в которой мы живем, т.е. состояние самого общества. Ради собственного благополучия мы хотим жить в окружении культурных, довольных жизнью, а потому и законопослушных людей. Мы оказываемся не такими законченными эгоистами, как об этом «думает рынок», а в наши индивидуальные функции полезности входят наряду с рыночными благами многообразные параметры, отражающие состояния общества в различных областях. Между этими рыночными и нерыночными благами имеется размен (*trade-off*), и поэтому сокращение индивидуального дохода (например, в результате введения налогов) отнюдь не всегда означает уменьшение индивидуального благосостояния. В противном случае вряд ли нам довелось бы встречаться с такими «странными» явлениями, как филантропия и прогрессивное налогообложение.

Но коль скоро рынок не в состоянии учитывать все элементы индивидуальных функций полезности, возникает проблема коррекции результатов, получаемых на основе его действия, ради максимально возможного приближения к точке оптимального социального выбора. Поэтому рассматривать любое «вмешательство» в действие рынка как нарушение экономических законов в угоду «политическим интересам» теоретически несостоятельно. Даже такие ценностные понятия, как справедливость, не могут противопоставляться «объективным экономическим законам». Характерно, что К. Эрроу в приводимом ниже высказывании не ставит под сомнение целесообразность коррекции действия рыночных сил по мотивам этического порядка; он лишь формулирует теоретически предпочтительные формы действия в рассматриваемом случае:

«Если мы хотим сохранить преимущества рынка и при этом добиться более справедливого распределения, теория подсказывает, что стратегия изменения начального распределения предпочтительней вмешательства в процесс перераспределения, происходящий на дальнейших стадиях»¹³.

Таким образом, необходимо признать, что политический механизм, призванный интегрировать различные индивидуальные интересы в областях, недоступных для рынка, является не чем-то внешним по отношению к экономичес-

13. Эрроу К. *Общее экономическое равновесие...* – С. 78.

кой жизни общества, а ее важнейшей составной частью. В этом смысле историческое наименование общей экономической теории – *политическая экономия* – в содержательном отношении значительно глубже понятия «экономика», которым предпочитают пользоваться с начала прошлого века большинство экономистов.

В уточнении нуждается и наше понимание таких основополагающих категорий, как «общее равновесие» и «эффективность по Парето». Есть две возможности. Первая состоит в расширении сферы применения этих понятий за рамки рыночного механизма. В этом случае они одновременно приблизятся к своему исходному смыслу – определению оптимальной для всех членов общества ситуации в размещении ресурсов, но станут менее определенными в силу раскрытых выше особенностей точки оптимального социального выбора. Вторая возможность состоит в сохранении их традиционного содержания как характеристики исключительно рыночной системы. При этом они сохраняют свою строгость, но не исчерпывают всего экономического смысла, лежащего в их основе. С учетом этой оговорки данный вариант представляется мне более удобным.

Заслуживает переосмысления и принятое в экономической теории разграничение *нормативных* и *позитивных* сторон исследования. В инструментальном отношении такое разделение очень удобно, поскольку позволяет изолировать анализ путей реализации индивидуальных пристрастий отдельных лиц и групп от выявления объективных последствий тех или иных условий, сложившихся в экономике. Но в нем есть и известная опасность: результаты сложного процесса определения точки гармонизации индивидуальных интересов могут рассматриваться как нечто абсолютно произвольное, а то и прямо противоречащее «объективным экономическим законам».

С учетом всего сказанного следует, видимо, рассматривать и извечную проблему соотношения либеральных и коллективистских ценностей. Свобода индивида, отнюдь не означает, что в своих действиях он будет руководствоваться исключительно максимизацией собственного потребления. Точно так же приверженность идеям человеческого сотрудничества нельзя отождествлять со стремлением превратить личность в винтик общественного организма. Сформулированный К. Марксом идеал, в соответствии с которым «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех», сам по себе не является утопией. Но при одном условии: если его реализация мыслится в динамике, отражающей находящуюся в постоянном изменении конфигурацию индивидуальных предпочтений, а не связывается с некой застывшей идеальной формой общественного устройства.

В заключение необходимо подчеркнуть, что как и в рассмотренных ранее случаях, когда решения принимались индивидом в условиях абсолютной прогнозируемости результатов, в ситуации неопределенности рынок может в полной мере согласовывать лишь интересы людей, в функциях полезности которых не учитываются состояния окружающего мира.

МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

А.Н.Барковский

ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ ЗА РУБЕЖОМ И В РОССИИ

Барковский Анатолий Николаевич –
старший лаборант-исследователь Центра
внешнеэкономических исследований
Института экономики РАН.

К началу XXI в. международная миграция населения приобрела значительные масштабы, что отражает возрастание мобильности факторов производства в современном мире. В международный процесс миграции населения вовлечены практически все страны мирового сообщества. В официальной статистике ООН приведены данные относительно количества людей, проживающих за пределами своей страны происхождения – около 180 млн. человек, что составляет приблизительно 3% населения. Если сравнить эти цифры с теми, которые имеются за 1970 г., то мы увидим, что масштабы возросли в два раза. Стоит также отметить, что большинство мигрантов – переселенцы из развивающихся стран в более развитые.

Для оценки и классификации международных мигрантов специалистами используются особые критерии. Однако в большинстве стран еще нет единообразной практики идентификации международных мигрантов, что, в свою очередь, затрудняет анализ этого и так не простого процесса.

Принято считать, что в основе трудовой миграции лежат два основных фактора:

1) усиление интернационализации экономической жизни в целом (что объективно ведет к возрастанию международной мобильности всех факторов производства, в конкретном случае – рабочей силы);

2) усиление неравномерности развития экономик разных стран мирового сообщества (когда возрастание масштабов международной трудовой миграции становится следствием определенных диспропорций в развитии мировой экономики).

Особенно активно этот процесс развивался в последние десятилетия XX в., когда перемещение рабочей силы через границы стало приобретать крупные масштабы и превратилось в один из наиболее существенных элементов функци-

онирования мирового хозяйства. После Второй мировой войны и окончательного распада колониальной системы определилось главное направление потока рабочей силы – из перенаселенных районов Азии и Африки – в Западную Европу. По численности ежегодно прибывающих в Западную Европу иммигрантов можно судить о приоритете этого региона над другими.

В 70-х годах одним из центров притяжения квалифицированной рабочей силы из-за рубежа стали арабские нефтедобывающие страны. К середине 80-х годов численность привлеченных рабочих во многих из них превышала численность коренного населения. Страны Арабского Востока сильно отличаются в вопросах ведения миграционной политики от западноевропейских стран. Они стремятся не замещать мигрантами неквалифицированную сферу занятости, а использовать их для индустриализации и модернизации, допуская при этом прирост населения. Предпочтение же отдается рабочим из наиболее отдаленных стран, которые редко ассимилируются и не стремятся получить новое место жительства, а труд их, в свою очередь, ценится намного дешевле, чем труд рабочих из соседних арабских стран.

Различают внутреннюю миграцию рабочей силы, происходящую между регионами одного государства, и внешнюю, затрагивающую несколько стран. Наука международной экономики занимается внешней миграцией рабочей силы и ее экономическими причинами. При изучении проблем международной миграции используются следующие показатели и понятия:

– миграция рабочей силы (*labor force migration*) – переселение трудоспособного населения из одних государств в другие сроком более чем на год, вызванное причинами экономического и иного характера;

– иммиграция (*immigration*) – въезд трудоспособного населения в данную страну из-за ее пределов;

– эмиграция (*emigration*) – выезд трудоспособного населения из данной страны за ее пределы:

1) миграционное сальдо (*net migration*) – разность между иммиграцией в страну и эмиграцией из страны;

2) «утечка мозгов» («*brain drain*») – международная миграция высококвалифицированных кадров;

3) репатриация (*re-emigration*) – возвращение эмигрантов на родину на постоянное место жительства.

Международная миграция рабочей силы возникла многие столетия назад и за прошедшее с тех пор время претерпела серьезные изменения. Наиболее активная теоретическая разработка ее проблем началась с конца 60-х годов в рамках моделей экономического роста. Они учитывали, что международное перемещение рабочей силы оказывает влияние на темпы экономического роста, а его причиной являются межстрановые различия в уровне оплаты труда. Сто-

ронники неоклассического подхода, в соответствии с которым каждый человек получает и потребляет предельный продукт своего труда, считают, что миграция приводит к росту благосостояния принимающей страны, причем экономическое развитие государства, из которого происходит эмиграция, остается прежним или, во всяком случае, не ухудшается.

Неокейнсианцы признавали возможность ухудшения в результате миграции экономического положения страны, экспортирующей рабочую силу, особенно если эмигрируют высококвалифицированные работники. В связи с этим широко обсуждалась идея введения налога на «утечку мозгов», доходы от которого предлагалось передавать в распоряжение ООН и использовать на нужды развития.

В последние годы акцент в анализе миграции сместился на исследование аккумуляции человеческого капитала как эндогенного фактора экономического роста стран. Исходя из того, что накопленный человеческий потенциал является важнейшей предпосылкой экономического развития, в рамках этой группы моделей международная миграция является одним из объяснений различий в темпах экономического роста между странами.

Международные мигранты подразделяются на пять основных категорий:

– иммигранты и неиммигранты, легально допущенные в страну. Для стран, которые традиционно принимают иммигрантов, 80-е и 90-е годы были периодом высокого уровня иммиграции;

– работники-мигранты по контракту. Их к концу 90-х годов в мире насчитывалось более 25 млн. человек. Многие страны зависят от иностранной рабочей силы. Договоренности об ее использовании заключаются между странами с избыточной рабочей силой в некоторых районах Азии и, например, рядом стран Ближнего Востока, Европы;

– нелегальные иммигранты. Их число в конце 90-х годов превышало 30 млн. человек. Почти все индустриальные страны имеют у себя нелегальных иммигрантов. Часть из них проникает через границу, другие остаются в чужой стране с просроченными визами; обычно они занимают рабочие места, находящиеся на низшей ступени трудовой иерархии;

– лица, просящие убежища. До 80-х годов численность этой категории мигрантов была крайне незначительна, затем она заметно увеличилась – до более 1 млн. человек к концу 90-х годов. Просьбы об убежище люди направляют по политическим мотивам, а также в силу тяжелого экономического положения в своих странах;

– беженцы. По данным ООН, в мире на конец 90-х годов насчитывалось более 22 млн. беженцев (из них около 4 млн. возвратившихся в места прежнего проживания, но находящиеся под патронажем ООН). Большинство современных беженцев живут в специальных лагерях, находящихся под опекой ООН

или частных агентств. По оценкам, лишь менее 1% беженцев расселяются в развитых странах Запада.

Наиболее приемлемыми количественными показателями межстранового перемещения трудовых ресурсов являются данные, фиксируемые в платежном балансе. Как и в других случаях, нерезидентом считается частное лицо, находящееся в стране менее года. Если же превышает этот срок, то в статистическом учете такой человек переквалифицируется в резиденты. В статистике платежного баланса показатели, связанные с миграцией рабочей силы, являются частью баланса текущих операций и классифицируются по трем статьям:

– трудовой доход (*labor income*), выплаты занятым (*compensation of employees*) зарплаты и прочие выплаты наличными или натурой, полученные частными лицами-нерезидентами за работу, выполненную для резидентов и оплаченную ими. В эту категорию включаются также и все отчисления резидентов в пенсионные, страховые и иные фонды, связанные с наймом на работу нерезидента. К кругу частных лиц – нерезидентов относятся все иностранные работники, находящиеся в данной стране менее года, в том числе сезонные рабочие, рабочие из приграничных стран, приезжающие в данную страну на временные заработки, а также местный персонал иностранных посольств;

– перемещения мигрантов (*migrants' transfers*) – оценочный денежный эквивалент стоимости имущества мигрантов, которое они перевозят с собой, перемещаясь в другую страну. При этом вывоз имущества эмигрантов в натуре показывается как экспорт товаров из страны, а его оценочный денежный эквивалент (как бы оплата за этот экспорт) по данной статье;

– переводы работников (*workers' remittances*) – пересылка денег и товаров мигрантами своим родственникам, оставшимся на родине. В случае пересылки товаров учитывается их оценочная стоимость.

Принципиальная разница между статьей «трудовые доходы», которая в платежных балансах некоторых стран называется «выплаты занятым» и статьями «перемещения мигрантов» и «переводы работников» заключается в том, что в статье «трудовые доходы» учитываются доходы нерезидентов, т.е. временно (сроком до 1 года) находящихся в данной стране. В то же время в статьях «перемещение мигрантов» и «переводы работников» показываются доходы и расходы резидентов, т.е. мигрантов, которые уехали с родины и остались за рубежом, по крайней мере, сроком более чем на год. Эти две статьи объединяются в рамках текущих операций в группу частных неоплаченных переводов.

Частные неоплаченные переводы (*private unrequited transfers*) – оценочный денежный эквивалент имущества, перемещаемого мигрантами в момент их отъезда за границу и последующих посылок товаров на родину. Включает статьи «перемещение мигрантов» и «переводы работников».

На практике точно определить по какой именно статье должны фиксироваться те или иные международные переводы, довольно сложно. Человек изначально может поехать за рубеж просто на временные заработки, но затем по каким-либо причинам задержаться там более чем на год, став иммигрантом. И, наоборот, люди, изначально намеревавшиеся эмигрировать за рубеж навсегда, чье имущество было зарегистрировано как переводы работников, вдруг решают вернуться, не прожив в другой стране и года. Общее правило, которое действует в этом случае, заключается в том, что учет ведется по состоянию на момент пересечения границы, и если даже позже выясняется, что запись была неверна, ее обычно не пересматривают.

Миграционная политика стран мирового сообщества

В конце XX в. проявились новые тенденции в международной миграции: трудовая миграция из одних развивающихся государств в другие, перемещение рабочей силы из более развитых стран в менее развитые, что в целом не являлось характерным для миграции рабочей силы в прошлые периоды. Новыми миграционными центрами стали страны Ближнего и Среднего Востока (Бахрейн, Кувейт, Саудовская Аравия, Ливия, Ирак), Латинской Америки (Аргентина, Венесуэла, Бразилия), Юго-Восточной Азии (Сингапур, Гонконг, Япония), ЮАР.

Ввозимый и вывозимый труд имеет очень большое значение для современной мировой экономики. Существует значительное число стран, чья внутриэкономическая жизнь и внешнеэкономические связи находятся в сильной зависимости от международной трудовой миграции. К таким странам можно отнести: страны Средиземноморья (Турция, Греция, бывшая Югославия, Испания, Алжир, Египет, Сирия), страны Африки (Судан, Сомали, Эфиопия), Азии (Индия, Пакистан, Йемен, Иордания, Таиланд), Латинской Америки (прежде всего Мексика) и Карибского бассейна. В некоторых случаях 20% и даже более их трудоспособного населения находят себе занятие в других государствах.

Денежные переводы являются существенным, а иногда и единственным источником поступления твердой валюты в данные страны, а регулируемый выезд на работу за границу снижает напряженность на национальном рынке труда.

С другой стороны, использование иностранной рабочей силы давно стало непременным условием нормального процесса воспроизводства в целом ряде стран. К началу XXI в. нетто-иммиграция обеспечивала в развитых странах мира 56% демографического прироста, в том числе в Европе – 89%. В основных странах иммиграции данный контингент составлял от 5 до 19% населения и от 10 до 25% его экономически активной части. К числу стран, где иностранные

рабочие составляют существенную часть занятого населения, можно отнести Германию, Францию, Бельгию, Швейцарию, ЮАР, Ливию. В Азии к данной группе можно отнести почти все арабские нефтедобывающие страны. Среди новых центров притяжения иностранной рабочей силы следует отметить такие государства, как Аргентина, Венесуэла, Бразилия, а также Сингапур и Гонконг. Специфическим центром притяжения иностранной рабочей силы является Израиль, где этот процесс осуществляется на этнической основе.

Данные по использованию иностранной рабочей силы весьма показательны. Например, в Австралии в 2000 г. иностранные рабочие составляли 24,5% всей рабочей силы страны, в Канаде – 19,1, в Швейцарии – 18,3, в США – 12,4, в Австрии и Бельгии – по 10, в Германии – 8,8%. В арабских нефтедобывающих государствах зоны Персидского залива, а также в Ливии иностранные рабочие и специалисты играют столь большую роль, что их депортация привела бы к параличу всех основных сфер жизнедеятельности. В странах Ближнего Востока иммигранты составляли в конце 90-х годов свыше 70% населения (для сравнения в 1950 г. лишь 4,8%). А доля трудящихся-иностранцев среди работающего населения оказывается существенно больше: например, в Катаре, ОАЭ – более 90%.

В составе иммигрантов нередко преобладают национальные группы, этнически далеко отстоящие от коренной части населения страны, принимающей иммигрантов. Например, в ФРГ среди иммигрантов 28,8% – турки, во Франции 15,4 – марокканцы и 14,6% – алжирцы, в США 30% – мексиканцы, в Финляндии 24,6% – россияне¹.

Большинство иностранных рабочих стремятся найти работу в соседних странах. Преобладающую их часть составляют так называемые временные рабочие, приезжающие на заработки в определенный сезон или на определенный период времени в связи с возникновением необходимости в специалистах той или иной квалификации. Многие экономически развитые страны предоставляют иностранцам право на получение временной работы в соответствии с заключенным контрактом, а также возможность повысить свою квалификацию.

Межконтинентальная миграция все более начинает замещаться внутриконтинентальной. Хотя пока нет точных статистических данных, общепризнанно, что значительная часть рабочих иммигрантов в Западной Европе сейчас прибывает из Восточно-Европейского региона, в том числе и из РФ. Фактором, сдерживающим рост трудовой миграции из развивающихся стран, стало существенное расширение экспорта предпринимательского капитала из высокоразвитых стран в менее развитые. Импортируемый капитал создает дополнительные производственные мощности и новые рабочие места в странах – экспортерах

1. *Международные экономические отношения. М.: ИФРА-М, 2005. – С. 321–322.*

рабочей силы, что ослабляет желание людей к выезду на работу за границу. Такое же влияние оказывают иностранные частные и государственные долгосрочные кредиты менее развитым странам.

Существенное воздействие на процессы международной трудовой миграции оказывает деятельность современных ТНК, формирующих свои внутренние (интернальные) рынки. В соответствии с докладом ЮНКТАД о мировых инвестициях 2003 г., в 2002 г. ТНК обеспечивали работой за рубежом более 53 млн. человек.

Возникли и усилились политические, демографические и социальные факторы, которые в той или иной степени содействовали перемене места жительства на время или же даже навсегда. Трудовая миграция превратилась в сложный и многофакторный процесс перемещения населения. Это стало причиной обострения политических и социально-экономических проблем в странах ЕС, вызвало к жизни волну антииммиграционных настроений. Остро встала проблема нелегальной иммиграции и проникновения организованной преступности на Запад с Востока.

Оценка современной миграционной ситуации в РФ

Как отмечается в стратегических документах российского правительства, сложившиеся демографические тенденции делают экономически целесообразным стимулирование замещающей миграции, т.е. миграции, компенсирующей сокращение численности всего, или отдельных групп, населения. Без замещающей миграции даже с учетом возможного повышения уровня рождаемости численность населения России сократится к 2025 г. как минимум на 20 млн. человек, а в 2050 г. будет составлять около 100 млн. человек. В результате демографического старения доля лиц старше 60 лет увеличится с 18% в 2000 г. до 26% в 2025 г. Изменение количественных соотношений между поколениями в пользу пожилых людей окажет сильное влияние на рынок труда, систему социального обеспечения и здравоохранения, на экономическое развитие в целом. Приток мигрантов в определенной мере может затормозить процесс демографического старения на территории России².

На данный момент миграционная ситуация в РФ остается крайне нездоровой. Хотя по сравнению с 90-ми годами, когда миграция носила стихийно-обвальное характер, положение удалось несколько выправить, но говорить о наличии продуманной комплексной многоцелевой государственной программы

2. Моденов В.А., Носов А.Г. *Россия и миграция. История, реальность, перспективы.* М.: Прометей, 2004. – С. 9.

реализации миграционных ресурсов пока преждевременно. Прежде всего, следует рассмотреть этот вопрос с точки зрения госконтроля. Функции его за процессами миграции в РФ переданы Министерству внутренних дел. В отношении мигрантов оно, естественно, будет действовать силовыми методами, отработанными в борьбе с преступной средой.

Идентификация миграции, даже если рассматривать незаконную миграцию, с криминальной средой – является крайне опасной тенденцией. Несмотря на то, что незаконный въезд в страну является преступлением, его нельзя рассматривать с точки зрения криминального преступления, нужен специальный орган, занимающийся вопросами иммиграции, так называемая миграционная полиция.

Еще тяжелее дело обстоит с социальным обеспечением в миграционной среде. Сегодня социальное положение мигранта равнозначно положению изгоя в обществе. Это касается не только давления со стороны правоохранительных органов и сложившегося негативного стереотипа восприятия мигрантов у российских граждан. Отсутствуют элементарные формы правовой защиты, социальных гарантий, медицинского обслуживания, профессиональной подготовки, детского образования. Государственно-правовой вакуум толкает иммигрантов в криминальную среду, под патронаж этнических диаспор, использующих своих бывших соотечественников в незаконном обороте наркотиков, теневом бизнесе, контрабанде, проституции. Условия их труда часто приближены к рабской эксплуатации. В результате из-под контроля государства ускользает огромная база для налогообложения, ежегодный оборот которой составляет десятки миллиардов долларов.

Отсутствие отлаженных механизмов регулирования и контроля над миграционными потоками, слабость регламентируемой нормативной и законодательной базы стимулируют рост коррупции в госаппарате. Большая часть поступлений в казну оседает в карманах чиновников и представителей силовых структур. Полностью искоренить эту традицию российской государственности в обозримой перспективе вряд ли удастся, но обозначить жесткие рамки минимального уровня налоговых поступлений от миграции в бюджет государства необходимо уже в самое ближайшее время.

В аналитических целях следует систематизировать рассматриваемые проблемы по ключевым блокам.

Первый: экономическое планирование оптимального распределения трудовых миграционных ресурсов. Такое планирование подразумевает:

- а) хозяйственно-экономическую стратификацию регионов, выделение регионов, испытывающих общий дефицит и нехватку рабочей силы;
- б) отраслевую стратификацию, выделение приоритетных отраслей, в которых труд иностранных рабочих мог бы дать максимальный экономический эффект;

в) профессиональную стратификацию, т.е. систематизацию наиболее востребованных и незаполненных по отраслям вакансий;

г) стратегическую стратификацию регионов, выделение регионов, которым будет отдаваться экономический приоритет в связи с развертыванием в них в будущем глобальных общегосударственных макроэкономических программ. В первую очередь это относится к малоосвоенным регионам Сибири, располагающим огромными неразработанными залежами природных ископаемых, районам, которые должны играть ведущую роль не только в отечественном народном хозяйстве, но и в мировой экономической системе.

Второй: демографическое планирование, предполагающее:

а) улучшение общей демографической ситуации в РФ, где естественная убыль составляет от 700 до 900 тыс. человек в год. Число въезжающих мигрантов должно быть, как минимум, равным этому показателю, а в идеале обеспечивать прирост населения в пределах 5–10 человек в год на каждую 1000 жителей;

б) поэтапное исправление демографического дисбаланса и внутренней асимметрии развития, когда 78,5% населения проживает в европейской части России. Средняя плотность населения в европейской части России составляет примерно 26,4 человека на каждый квадратный километр, за Уралом – 2,4 человека.

Третий: эффективное геополитическое планирование и регулирование. Это направление относится к сфере обеспечения интересов национальной безопасности и поддержания геополитических позиций России на международной арене. Геополитическое планирование предполагает учет географической удаленности расселения мигрантов от территории своей исторической родины и учет всех возможных аспектов межгосударственных отношений между Россией и соседними странами. Эта проблема в последнее время достаточно остро обсуждалась в прессе, на телевидении, в Государственной думе, а также на уровне местных администраций и т.д. Речь идет, в первую очередь, о китайской миграции в районы Южной Сибири и Дальнего Востока, которая представляет собой потенциальную угрозу национальной безопасности и территориальной целостности РФ в случае обострения отношений с КНР. Компактное расселение мигрантов вблизи государственной границы, в непосредственной близости от страны этнического происхождения при относительно низкой плотности коренного населения чревато постепенным захватом этих территорий, и хотя понимание этой проблемы на государственном уровне существует, однако ее практическое эффективное решение пока еще недоступно.

Четвертый: этнокультурное планирование.

Миграция в РФ должна соответствовать определенным этническим, психологическим и культурным параметрам. Эти параметры являются определяющими при выведении квот и пропорций представительства различных этнокуль-

турных типов в общей структуре устанавливаемого годового объема миграции. Дисбаланс в этих пропорциях может привести к серьезному нарушению этнического равновесия и даже к непредсказуемым конфликтным ситуациям. Поэтому при установлении пропорций этнического представительства необходимо учитывать следующие факторы:

- социально-психологические особенности различных этнокультурных типов, их способность адаптироваться к социальной среде в РФ;
- особенности религиозного мировоззрения и уровень его лояльности по отношению к другим конфессиям;
- способность к ассимиляции, либо, наоборот, ее принципиальная невозможность, как, например, у китайской диаспоры;
- языковые и культурные особенности, способность к освоению русского языка и восприятию русской духовной культуры;
- способность к обучению и профессиональной переподготовке;
- адаптируемость к тяжелым бытовым и климатическим условиям;
- культуру труда и традиции национальной трудовой специализации, способность заниматься трудом в необходимой государству сфере;
- уровень лояльности по отношению к государству, уровень внутренней самодисциплины, тип социального поведения;
- демографический потенциал, характерный для различных народов;
- уровень этнической пассионарности и социальной активности, а также некоторые другие параметры.

Пятый: инвестиционное планирование, что связано со следующими обстоятельствами:

а) пока не используется инвестиционный ресурс миграции, связанный с возможностью привлечения иностранных капиталов под проекты, учитывающие привлечение рабочей силы из стран-инвесторов;

б) практически отсутствуют серьезные внутренние инвестиционные проекты, рассчитанные на оптимальное использование потенциала уже сложившейся миграционной среды;

в) самым главным является отсутствие нормативной базы благоприятного инвестиционного климата, которые могли бы обеспечить эффективные гарантии по вкладываемому капиталу.

Шестой: планирование в системе международного разделения труда. Наибольший эффект от использования иностранной рабочей силы может быть достигнут при интеграции в международные производственные, финансовые и транспортные схемы. В этом случае ответственность за эффективное использование миграционных ресурсов будет ложиться не только на плечи России, а равномерно распределится между всеми участниками цепи.

Таким образом, нынешнее отсутствие комплексного, многоцелевого миграционного планирования существенно затрудняет разработку и реализацию эффективной миграционной политики. У государства нет четкого понимания того, какая миграция нужна России, каким образом может быть максимально реализован ее колоссальный внутренний потенциал. В результате возникают нездоровый дисбаланс миграционных потоков, концентрация мигрантов в тех регионах, где их пребывание противоречит экономическим, демографическим, социальным и геополитическим интересам РФ.

Несовершенство федерального законодательства вынуждает региональных руководителей принимать самостоятельные, далекие от нормальной правовой основы, и просто дискриминационные жесткие регулирующие меры. Крайне нездоровая миграционная ситуация сложилась в Московском регионе, на Северном Кавказе, в Краснодарском и Ставропольском краях, на юге Сибири, Дальнем Востоке. Результатом этого стало обострение социальной обстановки, грозящее обернуться межэтническими конфликтами, ростом националистических настроений и увеличением популярности разновидностей шовинистской идеологии.

Россия остро нуждается в комплексной, многоцелевой, эффективной политике миграционного развития на ближайшие десятилетия, которая бы полностью соответствовала ее геополитическим, экономическим, демографическим, региональным интересам, способствовала социально-экономическому и этническому обновлению системы, восстановлению исторического статуса страны как великой мировой державы. В основу этой концепции должны быть положены, прежде всего, экономические приоритеты и стратегические цели развития – эффективное регулирование миграционных потоков невозможно без здоровой экономической основы. Сложившийся в государстве за последние годы благоприятный общественно правовой фон значительно повышает шансы того, что наработываемые в настоящее время основы миграционной политики РФ могут быть успешно реализованы в будущем.

М. С. Пальников

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЕВРОПУ: ОЦЕНКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Пальников Марат Степанович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

Тема российской эмиграции в Европу стала вновь актуальной в 90-е годы XX столетия, когда в результате включения в мировое экономическое пространство Россия вошла в число стран с высокими уровнями трансграничной и внутренней миграции. Характерной особенностью данного процесса стало то, что внешняя миграция в значительной мере приняла форму безвозвратного выезда за рубеж.

С учетом данной особенности в статье рассматриваются виды миграции, ориентированной на постоянное проживание за рубежом и присущие соответствующим контингентам мигрантов общие и специфические побудительные мотивы к выезду за рубеж; количественные показатели эмиграции; проблемы интеграции эмигрантов в западноевропейское общество; наносимый эмиграцией ущерб человеческому потенциалу (ресурсу) и экономике России; внутренние и внешние факторы сдерживания или, наоборот, поощрения эмиграции и обусловленное действием этих факторов сокращение (увеличение) ее размеров. В связи с вопросом о количественных показателях приводятся критические оценки состояния статистического учета, служащего причиной существенной недооценки действительных размеров эмиграции. В целом задача статьи видится в том, чтобы составить общее представление о современных видах эмиграции, выяснить причины их возникновения, определить потенциал эмиграции на перспективу, возможности возвращения эмигрантов, по тем или иным причинам не сумевших интегрироваться в европейское общество.

Причины и виды эмиграции

При всем разнообразии причин, побуждающих людей становиться эмигрантами, они, как правило, уезжают за рубеж в надежде обрести достойные условия жизни, которые им не может гарантировать их собственная родина, и

тем самым обеспечить будущее своей семьи и детей (или создать семью). Разумеется, среди них могут быть и те, кто ищет идеальных политических свобод, личной безопасности, просто склонен к «перемене мест», хотел бы только за рубежом реализовать свой «творческий потенциал», просто «повидать мир» и т.п. Однако в своей подавляющей массе за рубеж уезжают прежде всего в поисках материального благополучия. Это стремление одинаково присуще как обычным трудовым мигрантам, готовым ехать ради хлеба насущного хоть на край света и браться за любую работу, так и тем, кто относит себя к более элитным категориям мигрантов, для которых не менее важно, чем высокооплачиваемая работа, значение имеют такие ценности, как интеллектуальная среда, творческая атмосфера и наличие условий для профессионального роста.

Преимущественно экономическая подоплека миграций хорошо видна из результатов опроса, проведенного в 2001–2002 гг. в Португалии и ставшего возможным после того как в 2000–2001 гг. там была осуществлена легализация мигрантов, в ходе которой были выявлены свыше 6 тыс. нелегально проживавших в этой стране россиян. В числе «факторов выталкивания» из России респондентами были названы такие, как «плохое финансовое положение» – 56,7% опрошенных), «проблема с работой» – 24,7, «низкий уровень жизни» – 8,7, «отсутствие жилья» – 4,7%. В качестве других причин выездов назывались: «стремление путешествовать» – 7,3%; «политические проблемы» (среди них центральная – коррупционность власти) – 5,3; «психологические проблемы» (главным образом «семейные неурядицы») – 4,0 и «воссоединение семьи» – 4%. Таким образом, результаты опроса однозначно свидетельствуют о том, что экономические мотивы эмиграции являются преобладающими. Показательно, что среди участников опроса 77% имели высшее, среднее, высшее профессиональное и послевузовское образование, тогда как в Португалии работники такого уровня квалификации составляют лишь 7,7% от общей численности рабочей силы. Несмотря на это, 40% опрошенных мужчин-эмигрантов были всего лишь подсобными рабочими в строительстве, а 20% женщин работали уборщицами (22, с. 22). На этот парадокс – разрыв между уровнями образования выезжающих за рубеж россиян и теми реальными условиями занятости, которые им предлагают на Западе – уже обращают внимание отечественные специалисты, и мы еще коснемся данной проблемы, когда речь пойдет о рынках труда Германии и Франции. Во всяком случае, это серьезная жизненная проблема, непосредственно касающаяся условий интеграции российских эмигрантов в западное общество.

Как бы то ни было, стремление улучшить свое материальное положение в настоящее время оказывает решающее влияние на формирование всех без исключения миграционных потоков, будь то экономическая (трудовая), интеллектуальная, этническая или специфически женская эмиграция. Этот же мотив

присущ и учебной миграции, он подспудно формирует сознание будущих потенциальных эмигрантов. При этом для каждого потока характерны свои особые мотивации поведения, которые с течением времени могут изменяться.

Так, если в первые годы реформ причинами для выезда за рубеж в научной среде нередко были политические мотивы типа «стремление полностью избавиться от наследия тоталитарного прошлого», разного рода идеологического контроля, желание «полной грудью вдохнуть воздух западной свободы», то в дальнейшем причины для миграционных настроений существенно меняются. На первый план выдвигаются такие факторы, как недофинансирование науки, неясные перспективы продолжения карьеры, невостребованность творческих способностей и профессиональных знаний со стороны государства и общества, опасность распада научных школ и утраты возможности вести исследования на мировом уровне. К концу 90-х годов политические мотивы вновь занимают одно из первых мест, но теперь это уже терроризм и война в Чечне. Но это лишь подтверждает, что основной, главный «выталкивающий фактор» так и остается неустраненным – речь по-прежнему идет о неудовлетворенности ученых своим материальным положением (9, с. 20–27; 10, с. 11).

Серьезный экономический и социальный подтекст имеет женская эмиграция. Причины, по которым происходит исход из России девушек и женщин, в целом известны. Женщины составляют около 70% всех безработных, они образуют большинство занятых в низкодоходном в своей основе бюджетном секторе экономики. Ежедневная борьба за существование, основной груз которой выпал на плечи женщин, стимулирует их желание искать счастья в других странах. Для многих из них сильным мотивом к эмиграции является возможность получить университетскую степень в зарубежном университете, «добиться свободного владения» английским языком. Но все же, как считает психолог О. Маховская, «решающий фактор женской эмиграции – кризис семьи, это последнее пристанище, которое могло бы дать молодой женщине защиту и поддержку в долговременной перспективе» (15, с. 128). Присутствуя во всех других миграционных потоках, женщины вместе с тем образуют самостоятельные потоки мигрантов, часть которых выезжает за рубеж на временной основе и по официальным контрактам для работы в сфере услуг. В то же время значительная часть женщин выезжает за рубеж по туристическим или артистическим визам, не раскрывая при этом своих истинных намерений. Именно среди женщин много нелегалов. «Среди тех, кто становится нелегалами уже после законного въезда в страну, значительную часть составляют женщины, – пишут известные специалисты Т. Регент и Ю. Архипов. – Многие из них, направляясь на “заработки”, выезжают в принимающие страны в соответствии с установленными процедурами, прежде всего по туристической или артистической визе. Однако когда срок визы заканчивается, они оказываются вне закона и начинают

кочевать, нигде подолгу не задерживаясь и стараясь скрыть свой статус нелегального мигранта» (16, с. 49). Несколько более явной является миграция, связанная с замужеством. Обнародована официальная статистика США, согласно которой за последнее десятилетие по «визам невест» в США эмигрировали около 75 тыс. россиянок и примерно столько же выехало в другие страны. В числе этих «невест на экспорт» 25–35% составляют одинокие матери – оказалось, что западные мужчины, особенно французы и немцы, довольно охотно женятся на русских женщинах, имеющих детей (20, с. 40–42). Мотив, побудительная причина здесь, по крайней мере, очевидны.

Отличительной чертой России уже на протяжении продолжительного периода времени является этническая эмиграция. Поток этнических эмигрантов возник еще в советское время и на начальном этапе формировался в основном из представителей еврейской, немецкой и греческой национальностей.

Мотивация к этнической миграции, объясняемая обычными в таких случаях причинами (тяга к переезду на историческую родину, пережитые в России невзгоды и т.п.), переплеталась с желанием уехать из «нецивилизованной страны», с ее идеологией тоталитаризма, а также со стремлением улучшить свое материальное положение. Некоторая часть мигрантов, особенно среди евреев, руководствовалась в своем решении религиозными чувствами.

Важным «источником питания» для эмиграции в целом и для интеллектуальной эмиграции в особенности стала учебная миграция российских студентов – выпускников вузов, либо обучающихся за рубежом, либо получающих гранты и специальные стипендии от иностранных фирм и университетов для завершения учебы в России, но затем напрямую выезжающих на работу за рубеж. В скрытой форме «утечки молодых умов» или в открытой форме «скупки молодых умов» в нарастающей степени развивается в сущности процесс интеллектуальной эмиграции, но как бы с отложенным сроком ее официального оформления. Серьезные симптомы того, что «утечка молодых умов» станет неизбежной, отчетливо проявились в середине 90-х годов. Уже тогда, согласно данным полученным И. Ушкаловым, намерения эмигрировать имели от 15 до 25% выпускников российских вузов, а в ряде технических и физических вузов их доля составляла более 50% (23, с. 35). В последующие годы численность выпускников вузов, желавших продолжить свою научную или трудовую карьеру за рубежом, продолжала расти. Обследование, проведенное в начале 2000-х годов через Интернет, выявило, что после обучения в зарубежных университетах возвращение на родину вообще планировали лишь 20–25% российских мигрантов (13, с. 24). Показательно, что аналогичный результат был получен и в ходе опроса студентов выпускных курсов МГУ (выборка из 465 человек), проведенного Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН и Центром исследований и статистики Минпромнауки и РАН в октябре-ноябре 2002 г.: в

данном случае жить и работать в собственной стране хотели бы не более 25% респондентов. Вывод проводивших опрос Л. Леденевой и Е. Некипеловой неутешителен: «...подавляющее большинство (выпускников вузов. – Ред.) не принимают Россию в качестве места приложения своих профессиональных знаний и намерены выстраивать свое будущее за ее пределами. Это, конечно, просто модель или “мечта”, которую реализуют далеко не все. Однако такие настроения весьма симптоматичны» (12, с. 26). Иначе говоря, результаты «внутреннего» опроса практически подтвердили результаты «внешнего», что свидетельствует о наличии определенной, весьма опасной для страны тенденции.

Настрой студентов на учебу и последующую работу за рубежом (в более благоприятном варианте – на работу в филиалах иностранных компаний в России) постоянно поддерживается высокой активностью зарубежных фирм и университетов, разного рода фондов развития науки на образовательном рынке России, причем в последние годы эта активность возрастает не только в традиционных образовательных центрах России, но в первую очередь – на периферии. Разновидности этой «охоты» на наиболее талантливую молодежь, факты прямого подталкивания к эмиграции подробно описаны в сборнике «Социально-экономические проблемы миграции в современной России» (18), и мы не будем останавливаться на них. Добавим лишь, что в России уже сложилась прослойка достаточно состоятельных родителей, желающих дать своим детям сугубо западное образование. Причем такого рода настроения культивируются с раннего возраста, о чем свидетельствует постоянно нарастающий поток школьников, обучающихся за рубежом по западным школьным программам. Так что под «утечку молодых умов» подведен, по всей видимости, достаточно прочный фундамент.

К видам учебной миграции, которая может порождать миграционные настроения, реализующиеся в более отдаленной перспективе, относятся: краткосрочные общеобразовательные и языковые школьные курсы, языковые туры и т.п., безусловно, заманчивые как для детей, так и для их родителей. Такие настроения в дальнейшем, как правило, принимают форму устойчивых стереотипов.

Количественные показатели эмиграции

В каких объемах осуществляется эмиграция из России и в какие европейские страны направляются «россияне» на постоянное место жительства? Точного ответа на первую часть вопроса не знает никто. Возможность ответить на его вторую часть появилась после того, как Госкомстат РФ начиная с 2001 г. стал публиковать более детализированные данные по отдельным странам, чем это делалось в предшествующие годы.

Согласно официальной версии, озвученной главой Госкомстата В. Соколинским, в период с 1991 по 2003 г. из России на ПМЖ в другие страны мира выехали немногим более 1,1 млн. человек (6, с. 9). О том, как безвозвратная эмиграция из России складывалась по годам, можно судить по официальным данным, представленным в таблице.

Таблица

**ДИНАМИКА ВНЕШНЕЙ БЕЗВОЗВРАТНОЙ МИГРАЦИИ
(РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ - «ДАЛЬНЕЕ ЗАРУБЕЖЬ»,
В ТЫС. ЧЕЛ.)**

Годы	Прибыли из ДЗ	Выбыли в ДЗ	Сальдо миграции	Годы	Прибыли из ДЗ	Выбыли в ДЗ	Сальдо миграции
1984	0,3	2,6	-2,3	1994	0,4	105,4	-105,0
1985	0,3	3,1	-2,8	1995	0,5	110,3	-109,8
1986	0,4	2,9	-2,5	1996	0,4	96,7	-96,3
1987	0,4	9,8	-9,4	1997	0,4	84,8	-84,4
1988	0,4	20,8	-20,4	1998	0,5	83,7	-83,2
1989	0,3	47,6	-47,3	1999	0,5	108,3	-107,8
1990	0,2	103,7	-103,65	2000	0,6	77,6	-77,0
1991	0,2	88,3	-87,9	2001	1,2	75,0	-73,8
1992	0,3	103,1	-99,8	2002	4,9	45,6	-40,7
1993	0,4	113,9	-113,5	2003	5,4	39,9	-34,5

Рассчитано по: 16, с. 338–339; 16а, с. 124–125.

К сожалению, вплоть до последнего времени выделить из этих данных Западную Европу в полном объеме было невозможно, поскольку по отдельно взятым странам сведения приводились только по Германии, Греции, Финляндии и Швеции. Однако на эти четыре страны за рассматриваемый период пришлось 60% российских эмигрантов, тогда как на страны традиционной иммиграции – США, Австралию и Канаду – только 12%. Еще 26% составили в основном этнические эмигранты, выехавшие в Израиль. Оставшиеся 2% эмигрантов приходятся на Болгарию, Польшу, Афганистан, Китай, Кубу и другие страны. Западная Европа, таким образом, уже длительное время является основным импортером трудовых ресурсов из России.

Достоверность официальной статистики вызывает у специалистов серьезные сомнения. В качестве главных причин недостоверности большинство исследователей называют общее ухудшение нормативной базы, регулирующей процедуры учета мигрантов, а также частую смену методик учета. Как следствие, отсутствует качественная статистика, дающая возможность вести систематические наблюдения. Так, О. Чудиновских, детально изучившая состояние учета миграции в современной России, отмечает, что в настоящее время нет ни одной

нормально работающей системы учета, которая давала бы правильное и полное представление о величине миграционных потоков и их структурных характеристиках. Всем им присуща значительная недооценка (точнее, неполный охват) реальных объемов миграции. В результате, согласно некоторым оценкам, число иммигрантов из России, фиксируемое зарубежными источниками, как минимум на 20% превышает данные российской статистики (25, с. 27–29). Вплоть до последнего времени, отмечают Л. Рыбаковский и С. Рязанцев, сведения по эмиграции собирались двумя ведомствами – Государственным комитетом по статистике, учитывающим лиц, при выезде за рубеж снявшихся с учета в паспортных столах по месту жительства, и МВД РФ, учитывающим граждан, получивших разрешение на выезд. «При этом и те, и другие данные недостаточно точны, поскольку не отражают фактический выезд из страны – можно выехать, не снимаясь с учета; также, получив разрешение на въезд, – остаться в России» (166, с. 23–24).

В свою очередь, констатируют И. Малаха и А. Топилин, частая смена методик учета приводит к тому, что неизвестными, например, остаются не только количество российских ученых и специалистов, уже работающих за рубежом, ежегодно выезжающих за рубеж и ежегодно возвращающихся на родину, но и их профессиональный состав и уровень образования (21, с. 62–63). Судя по всему, в аналогичном состоянии находятся учет и качественные (структурные) характеристики по другим видам миграции.

Справедливости ради следует отметить, что на возможности достоверного учета существенное влияние оказывает характерное для настоящего времени – причем, наблюдаемое не только в России, но практически повсеместно – смешение видов миграции, их нередкая маскировка одной под другую, своего рода мимикрия. Примерами сложностей, возникающих в подобных случаях, могут служить поэтапная и латентная форма эмиграции. Поэтапная форма эмиграции наблюдается тогда, когда за рубеж официально выезжают с целью временной работы или учебы, но затем оформляют вид на жительство, а в дальнейшем могут получить и гражданство. Латентная форма охватывает случаи, когда тип выездной визы не соответствует цели или статусу пребывания. Например, за рубеж выезжают по гостевой или туристической визе в надежде найти работу и со временем добиться рабочей визы, а затем вида на жительство или гражданства. Л. Леденева и Е. Некипелова, обратившие внимание на данные разновидности эмиграции в связи с изучаемой ими проблемой миграции выпускников вузов и молодых ученых, отмечают, что отсутствие строгих требований, предъявляемых к оформлению документов при выезде из России, «ведет к искажению представлений о реальных масштабах миграции за рубеж. Значительная ее часть в официальной статистике остается неучтенной» (12, с. 23). Но нередки и иные случаи заведомого сокрытия истинных причин выезда. Напри-

мер, по сведениям Центрального совета евреев Германии в 2001 г. в своем псевдоеврейском происхождении с целью получить иностранное гражданство признались около 30 тысяч «этнических» иммигрантов (17, с. 4). Иначе говоря, это были фактические нелегалы. Не менее показательны результаты проведенной в 2003 г. проверки обоснованности поданных в Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев примерно 24 тыс. заявлений от российских граждан с просьбой предоставить политическое убежище в какой-либо из западноевропейских стран. В результате выяснилось, что даже при наличии среди заявителей примерно 10% беженцев из Чечни подобное право можно было предоставить немногим более чем 6% заявителей. Все остальные оказались экономическими мигрантами, не имевшими иной возможности выехать из страны (5, с. 13).

Одним из существенных изъянов отечественной статистики является отсутствие в ней хотя бы примерных оценок нелегальной миграции. В результате в научных публикациях, в средствах массовой информации можно встретить оценки численности эмигрантов, во много раз превышающие данные официальных источников. Так, некоторые исследователи полагают, что между переписями 1989 и 2002 гг. из страны выехали 5,4 млн. человек (27, с. 10). Существуют оценки, согласно которым только в Европу выехали 5 млн. человек, а в целом из России за те же годы эмигрировали от 8 до 9 млн. человек (15, с. 142).

В целом, из-за разного рода изъянов официальной статистики немногочисленные пока исследования современной волны эмиграции опираются главным образом на данные полевых исследований и социологических опросов, на личные наблюдения и беседы при выездах за рубеж, статистику международных организаций, а также оценки зарубежных авторов. Широко применяются косвенные оценки. Хотя собранные подобными способами данные относят к числу качественных, достоверных показателей, их общим слабым местом остается низкая сопоставимость, обусловленная применением различных методик сбора данных. К тому же самих исследований, касающихся проблем эмиграции, слишком мало для того, чтобы можно было с уверенностью говорить об изученности рассматриваемой проблемы как в целом, так и в различных ее проявлениях.

Проблемы адаптации и интеграции эмигрантов в западноевропейское общество

Как бы ни различались между собой оценки масштабов эмиграции, очевидно, что речь идет о выборе, сделанном миллионами людей. Но, делая подобный выбор, далеко не все из них представляют себе те трудности, с которыми им придется столкнуться при выезде за рубеж. В первую очередь, это языковой барьер, преодолеть который будет суждено далеко не всем. Это и необходи-

мость приспособления к жизни в иноязычном и инокультурном окружении, и освоение новой культуры, образа жизни и стиля мышления другого народа и т.д. Но одновременно это и сложные, особенно на первых порах, проблемы трудоустройства и налаживания жизни на новом месте на чисто бытовом уровне, когда от действий самих эмигрантов, как правило, еще мало что зависит. Решающую роль играют условия приема эмигрантов в стране-реципиенте, действующая там интеграционная модель, правовой статус национальных меньшинств, степень соблюдения местными властями международных конвенций о защите этнических групп, а также возможность получения эмигрантами поддержки со стороны национальной диаспоры, если таковая имеется в стране приема.

В настоящее время, особенно под влиянием процессов депопуляции, многие западноевропейские страны вынуждены проводить такую миграционную политику, которая, с одной стороны, давала бы им возможность восполнять естественную убыль населения и нехватку рабочих рук, дозированно привлекая мигрантов низших и средних уровней квалификации. С другой – пользуясь возможностями, открывшимися в результате процессов глобализации, привлекать для нужд собственной промышленности и сфер науки и образования высококвалифицированных ученых и специалистов из третьих стран. Одновременно им необходимо выполнять международные обязательства в отношении беженцев и перемещенных лиц и бороться с нелегальной иммиграцией, торговлей людьми и другими негативными проявлениями международных миграций населения. В целом это предполагает усиление миграционного контроля и одновременно слежение за тем, чтобы такого рода контроль не заходил слишком далеко, мешая восполнению нехватки населения и препятствуя привлечению кадров высокой квалификации.

По степени разработанности, продуманности миграционной политики первое место в Европе, безусловно, принадлежит Германии. Ни одна другая европейская страна на протяжении длительного периода времени не проводила политики столь масштабной репатриации соотечественников – в данном случае этнических немцев; приема евреев как жертв нацизма; предоставления убежища по политическим мотивам и одновременно многомиллионного приема гастарбайтеров по так называемым рабочим программам. Не случайно поток желающих выехать в Германию на временную или постоянную работу является одним из самых крупных не только в Европе, но и в целом мире, а сами немцы были вынуждены в ряде случаев ограничивать въезд в страну даже этнических немцев, предпочитая финансировать их обустройство в местах традиционного проживания.

В контексте данной статьи опыт Германии особенно интересен в другом отношении – именно сюда направляется основной поток российских мигрантов трех национальностей – этнических немцев, русских и евреев. Выросшие в

общей социокультурной среде, сохранившие отдельные черты и особенности собственных культур, они обнаруживают различные типы адаптивного поведения, равно как и разные уровни готовности (или неготовности) к интеграции в германское общество, что важно для понимания перспектив интеграции выходцев из России в целом в западноевропейское общество. Из-за различий в условиях приема, связанных с законодательством, они с самого начала оказались поставленными в неравные условия. Например, этнические немцы (аусзидлеры) получают паспорт и гражданство автоматически и могут участвовать в выборах. Евреи в течение года получают вид на жительство с последующим гарантированным получением гражданства, но до тех пор остаются политически бесправными. Все остальные выходцы из России принимаются на общих основаниях, и процедура получения паспорта может растянуться для них на 10–15 лет.

Когда же речь заходит о трудоустройстве, в наиболее выгодном положении, на первый взгляд, оказываются евреи – для них законом предусмотрены неограниченные возможности трудоустройства. Но на самом деле это не так – согласно другому закону свободное рабочее место сначала предоставляется гражданину Германии или ЕС и только потом, если таковых не найдется, рассматриваются другие кандидатуры. Таким образом, иммигрантам и из этой этнической группы предлагается, как правило, малопривлекательная для немцев работа. С другой стороны, на первых порах в наиболее невыгодном положении оказываются этнические немцы – как вследствие плохого знания языка, так и потому, что в своей массе они происходят из крестьянской среды и имеют немного шансов на хорошо оплачиваемую работу в современной профессиональной иерархии городского типа. Поэтому представители этой группы «занимают в основном нижние ступени в профессиональной иерархии и выполняют тяжелую и непрестижную работу, которую не хотят делать местные жители» (26, с. 104). Но и большинство русских располагается на тех же, может быть, более близких к средним, ступенях этой иерархии. Как можно судить по исследованиям ряда авторов, шанс получить работу в Германии вообще имеют скорее представители массовых рабочих профессий, чем работники умственного труда.

«Иммигранты, считающиеся высококвалифицированными специалистами у себя на родине, еще не знают, что устроиться на постоянную работу в Германии из-за заостренности трудового законодательства едва ли не труднее, чем в любой другой стране ЕС», – отмечает российский политолог В.Любин (14, с. 81). Особенно проблематично устроиться на работу гуманитариям. В этом отношении судьба лиц с высшим образованием одинакова во всех трех этнических группах. Сочетание двух факторов – иные квалификационные требования плюс ограниченное количество рабочих мест, заняв которые можно было бы сохранить ранее приобретенную профессию, приводит к тому, что на работу по специальности устраиваются не более 5–10% приезжих (24, с. 70). То, что это

так, подтверждает И. Скробат: ссылаясь на данные Центрального совета евреев Германии, она пишет о том, что работу по специальности не могут найти две трети иммигрантов-евреев, несмотря на то, что многие из них имеют высшее образование (17, с. 3). На данное обстоятельство обращает внимание и В. Любин: «Им, несмотря на высокий уровень образования, не удастся получить работу» (14, с. 76). Поэтому значительному числу выехавших интеллектуалов приходится либо полностью менять профессию, пройдя курсы переподготовки, либо жить на социальное пособие и перебиваться случайными заработками. Как свидетельствует Н. Федоров, стремясь в возможно более короткие сроки добиться материального благополучия, многие иммигранты с высшим образованием оканчивают краткосрочные курсы и школы переподготовки, чтобы стать менеджерами, ведущими продавцами в крупных магазинах, осваивают компьютер, чтобы работать в конторах, мелкой торговле и т.д. Нередки случаи, когда гуманитариям – просто для того, чтобы с чего-то начать – приходится заниматься стрижкой газонов. Иначе говоря, за материальное благополучие им приходится расплачиваться утратой социального статуса, ощущением собственной ущербности (24, с. 72). «Моральный ущерб» компенсируется получаемым в среднем более высоким доходом, чем это было до переезда в Германию, возможностью достаточно быстрого обретения крыши над головой – получения так называемого социального жилья, распределяемого среди иммигрантов по специальным программам. Компенсаторное воздействие этих факторов не следует преуменьшать, поскольку открывается возможность, не тратя денег на аренду жилья, приобрести в кредит уже собственное жилье. А это, в глазах немцев, признак самостоятельности, самодостаточности человека. Поэтому чем быстрее иммигрант приобретает собственное жилье, тем быстрее повышается его социальный статус, и он начинает соответствовать «общенемецкому стандарту».

Пожалуй, именно с этого момента в полной мере вступают в действие такие составляющие этнической интеграции, как решение вопроса о сохранении или об отказе от родного языка, культуры и идентичности. Во многом окончательный выбор на этом этапе зависит от того, в какой мере иммигранту удастся преодолеть социальный барьер, существующий между ним и местным населением. Хотя, по мнению специалистов, для немецкого социума, живущего уже 60 лет в условиях открытого, демократического общества, проявления ксенофобии не являются характерными, определенные антииммигрантские настроения существуют, и они могут усиливаться по мере роста притока иностранцев. Так, немецкий социолог Е. Эйхельберг отмечает резкое, даже коренное изменение отношения местного населения к этническим немцам в 1988–1990 гг., в период особенно массового их наплыва из Восточной Европы, после которого готовность местного населения к дальнейшему приему аусзидлеров стала медленно, но неуклонно снижаться. Аналогичную реакцию на резкий рост числа иммиг-

рантов из России и других стран бывшего СССР, отмечает Н. Федоров. Положительное отношение к ним сохранялось вплоть до конца 80-х годов. Когда же их численность резко возросла, отношение к ним со стороны немцев приняло характер массового недовольства. Интересно, что настроения отчуждения среди местного населения оказались подверженными своего рода конъюнктурным колебаниям: как только был принят закон, ужесточивший требования к ищущим политического убежища, и приток иммигрантов сократился, пошли на убыль и проявления национализма, накануне принятия закона достигшие в немецком обществе довольно высокого накала. Как считает Н. Федоров, возникновение у части немцев неприязни к русским приводит к тому, что у последних, в свою очередь, возникает чувство отчуждения от коренных немцев. Но это же отчуждение может усиливать у русских сознательное стремление к ассимиляции. Оценивая неприязнь к иностранцам как ситуационное, не носящее глубинного характера явление, он предполагает, что ограничение притока иммигрантов «приводит к восстановлению прежнего лояльного отношения к ним» (24, с. 80–81).

Как бы то ни было, русским иммигрантам приходится приспосабливаться к немецкой действительности и большинство из них, как свидетельствуют исследования, предпочитают скорейшую ассимиляцию. Во всяком случае, им есть с кого брать пример: несмотря на высокие издержки с обеих сторон, уже признаны успешными результаты интеграции в немецкое общество первых потоков этнических немцев. Как пишет Е. Эйхельберг, «переселенцы достаточно успешно интегрируются, овладевая немецким языком, развивая неформальные контакты с местными и осваивая новые для себя нормы и ценности, – в основном в течение 10–15 лет» (26, с. 108)¹. Но, скорее всего, «нормальной интеграции», под которой Н. Федоров подразумевает освоение немецкого языка и сохранение русского языка и культуры, не произойдет. Хотя для подобной интеграции со стороны немецкого общества нет никаких препятствий, все же, по его мнению, существуют важные различия русской и немецкой духовности, дополняемые различиями в мировоззрении иммигрантов новой и прежней волн. Новые иммигранты в своем подавляющем большинстве не имеют желания возвращаться в Россию, в отличие от иммигрантов 20-х годов XX в. Поэтому, считает он,

1. Следует отметить, что выводы Е. Эйхельберга опирались на опыт середины 90-х годов. С тех пор произошли существенные изменения: по мере сокращения в составе данной группы иммигрантов собственно этнических немцев (по последним данным, до 15% от общего числа приезжих), усилился приток членов их семей, практически не знающих языка и истории немецкой культуры, для которых характерен высокий уровень отчуждения. Сейчас в Германии насчитывается около 2 млн. переселенцев, юридически являющихся немцами, плохо владеющих языком и плохо ориентирующихся в незнакомом для них обществе (14, с. 83).

«высока вероятность крайностей интеграции – поглощения немецкой национальной общностью и забвения русскими своей этничности, то есть вероятность ассимиляции, либо отчуждения от немецкой нации...» (24, с. 105). Что касается «второго поколения», наиболее активные процессы окончательной интеграции в немецкое общество, как и следовало ожидать, получили свое развитие среди потомков этнических немцев (26, с. 109). Практически неизбежной признается и тенденция к ассимиляции второго поколения русских иммигрантов (24, с. 96–98).

Что касается иммигрантов еврейской национальности, вопрос об их интеграции в немецкое общество остается до сих пор открытым. Как это видится немецкой стороне, дело не только в том, что большинство их не говорит по-немецки и с трудом находит работу. «Проблема в следующем: лишь немногие из еврейских эмигрантов знакомы с традициями своего народа, поскольку соблюдать их при коммунистическом режиме было практически невозможно. Поэтому среди давних членов еврейских общин растут предубеждения против “новичков”. В общинах считают, что культурная и социальная поддержка выходцев из бывшего СССР отнимает слишком много сил, а отдача оказывается минимальной: новые члены общины мало участвуют в ее жизни. Эмигранты из России, в свою очередь, жалуются на то, что представители общины слишком мало внимания уделяют ежедневным нуждам “новичков”. Они наконец-то получили возможность открыто называть себя евреями и не хотят, чтобы их тут же начинали поучать, как полагается вести себя настоящему еврею» (14, с. 76–77). Но главная и трудно решаемая проблема для вновь прибывших в страну евреев та же, что и у других иммигрантов – проблема интеграции в немецкое общество. Как следствие, для многих из них Германия служит своего рода перевалочным пунктом для дальнейшего следования в США (17, с. 4).

Страной, традиционно привлекательной для российских граждан, всегда была и остается Франция. Это один из центров мировой культуры, здесь особенно развит рынок образовательных услуг – в этом отношении Франция входит в тройку ведущих, особенно привлекательных для молодежи европейских стран (наряду с Великобританией и Германией). Сведения о том, каким образом в настоящее время формируется во Франции российская диаспора, достаточно скудны, в том числе и по причине отсутствия достоверной французской статистики. Те данные, которые исследователям удается получать в ходе опросов, не могут считаться достаточно представительными, если иметь в виду численность опрошенных и продолжительность периодов наблюдения. К тому же живущие во Франции русские трудно идут на контакты. Как пишет социолог Т. Вьюгина, проведшая во Франции более 2,5 лет и подготовившая серию очерков о современной российской эмиграции, «получить объективную информацию сложно даже социологу. Как говорят сами эмигранты, “здесь почти каждому есть что скрывать”. На все вопросы люди никогда не ответят или будут

обманывать» (2, с. 182). За время пребывания ей удалось побеседовать лишь с 50 соотечественниками, но это дало возможность «нащупать» некоторые общие тенденции. Характерно, что о трудностях общения с бывшими соотечественниками в этой стране упоминается и в исследовании, проведенном несколькими годами раньше Л. Леденевой и француженкой Анн де Тинги. Им удалось договориться об интервью лишь с 35 эмигрантами, еще столько же в последний момент уклонились от встреч, сославшись на занятость или отсутствие заинтересованности. Все это, конечно, делает выборки недостаточно представительными.

Пожалуй, единственной общей чертой иммигрантов является их стойкое нежелание возвращаться на родину, хотя и в первой и во второй группе опрошенных есть люди, поддерживающие регулярные (или достаточно регулярные) деловые или родственные связи с Россией. Во всем остальном эти группы существенно различаются. Если у Л. Леденевой и Анн де Тинги (назовем ее группой «А») это в значительной мере уже давно живущие во Франции люди, в том числе уехавшие в свое время из Советского Союза по идеологическим соображениям, занявшие определенное место во французском обществе и имеющие относительно высокий (даже после смены в ряде случаев профессии) доход, то у Т. Вьюгиной (группа «Б») это в основном люди, пытающиеся всеми силами закрепиться в стране. Если в группе «А» в свое время по поддельным паспортам во Францию въехали всего два человека, то, похоже, в группе «Б» лиц с неясными юридическими основаниями для пребывания здесь несколько больше. Значительная часть опрошенных из группы «А» «в целом довольна своей жизнью, удовлетворена своей адаптацией... в том числе профессиональной. В двух случаях из трех специальность, приобретенная на родине, была сохранена, а уровень квалификации при этом повысился» (11, с. 141). По мнению Л. Леденевой и Анн де Тинги, обследованная ими группа творческих и научных работников (из них 63% – женщины), сохраняя контакты с коллегами в России, вносит определенный вклад в упрочение межгосударственных связей и поэтому их отъезд не означает для России полной потери (11, с. 142).

В значительной мере в женской среде вращалась и Т. Вьюгина. Массив опрошиваемых состоял здесь из лиц, еще только стремящихся закрепиться во Франции. Для многих из опрошенных фактически единственным способом проникновения в страну и получения вида на жительство было замужество.

Чтобы получить вид на жительство (сроком 10 лет), иностранке достаточно состоять с французом (иностранцу – с француженкой) в законном браке в течение одного года. Поскольку супругам-иностранцам выдается разрешение на работу, они ставятся на учет как безработные. И если это продолжается больше года, их переводят в категорию лиц, имеющих право пройти курсы французского языка или освоить какую-либо профессию, за что выплачивается стипендия, дающая некий минимум жизненных средств. Иногда женщина (что случается

довольно часто) сама находит трудовой контракт, обычно становясь прислугой или уборщицей, либо вновь выходит замуж. В случае развода женщина может получать определенное денежное пособие, ей могут предоставить место в приюте или квартиру по сниженной цене (категория французов или иностранок, «пострадавших от супругов»). К этому можно добавить, что на ребенка выделяется пособие, дающее возможность, откладывая деньги, даже позволить себе летний отпуск. Эмигранты этой категории редко возвращаются на родину. Отказаться от «такой ценности, как проживание на Западе», крайне трудно, подчеркивает Т. Вьюгина (2, с. 190).

Среди общих проблем, связанных с интеграцией иммигрантов из России, автор очерков отмечает следующие:

1. Значительные сложности с трудоустройством, особенно для лиц умственного труда, обусловленные крайне высокой конкуренцией даже между коренными французами. Российским ученым устроиться на постоянную ставку во Франции, как, впрочем, и в Германии, и в Испании, крайне трудно. Поэтому встретить здесь преуспевающего русского – большая редкость. Большинство начинают с временных контрактов. Вплоть до недавнего времени во Франции существовала возможность по окончании временного контракта получить в случае выигрыша общенационального конкурса постоянный контракт. Но поскольку во Франции, как и в Германии, существуют некие негласные ограничения на допуск иностранцев на хорошо оплачиваемые должности, постоянные контракты заключаются нечасто. Если же это случается, то покинуть, например, место в университете, откуда его могут уволить только по решению суда, русский ученый решится только в том случае, если на родине ему предложат «достойный эквивалент», поскольку такое место для многих французов является пределом мечтаний. Впрочем, заключает автор, «он (ученый) прошел искушение Западом и так просто от него не откажется» (3, с. 181).

2. Крайне слабая степень единства и структурированности между собой представителей предыдущих и новейшей волны эмигрантов, что можно объяснить и различиями эпох, и индивидуальными причинами или целями выезда за рубеж. В целом же разобщенность русских бросается в глаза (4, с. 180–181), она «стала уже легендарной» (3, с. 186).

3. На примере Франции и других стран Европы автор подтверждает сделанный ранее Л. Леденовой вывод о том, что в условиях глобализации появилась «категория “сильно ресурсных” личностей со знанием английского языка, компьютерных технологий, специальными знаниями, пользующимися спросом на мировом рынке труда... Для них характерен примат профессиональной ориентации перед территориальной, нацеленность на хорошую работу вне зависимости от места жительства» (18, с. 156). Она обращает внимание на чисто демографический аспект проблемы: путешествуя по планете, многие из них

предпочитают не обзаводиться семьями. Очевидно, что им сложно стать и членами какой-либо диаспоры, поскольку по своей сути они являются космополитами.

Т. Вьюгина подчеркивает, что современная российская эмиграция нуждается в тщательном изучении, требуется как можно больше информации о положении «наших» за рубежом, поскольку речь идет «о сохранении демографического и интеллектуального потенциала России и русскоязычной диаспоры, о сохранении русской культуры и науки в условиях размытости всех политических и нравственных критериев, неопределенности в национальной, языковой, географической и культурной самоидентификации русских» (3, с. 185).

Важную черту современной русской эмиграции во Францию отмечает О. Маховская, подчеркивая, что это преимущественно женская эмиграция. В книге «Соблазн эмиграции или Женщинам, отлетающим в Париж», написанной по материалам, собранным во время непосредственной работы внутри русской диаспоры (проведено более 100 интервью), ей удалось, на наш взгляд, раскрыть причины женской эмиграции и одновременно причины замалчивания самого факта этой «массивной», как выражается автор, эмиграции. В конечном счете, женщины выезжают за рубеж в поисках «нормального будущего». Подчас интуитивно они стремятся найти среду, где они могли бы обрести семью и реализоваться сами как личности в условиях социальной защищенности и психологической стабильности. В этом своем стремлении они нередко становятся жертвами. Но, даже зная об этом, они во многих случаях идут на сознательный риск в расчете на благоприятный исход.

Отмечается, что подавляющее большинство (до 70%) современных русских эмигрантов во Францию «пытаются адаптироваться во французском обществе по типу ассимиляции» (15, с. 79, 101). Констатируя, что «от первой к четвертой волне эмиграции произошла ее резкая переориентация на ассимиляцию», автор тем самым подтверждает выводы других исследователей, свидетельствующие о том, что шансов на возвращение уехавших за рубеж практически нет. Это будет продолжаться, по крайней мере, до тех пор, пока не будет налажена систематическая работа непосредственно в российских диаспорах за рубежом с целью сохранения и поддержания связей с родиной, участия эмигрантов в обоюдовыгодных программах сотрудничества. Но в целом выводы О. Маховской далеки от оптимизма. Французская политика в отношении иммигрантов является, по ее мнению, самой лояльной в Европе. «Иммигранты рассматриваются здесь как стратегический потенциал страны» (15, с. 96). И, конечно, этого не могут не чувствовать эмигранты. Хотя случаи возврата эмигрантов в Россию есть, рассчитывать на их массовость не приходится.

Оценки ущерба

Рассмотренные выше работы показывают, что среди ученых и специалистов зреет понимание необходимости анализа и оценки ущерба от всех без исключения видов эмиграции, а не только от интеллектуальной эмиграции, или «утечки умов». Все более очевидным становится тот факт, что эмиграция из России в значительной мере носит безвозвратный характер. Имевшая место еще несколько лет тому назад надежда, что, улучшив за рубежом свое материальное положение, а главное, обогатившись новыми знаниями, ученые и специалисты в массовом порядке станут возвращаться на родину и внесут свой вклад в ее научно-техническое и экономическое развитие, сменились более трезвыми оценками. Утверждается, в частности, что эмиграция ученых приняла характер «лавинообразного миграционного потока» и что существует «реальная опасность утраты в России многих научных школ и направлений исследований» (16, с. 31). Все чаще можно встретить рассуждения об угрозе истощения интеллектуального потенциала. Более того, как об актуальной проблеме стали говорить о сдерживании эмиграции (18, с. 49).

Безусловно, сдерживание эмиграции необходимо. Но для того, чтобы она потеряла свою привлекательность, причем не только для ученых и специалистов, нужно создать благоприятные условия для жизни в собственной стране. Что касается ученых и специалистов, перечень устраивающих их условий в основном уже известен. Для того, чтобы российские ученые и специалисты не стремились уехать на ПМЖ за границу, им необходимы, как показал интернет-опрос российских студентов и аспирантов, обучающихся в Европе и США, проведенный в 2000/2001 уч. г., высокая заработная плата; наличие высококлассной, профессиональной среды; возможность быстрой профессиональной карьеры; международные профессиональные контакты и зарубежные поездки; наличие современного оборудования и доступ к новейшим информационным технологиям и средствам связи; работа в престижной фирме, независимость и свободный рабочий график; долгосрочная и стабильная занятость; возможность участвовать в выработке политики; возможность получить работу в определенном городе России (13, с. 90).

По мнению заместителя директора Института США и Канады В. Супяна, большинство этих требований «пока невыполнимы» (19, с. 43). Если это так, тогда не приходится удивляться тому, что масштабы эмиграции ученых и специалистов остаются впечатляющими. В результате сохранения заниженного уровня государственных расходов на науку (на оплату труда ученых и развитие современной научной инфраструктуры) воспроизводится миграционный режим, выталкивающий талантливую молодежь (получившую качественное российское образование и нацеленную на профессиональную реализацию) из российской

науки и из самой России», – констатируют Л. Леденева и Е. Некипелова (12, с. 27).

Хотя, конечно, ученые и специалисты отнюдь не образуют самую многочисленную часть новейшей российской эмиграции в Европу. Л. Рыбаковский и С. Рязанцев оценивают численность российских девушек, занятых там в одном только секторе секс-услуг в 300–400 тыс. человек (166, с. 29). К ним надо добавить тех, кто служит прислугой, занят в торговле, промышленности и т.д. В результате «потерянными» для России оказываются не только интеллектуалы, в подготовку которых были вложены громадные средства, но и те, в менее сложное образование которых были также вложены немалые деньги.

Но дело не только в материальных потерях. Возможно, гораздо более значимо то, что эмиграция ведет к невосполнимым потерям населения самых трудоспособных и репродуктивных возрастов, дополнительно сокращая и без того не слишком многочисленный генофонд. Пока что каких-либо суммарных оценок этого многопланового ущерба (экономически означаящего вычет из валового внутреннего продукта прямых и косвенных расходов на подготовку выезжающих плюс упущенную выгоду для страны выезда от их деятельности) и потерь общества от неучастия эмигрантов в воспроизводстве собственного населения, не существует. Но такие оценки жизненно необходимы.

Контрмиграционные факторы

Разумеется, не всем желающим эмигрировать удастся воплотить свои намерения в жизнь. Имеется немало внешних ограничителей эмиграции, обусловленных спецификой рынков труда, экономической конъюнктурой, иммиграционной политикой, все больше становящейся общим делом для стран, входящих в Европейский союз. При каждом повышении уровня безработицы там усиливается конкуренция на рынке средне- и низкоквалифицированной рабочей силы. Вместе с тем уровень квалификации потенциальных мигрантов из России (за исключением ряда категорий ученых и инженеров, особенно в таких областях, как космическая и лазерная техника, кристаллография, биология, физика низких температур, математика, компьютерные технологии, программное обеспечение ЭВМ) не отвечает западным профессиональным стандартам (19, с. 28).

Среди факторов, сдерживающих эмиграцию, следует отметить и такие, как проведение в западных странах политики мобилизации «внутренних трудовых резервов» в виде повышения возрастных планок выхода на пенсию, привлечения к работе в малопrestижных профессиях безработных или неработающих лиц коренных национальностей; организация для потенциальных мигрантов краткосрочных стажировок и курсов, позволяющих проводить «естественный отбор» среди желающих занять вакантные рабочие места и тем самым ограничи-

вать в целом их приток, а прошедшим отбор предлагать работу только по временным контрактам; организация производств и обеспечение занятости в приграничных зонах стран-доноров с целью уменьшения миграционного давления с их стороны; ограниченное количество бессрочных контрактов, на которые могут рассчитывать иностранные специалисты и ученые даже высокого уровня и трудности с их получением; распространенная в ряде стран дискриминация по национальному признаку, лишаящая иммигрантов шансов занять хорошее место; очевидное недовольство коренного населения наплывом африканцев, азиатов и восточноевропейцев, заставляющее западных политиков считаться с возможным поправлением электората и систематически ужесточать условия приема иммигрантов.

Однако наиболее мощным и действенным сдерживающим фактором на ближайшую перспективу могут стать ограничения, которые страны Западной Европы ввели на иммиграцию из стран Восточной Европы и Прибалтики с момента вступления последних в Европейский союз 1 мая 2004 г. В среднем ограничения могут действовать от двух (Швеция) до семи (Бельгия, Великобритания, Нидерланды, Дания, Ирландия) и даже 11 лет (Австрия, Германия, Италия, Франция). В реальной жизни, скорее всего, эти моратории долго не просуществуют. Так, уже вскоре после принятия решения об ограничении въезда парламент Швеции стал обсуждать возможность отказа от двухлетнего плана закрытия рынка труда для граждан из вновь принятых в ЕС стран. Скорее всего, потребности экономики заставят политиков повсеместно отказываться от намеченных ограничений или сокращать сроки их действия. Но для выходцев из России это в любом случае будет означать обострение конкуренции на западноевропейских рынках труда, поскольку по чисто политическим соображениям предпочтение будет наверняка отдаваться новым гражданам ЕС (1, с. 16–17).

Свою сдерживающую роль может играть информация, которую намеревающиеся выехать на Запад могут получать от тех, кто уже побывал там. Например, когда становится известным, что Дания, ранее благожелательно относившаяся к беженцам из России, резко ужесточает правила приема и теперь, при шансе на благоприятное решение равном 1:10, нужно провести 3–4 года в лагере для беженцев, конечно же, число желающих въехать в королевство резко сокращается. Правда, есть вариант, когда иммигрант без каких-либо оговорок соглашается на любую работу, которую ему предложит та или иная коммуна. За это полагается пособие, но пособие не дает права на получение гражданства. Зная об этом, в Данию могут ехать только те, у кого есть временный контракт, в большинстве случаев это профессионалы, именуемые «космополитами» (4, с. 185).

Ближайшие перспективы

Несмотря на ограничения, количество которых может возрасти, для российских граждан, намеревающихся выехать на постоянное место жительства в европейские страны, могут открыться новые возможности. Среди наиболее очевидных внешних причин появления таких возможностей – учебная миграция с ее высоким потенциалом эмиграции (масштабы этого вида миграции будут возрастать вслед за планируемым рядом стран увеличением квот для российских студентов); возможность выезда в новые страны – члены ЕС, откуда неизбежно будет происходить отток трудовых ресурсов в Западную Европу и где будут высвобождаться рабочие места. Теряя собственную молодежь, эта группа стран будет вынуждена проводить менее жесткую иммиграционную политику, чем та, которую проводит в настоящее время Западная Европа; способствовать росту эмиграции из России будет и политика квотирования, к которой, как можно предположить, будут все больше склоняться европейские страны, в первую очередь Франция, рассчитывающая с ее помощью изменить неблагоприятно складывающийся баланс между коренным белым населением и выходцами из Азии и Африки. Квотирование, как известно из опыта США, позволяет по своему усмотрению регулировать потоки мигрантов из разных стран и регионов мира.

Нужно также учитывать, что может увеличиться и количество причин внутреннего характера. Так, в последние годы особенно чувствительными для состоятельной части населения стали вопросы экономической и социально-политической стабильности. Поведение этой группы населения стало напоминать поведение показателей инфляции, реагирующих буквально на все. Например, в сентябре 2004 г. специалисты по организации обучения за рубежом зафиксировали нехарактерный для этого времени года скачок спроса на обучение детей за пределами России, связывая данный факт с событиями в Беслане (10, с. 11). Т. Вьюгина косвенно, а О. Маховская напрямую подтверждают факт сознательной эмиграции женщин во Францию ради того, чтобы уберечь своих сыновей от службы в российской армии и от войны в Чечне (3, с. 183; 15, с. 56). Но может «нервничать» и российский бизнес. Примерами такого рода реакции на ситуацию в стране со стороны делового сообщества стали события вокруг НТВ, а также вокруг «ЮКОСа», вызвавшие отъезд за рубеж значительного числа журналистов, специалистов по связям с общественностью, а также предпринимателей и банкиров. Как утверждалось в печати, дело «ЮКОСа» настолько обострило у всех «чувство незащищенности», что люди стали уезжать на Запад не с целью поиска работы, а с целью поиска большей защищенности: «Если... определенный уровень достатка уже достигнут, человек просто пытается “разменять” его на что-то другое, и начинает выстраивать систему безопасности, чтобы не тратить силы на защиту своего благополучия» (1, с. 12).

Но еще более тревожным симптомом представляется возможный массовый исход представителей среднего класса. Дело в том, что после долгих лет настойчивых попыток утвердиться в качестве реальной социальной силы и реализовать себя в собственной стране, устав от бесконечных поборов и унижений со стороны чиновничества и убедившись в полной невозможности нормально развивать бизнес в условиях административного произвола, по крайней мере часть представителей этого класса, скопив определенные средства, позволяющие выехать из страны в качестве бизнес-эмигрантов, могла действительно принять такое решение. Интересные наблюдения на этот счет можно встретить у известного писателя В. Ерофеева, по заданиям редакции газеты «Московские новости» бывавшего в разных странах Европы. Вот как он, сообщив сведения о численности русских в Берлине («не меньше ста тысяч»), Лондоне («та же картина») и Вене («около двадцати тысяч»), оценивает ситуацию с новой волной эмиграции: «Русские незаметно, но настойчиво перемещаются в Европу по разным соображениям. Этот массовый наплыв трудно назвать классической эмиграцией с односторонним движением по политическим причинам, однако и по-другому его трудно назвать... На Запад едут лучшие и худшие, утекающие мозги и криминал, но в основном это те, кто хотел бы стать средним классом, однако у них этого в России по разным причинам не получается. Таким образом, вместо того, чтобы образовываться на месте, русский средний класс складывается за рубежом». Отметив, что русских в Европе становится все больше, В. Ерофеев подчеркивает, что в отличие от послереволюционных эмигрантов, «живших долгое время надеждой на возвращение в потерянный рай и потому не интегрировавших в европейскую действительность, нынешний искатель достойной жизни на Западе изо всех сил стремится мимикрировать и стать как «они»» (8, с. 23).

Пока что эта тенденция никак не прослеживается в цифрах официальной статистики, однако, в печати уже можно встретить утверждения, что «число бизнес-эмигрантов растет» (1, с. 12). Если это действительно так, тогда страну в ближайшие годы может ожидать отток не только капитала в его денежной форме, но и человеческого капитала в его самой креативной и предприимчивой форме и в расцвете сил.

Список литературы

1. Агламишьян В. Число бизнес-эмигрантов выросло // Известия. – М., 2005. – 15 апр. – С. 12.
2. Вьюгина Т. Русскоязычная эмиграция в Европе. Очерк первый // ЭКО. Всеросс. экон. журнал. – Новосибирск, 2004. – № 1. – С. 178–192.

3. Вьюгина Т. Русскоязычная эмиграция в Европе. Очерк второй // ЭКО. Всеросс. экон. журнал. – Новосибирск, 2004. – № 2. – С. 176–191.
4. Вьюгина Т. Русскоязычная эмиграция в Европе. Очерк третий // Эко. Всеросс. экон. журнал. – Новосибирск, 2004. – № 5. – С. 179–190.
5. 2003-й. Новая волна // Московские новости. – М., 2003. – 23–29 дек., № 48. – С. 13.
6. Демографический ежегодник России. 2002; Стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2002. – 398 с.
7. Евросоюз наступает // Московские новости. – М., 2004. – 30 апр. – 6 мая, № 16. – С. 16–18.
8. Ерофеев В. Охота к перемене мест // Московские новости. – М., 2004. – 15–21 окт. – № 39. – С. 23.
9. Жаренова О., Кечил Н., Пахомов Е. Интеллектуальная миграция россиян. Ближнее и дальнее зарубежье. – М., 2002. – 128 с.
10. Кравченко Е., Коломейская И. Российские студенты выбирают Лондон // Известия. – М., 2004. – 20 сент. – С. 11.
11. Леденева Л., Де Тинги А. Эмиграция во Францию: возможности профессиональной адаптации // Проблемы прогнозирования. – М., 1997. – № 4. – С. 133–143.
12. Леденева Л., Некипелова Е. Миграция выпускников вузов за рубеж – потеря для российской науки // Человек и труд. – М. – 2003. – № 5. – С. 23–27.
13. Леденева Л., Тюрюканова Е. Российские студенты за рубежом: их профессионально-миграционные стратегии // Человек и труд. – М. – 2003. – № 4. – С. 54–57.
14. Любин В. Революция миграции и ее регулирование в Европе // Россия XXI век. – М., 2004. – № 6. – С. 72–89.
15. Маховская О. Соблазн эмиграции или Женщинам, отлетающим в Париж (Психологическое эссе). – М., 2003. – 144 с.
16. Регент Т., Архипов Ю. Система иммиграционного контроля. – М., 2001. – 160 с.
- 16а. Российский статистический ежегодник. 2004: Стат. сб. / Росстат. – М., 2004. – 725 с.
- 16б. Рыбаковский Л., Рязанцев С. Международная миграция в Российской Федерации: Научный доклад. – РИЦ ИСПИ РАН. – М., 2005. – 53 с.
17. Скробат И. Германия – новая родина для еврейских иммигрантов. Режим доступа: <http://www.wdi.ru/print.php?art=24843750>
18. Социально-экономические проблемы миграции в современной России: Сб. обзоров / РАН ИНИОН; Отв. ред. и сост. Былов В.Г. – М., 2003. – 160 с.
19. Супян В. «Утечка умов»: мировые и российские тенденции // Человек и труд. – М. – 2003. – № 8. – С. 27–29.
20. Терентьев Д. Уж замуж за рубеж // Огонек. – М. – 2004. – № 36. – С. 40–42.
21. Топилин А., Малаха И. Миграция высококвалифицированных кадров // Народнонаселение. – М. – 2002. – № 2. – С. 62–76.

22. Трухина Я. Португалия – новое направление трудовой миграции россиян // Человек и труд. – М. – 2003. – № 10 – С. 20–22.

23. Ушкалов И. Интеллектуальная эмиграция из России: факторы, масштабы, последствия, возможности регулирования. – М., МГУ, 1998. – [Вып. I]. – 147 с.

24. Федоров Н. Проблема этносоциальной интеграции иммигрантов из бывшего СССР в германское общество. – М., 1998. – 106 с.

25. Чудиновских О. О критическом состоянии учета миграции в России // Вопросы статистики. – М. – 2004. – № 10. – С. 27–36.

26. Эйхельберг Е. Российские немцы в Германии // Социологический журнал. – М. – 2002. – № 4. – С. 103–109.

27. Яковлева Е. Недород. Демографическая проблема глазами российских политиков и ученых // Российская газета. – М., 2005. – 28 апр. – С. 10.

Де Тэньи А.

ВЕЛИКАЯ МИГРАЦИЯ. РОССИЯ И РУССКИЕ ПОСЛЕ ОТКРЫТИЯ ЖЕЛЕЗНОГО ЗАНАВЕСА

De Tingni A.

**La grande migration. La Russie et les Russes depuis l'aventure
du rideau de fer. - P.: Plon, 2004. - 662 p.**

А. де Тэньи – французский ученый, специалист в области международных отношений и миграции на постсоветском и восточноевропейском пространствах, профессор Института политических исследований.

Прослеживая хронику падения «железного занавеса» (1989), автор подчеркивает, что это оказалось возможным благодаря позиции невмешательства, занятой Москвой в отношении Венгрии, Польши, ГДР. М.С. Горбачёв, считает А. де Тэньи, умело разыграл карту свободы передвижения советских граждан, долгие годы являвшуюся камнем преткновения в дискуссиях с Западом о правах человека в СССР. Сняв ограничения для еврейской, греческой и немецкой эмиграции в конце 80-х годов, а с вступлением в силу в 1991 г. закона о «въезде и выезде» для остальных граждан страны, – советское руководство одновременно решило ряд политических и внешнеэкономических задач. Были восстановлены отношения с Израилем, нормализованы с США, а за Германией закрепился статус привилегированного партнера.

Основной раздел книги посвящен главным направлениям эмиграции россиян: в Израиль, Германию, США и Францию.

Еврейские эмигранты стали первыми, кто в полной мере воспользовался свободным передвижением в СССР. В 90-е годы выехали около 4 млн. человек (включая нееврейские семьи): около 900 тыс. – в Израиль, 300 тыс. – в США, 200 тыс. – в Германию и другие страны. Еврейский поток напрямую связан с «утечкой умов», который был умело организован и материально подготовлен. В результате эмиграции с 1989 к 2000 г. еврейское население в России сократилось почти вдвое – с 570 тыс. человек до 230 тыс. человек (с. 161). В 2001 г. евреи из России составляли уже 14,4% израильского населения. Постепенно они оформляются в довольно влиятельную общину, которая в силу своего

происхождения, привязанности к русской культуре и языку сложно интегрируются в «местное» сообщество.

С 1980 по 2003 г. ФРГ приняла 2,1 млн. так называемых «русских немцев». Русскоязычное население здесь также на пути создания своей общины, однако задачи у нее другие. Речь идет не о защите русской культуры, формировании особой этничности выходцев из России и давлении с этой целью на государство (как в Израиле), а наоборот – о стремлении к полной интеграции российских немцев в германский социум, где их община была бы своего рода посредником, облегчающим этот процесс (с. 174, 224).

В Германию в 1990–2003 гг. выехали 170 тыс. евреев, в основном из России и Украины. Их миграция в ФРГ с каждым годом возрастает (8% в 1993 г., 36% в 2002 г.) главным образом за счет интеллигенции, которая чувствует себя «европейцами», предпочитая жить не на Востоке, а в Европе (с. 209). Заметный рост еврейской общины, по мнению автора, обусловлен наиболее привилегированным по сравнению с другими иностранцами правовым и экономическим положением еврейской диаспоры в ФРГ. Во многом это объясняется чувством вины и желанием Берлина восстановить историческую справедливость в отношении евреев.

Основная проблема эмигрантов – сложности с трудоустройством, «профессиональная» интеграция. Согласно опросам, среди проживающих в Германии менее трех лет только 65% ведут активную трудовую жизнь, при этом часто их работа носит временный характер. Менее трети опрошенных смогли трудоустроиться по профессии. Большинство соглашается на понижение своего профессионального статуса. Зарплата их, как правило, на 25% ниже аналогичной работы немцев. Другая проблема – плохое знание немецкого языка, культуры. В свою очередь местное население в переселенцах видит конкурентов на рынке труда, угрозу социальным достижениям и уровню жизни немецкого общества, – соответственно растет ксенофобия (с. 213, 221).

Недостаточная мобилизация и отсутствие представителей русскоязычной общины в органах власти (за исключением местных советов) ослабляют позиции русской диаспоры в Германии. Тем не менее, замечает автор, некоторое влияние (в частности, во время выборов 1999 г. – на полемику вокруг принятия нового кодекса о национальности, в 2002 г. – закона об иммиграции) она все же оказывает. На фоне очевидного сближения в российско-германских отношениях ФРГ оказывает заметную социальную, экономическую, финансовую и культурную поддержку немцам в России. В 1996 г. 60% расходов федерального бюджета на поддержку немецкой диаспоры приходилось на РФ. По мнению автора, наблюдается взаимовыгодный процесс – продвижение ФРГ на Восток и России на Запад. «Наши немцы – это своего рода резерв влияния РФ на Германию, гарантия стабильности общих интересов» (с. 233).

В США из России и бывшего СССР с 1989 по 2002 г. эмигрировали чуть более 650 тыс. граждан (с. 240). Сегодня именно русские и китайцы как самые высокообразованные специалисты-иностранцы имеют преимущества при получении виз для работы по профессии в США (с. 251). Поддерживая российских ученых грантами, финансированием проектов, привлекая отечественную молодежь к перспективным образовательным программам, американцы, по словам автора, «стремятся контролировать ситуацию в российской науке, кадровой политике и приоритетных исследованиях, обеспечить своего рода «опеку» или «атмосферу влияния» в стране-партнере (с. 258). Приводятся данные, согласно которым во второй половине 1990-х годов ежегодно в США уезжали 3 тыс. исследователей на постоянное и около 7 тыс. – на временное место жительства. При этом, в отличие от Индии и Китая, только 10–15% российских эмигрантов возвращаются на родину и еще меньше остаются в науке (с. 265).

Русскоговорящая диаспора в США имеет ряд особенностей. Это люди среднего возраста с высокими по сравнению с другими эмигрантами доходами – 58 тыс. долл. (в среднем годовой доход в семьях иностранцев 35 тыс.), с высоким уровнем образования и языковой ассимиляции (только 4,7% «не очень хорошо» говорят по-английски) (с. 266). В целом, можно говорить об их успешной интеграции за океаном. Они востребованы на рынке труда (уровень безработицы среди «русских» – 3,7%, среди украинцев – 4,1%), среди них в пропорциональном отношении по сравнению с коренными американцами много успешных бизнесменов (9,8% и 6,6% соответственно) (с. 273). Все это, уточняет автор, в основном относится к еврейской эмиграции в США.

Франция, несмотря на «привилегированные двусторонние отношения с Россией, в отличие от США, Германии, Израиля – государство, практически закрытое для россиян, если речь идет об отъезде на ПМЖ. «Франция была страной иммиграции и больше не хочет ею быть», – заявил в 1993 г., будучи министром внутренних дел, Шарль Паскуа (с. 305). Согласно официальной статистике, начиная с 90-х годов сюда приезжают жить максимум несколько сот человек в год (в 2002 г. – 77, в 2000 г. – 316). Значительно масштабнее трудовая и «служебная» миграция – в 2003 г. около 40 тыс. человек. Русские быстро интегрируются в местное общество. Если что и вызывает неприятие, то это в первую очередь трудности бытовой адаптации. Однако высокое качество жизни в значительной степени компенсирует эти проблемы. Тем не менее большинство соотечественников, по данным обследований, довольно сдержанно относятся к тому, чтобы советовать своим друзьям эмигрировать в эту страну.

В последние годы, несмотря на жесткую, ограничительную иммиграционную политику, учитывая проблемы старения местного населения, ослабления экономического и научного потенциала страны, угрозы национальной идентичности из-за массового притока афро-азиатского населения, Франция принимает

меры для привлечения талантливой молодежи. Она приоткрывает доступ для зарубежных и, в частности, российских студентов, предоставляя визы, стипендии на длительный срок. С 1998 по 2002 г. численность российских студентов во Франции выросла с 1100 до 2000 человек. Тем не менее, констатирует автор, современная Франция не смогла в полной мере воспользоваться «козырем», который дает миграция прежде всего с постсоветского пространства. Политика Парижа «в этом смысле противоречива: стремясь к привилегированному партнерству с Россией, к «новой Антанте», Франция не ослабила адаптировать свои требования к приему мигрантов из России, не предпринимает действенных шагов к расширению контактов на уровне народной дипломатии» (с. 321). Возможно, поэтому из-за определенного недоверия и довольно поверхностного представления друг о друге сегодня так медленно развивается экономическое, торговое сотрудничество между нашими странами.

В монографии оценивается положение русскоязычного населения в Прибалтике, Казахстане, Средней Азии, где русские вытеснены из политики. Россия многое утратила, не смогла извлечь выгоду из миграционной ситуации, сложившейся в перестроечный период. Несмотря на отдельные шаги, предпринятые руководством РФ в плане сближения с зарубежной диаспорой (проведение съездов соотечественников, предоставление постоянных виз для некоторых «особо заслуженных»), в целом Россия не решила проблемы возвращения эмигрантов на родину, привлечения их инвестиций и накопленного зарубежного опыта. Соотечественники не стали посредниками в реализации экономических интересов РФ, «культурная» и народная дипломатия не смогли приостановить процесс дерусификации новых независимых государств, так же как и не были найдены пути формирования пророссийской элиты на постсоветском пространстве.

Но одновременно при всех серьезных издержках иммиграции очевидно и другое. Миграция открывает Россию внешнему миру, способствует ее интеграции в международное сообщество, помогает восстановить преемственность исторического развития, примиряет государства с их прошлым. В той или иной степени связи с родиной сохраняют большинство эмигрантов. При определенных условиях 35-миллионная зарубежная диаспора могла бы стать «вектором российского влияния» в мире, служить укреплению отношений РФ с западными государствами. Главная причина слабости зарубежной диаспоры, заключает А. де Тэни, – это низкая степень консолидации самого российского общества, отсутствие единства в понимании места и роли своей великой страны в современном мире.

В.М. Соломатина

Де Тэньи А.

ВЕЛИКАЯ МИГРАЦИЯ. РОССИЯ И РУССКИЕ ПОСЛЕ ОТКРЫТИЯ ЖЕЛЕЗНОГО ЗАНАВЕСА

De Tingni A.

**La grande migration. La Russie et les Russes depuis l'aventure
du rideau de fer. - P.: Plon, 2004. - 662 p.**

А. де Тэньи – французский ученый, специалист в области международных отношений и миграции на постсоветском и восточноевропейском пространствах, профессор Института политических исследований.

Прослеживая хронику падения «железного занавеса» (1989), автор подчеркивает, что это оказалось возможным благодаря позиции невмешательства, занятой Москвой в отношении Венгрии, Польши, ГДР. М.С. Горбачёв, считает А. де Тэньи, умело разыграл карту свободы передвижения советских граждан, долгие годы являвшуюся камнем преткновения в дискуссиях с Западом о правах человека в СССР. Сняв ограничения для еврейской, греческой и немецкой эмиграции в конце 80-х годов, а с вступлением в силу в 1991 г. закона о «въезде и выезде» для остальных граждан страны, – советское руководство одновременно решило ряд политических и внешнеэкономических задач. Были восстановлены отношения с Израилем, нормализованы с США, а за Германией закрепился статус привилегированного партнера.

Основной раздел книги посвящен главным направлениям эмиграции россиян: в Израиль, Германию, США и Францию.

Еврейские эмигранты стали первыми, кто в полной мере воспользовался свободным передвижением в СССР. В 90-е годы выехали около 4 млн. человек (включая нееврейские семьи): около 900 тыс. – в Израиль, 300 тыс. – в США, 200 тыс. – в Германию и другие страны. Еврейский поток напрямую связан с «утечкой умов», который был умело организован и материально подготовлен. В результате эмиграции с 1989 к 2000 г. еврейское население в России сократилось почти вдвое – с 570 тыс. человек до 230 тыс. человек (с. 161). В 2001 г. евреи из России составляли уже 14,4% израильского населения. Постепенно они оформляются в довольно влиятельную общину, которая в силу своего

происхождения, привязанности к русской культуре и языку сложно интегрируются в «местное» сообщество.

С 1980 по 2003 г. ФРГ приняла 2,1 млн. так называемых «русских немцев». Русскоязычное население здесь также на пути создания своей общины, однако задачи у нее другие. Речь идет не о защите русской культуры, формировании особой этничности выходцев из России и давлении с этой целью на государство (как в Израиле), а наоборот – о стремлении к полной интеграции российских немцев в германский социум, где их община была бы своего рода посредником, облегчающим этот процесс (с. 174, 224).

В Германию в 1990–2003 гг. выехали 170 тыс. евреев, в основном из России и Украины. Их миграция в ФРГ с каждым годом возрастает (8% в 1993 г., 36% в 2002 г.) главным образом за счет интеллигенции, которая чувствует себя «европейцами», предпочитая жить не на Востоке, а в Европе (с. 209). Заметный рост еврейской общины, по мнению автора, обусловлен наиболее привилегированным по сравнению с другими иностранцами правовым и экономическим положением еврейской диаспоры в ФРГ. Во многом это объясняется чувством вины и желанием Берлина восстановить историческую справедливость в отношении евреев.

Основная проблема эмигрантов – сложности с трудоустройством, «профессиональная» интеграция. Согласно опросам, среди проживающих в Германии менее трех лет только 65% ведут активную трудовую жизнь, при этом часто их работа носит временный характер. Менее трети опрошенных смогли трудоустроиться по профессии. Большинство соглашается на понижение своего профессионального статуса. Зарплата их, как правило, на 25% ниже аналогичной работы немцев. Другая проблема – плохое знание немецкого языка, культуры. В свою очередь местное население в переселенцах видит конкурентов на рынке труда, угрозу социальным достижениям и уровню жизни немецкого общества, – соответственно растет ксенофобия (с. 213, 221).

Недостаточная мобилизация и отсутствие представителей русскоязычной общины в органах власти (за исключением местных советов) ослабляют позиции русской диаспоры в Германии. Тем не менее, замечает автор, некоторое влияние (в частности, во время выборов 1999 г. – на полемику вокруг принятия нового кодекса о национальности, в 2002 г. – закона об иммиграции) она все же оказывает. На фоне очевидного сближения в российско-германских отношениях ФРГ оказывает заметную социальную, экономическую, финансовую и культурную поддержку немцам в России. В 1996 г. 60% расходов федерального бюджета на поддержку немецкой диаспоры приходилось на РФ. По мнению автора, наблюдается взаимовыгодный процесс – продвижение ФРГ на Восток и России на Запад. «Наши немцы – это своего рода резерв влияния РФ на Германию, гарантия стабильности общих интересов» (с. 233).

В США из России и бывшего СССР с 1989 по 2002 г. эмигрировали чуть более 650 тыс. граждан (с. 240). Сегодня именно русские и китайцы как самые высокообразованные специалисты-иностранцы имеют преимущества при получении виз для работы по профессии в США (с. 251). Поддерживая российских ученых грантами, финансированием проектов, привлекая отечественную молодежь к перспективным образовательным программам, американцы, по словам автора, «стремятся контролировать ситуацию в российской науке, кадровой политике и приоритетных исследованиях, обеспечить своего рода «опеку» или «атмосферу влияния» в стране-партнере (с. 258). Приводятся данные, согласно которым во второй половине 1990-х годов ежегодно в США уезжали 3 тыс. исследователей на постоянное и около 7 тыс. – на временное место жительства. При этом, в отличие от Индии и Китая, только 10–15% российских эмигрантов возвращаются на родину и еще меньше остаются в науке (с. 265).

Русскоговорящая диаспора в США имеет ряд особенностей. Это люди среднего возраста с высокими по сравнению с другими эмигрантами доходами – 58 тыс. долл. (в среднем годовой доход в семьях иностранцев 35 тыс.), с высоким уровнем образования и языковой ассимиляции (только 4,7% «не очень хорошо» говорят по-английски) (с. 266). В целом, можно говорить об их успешной интеграции за океаном. Они востребованы на рынке труда (уровень безработицы среди «русских» – 3,7%, среди украинцев – 4,1%), среди них в пропорциональном отношении по сравнению с коренными американцами много успешных бизнесменов (9,8% и 6,6% соответственно) (с. 273). Все это, уточняет автор, в основном относится к еврейской эмиграции в США.

Франция, несмотря на «привилегированные двусторонние отношения с Россией, в отличие от США, Германии, Израиля – государство, практически закрытое для россиян, если речь идет об отъезде на ПМЖ. «Франция была страной иммиграции и больше не хочет ею быть», – заявил в 1993 г., будучи министром внутренних дел, Шарль Паскуа (с. 305). Согласно официальной статистике, начиная с 90-х годов сюда приезжают жить максимум несколько сот человек в год (в 2002 г. – 77, в 2000 г. – 316). Значительно масштабнее трудовая и «служебная» миграция – в 2003 г. около 40 тыс. человек. Русские быстро интегрируются в местное общество. Если что и вызывает неприятие, то это в первую очередь трудности бытовой адаптации. Однако высокое качество жизни в значительной степени компенсирует эти проблемы. Тем не менее большинство соотечественников, по данным обследований, довольно сдержанно относятся к тому, чтобы советовать своим друзьям эмигрировать в эту страну.

В последние годы, несмотря на жесткую, ограничительную иммиграционную политику, учитывая проблемы старения местного населения, ослабления экономического и научного потенциала страны, угрозы национальной идентичности из-за массового притока афро-азиатского населения, Франция принимает

меры для привлечения талантливой молодежи. Она приоткрывает доступ для зарубежных и, в частности, российских студентов, предоставляя визы, стипендии на длительный срок. С 1998 по 2002 г. численность российских студентов во Франции выросла с 1100 до 2000 человек. Тем не менее, констатирует автор, современная Франция не смогла в полной мере воспользоваться «козырем», который дает миграция прежде всего с постсоветского пространства. Политика Парижа «в этом смысле противоречива: стремясь к привилегированному партнерству с Россией, к «новой Антанте», Франция не ослабила адаптировать свои требования к приему мигрантов из России, не предпринимает действенных шагов к расширению контактов на уровне народной дипломатии» (с. 321). Возможно, поэтому из-за определенного недоверия и довольно поверхностного представления друг о друге сегодня так медленно развивается экономическое, торговое сотрудничество между нашими странами.

В монографии оценивается положение русскоязычного населения в Прибалтике, Казахстане, Средней Азии, где русские вытеснены из политики. Россия многое утратила, не смогла извлечь выгоду из миграционной ситуации, сложившейся в перестроечный период. Несмотря на отдельные шаги, предпринятые руководством РФ в плане сближения с зарубежной диаспорой (проведение съездов соотечественников, предоставление постоянных виз для некоторых «особо заслуженных»), в целом Россия не решила проблемы возвращения эмигрантов на родину, привлечения их инвестиций и накопленного зарубежного опыта. Соотечественники не стали посредниками в реализации экономических интересов РФ, «культурная» и народная дипломатия не смогли приостановить процесс дерусификации новых независимых государств, так же как и не были найдены пути формирования пророссийской элиты на постсоветском пространстве.

Но одновременно при всех серьезных издержках иммиграции очевидно и другое. Миграция открывает Россию внешнему миру, способствует ее интеграции в международное сообщество, помогает восстановить преемственность исторического развития, примиряет государства с их прошлым. В той или иной степени связи с родиной сохраняют большинство эмигрантов. При определенных условиях 35-миллионная зарубежная диаспора могла бы стать «вектором российского влияния» в мире, служить укреплению отношений РФ с западными государствами. Главная причина слабости зарубежной диаспоры, заключает А. де Тэни, – это низкая степень консолидации самого российского общества, отсутствие единства в понимании места и роли своей великой страны в современном мире.

В.М. Соломатина

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

ФЕДЕРАЛИЗМ ПО-РУССКИ

Н. Ю. Лапина

ОТНОШЕНИЯ ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ: СТОЛКНОВЕНИЕ КОНЦЕПЦИЙ

Лапина Наталья Юрьевна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

За последние 15 лет отношения Центра и регионов превратились в одну из ведущих тем российской политики. В 90-е годы взаимодействие между двумя уровнями государственной власти – федеральной и региональной от унитаризма советских времен эволюционировало в сторону децентрализации и диверсификации. Отказ от универсальных правил, неравенство субъектов Федерации перед лицом Центра, предельная политизация – таковы основные характеристики «децентрализованной федерации», выстроенной в годы правления Б. Ельцина.

Избрание В. Путина Президентом РФ ознаменовало начало нового этапа в отношениях Центра и регионов. Новая политика Кремля ставила своей целью интеграцию российского пространства и перераспределение ресурсов и полномочий в пользу федерального Центра. В более широком смысле она была направлена на поиск механизмов, способных политически нейтрализовать региональных лидеров и сделать региональную ситуацию управляемой «из Центра».

За прошедшие годы интерес к теме взаимодействия Центра и регионов в российской общественной науке оставался устойчиво высоким. Однако переход от «децентрализованной федерации» к «новой централизации» меняет вектор анализа. В «ельцинский период» отношения Центра и регионов рассматривались аналитиками преимущественно в *горизонтальной плоскости* – как «обмен» ресурсами между партнерами, старший из которых не слишком вмешивается в политику младших. С началом политики рецентрализации анализ смещается в плоскость *иерархических отношений* «*Центр – регионы*», а главными направлениями исследования становятся шаги федеральной власти в отношении субъектов Федерации и результаты этой деятельности для регионов.

Рассмотрим основные подходы к изучению отношений Центра и регионов, сложившиеся в российской общественной науке на рубеже веков.

«Центр - регионы»: Аналитические подходы и направления

История и практика отношений Центра и регионов в литературе раскрываются через такие понятия, как «децентрализованная федерация», «асимметричная федерация», «переговорный федерализм», «рецентрализация» в работах В. Гельмана (9, 10, 11), Н. Петрова (39), Р. Туровского (48), Л. Полищук (40). Каждое из них применяется к определенному историческому периоду. «Стихийная децентрализация» отражает центробежные процессы, получившие развитие на пространстве России в 1990–1993 гг. «Асимметричная федерация» и «переговорный федерализм» рассматриваются как попытка упорядочить отношения «Центр – регионы» в рамках слабой политической системы (1994–2000). «Рецентрализация» отождествляется с политикой, проводимой президентом В. Путиным.

Существуют разные подходы к анализу отношений, сложившихся между Центром и регионами. Остановлюсь на четырех из них: *историко-динамическом, макросоциальном, институциональном и политико-технологическом.*

Историко-динамический подход изучает отношения «Центр – регионы» во временной системе координат и вскрывает механизмы их развития. В этом случае взаимодействие двух уровней власти либо помещается в рамки макроисторического процесса, либо локализуется в узком отрезке времени. В широком историческом контексте отношения «Центр – регионы» рассматриваются аналитиками как одна из фаз большого цикла: «создание советской империи – распад СССР – децентрализация на постсоветском пространстве». Убежденные в том, что взаимодействие федерации и ее субъектов вписывается в логику распада империи, сторонники этой точки зрения подчеркивают, что импульс распада не преодолен, а политика рецентрализации является попыткой придать естественно-историческому процессу иную направленность (см.: Д. Фурман – 51; В. Каганский – 22, 23; Д. Ольшанский – 34).

Концепции естественного распада империи противостоит логика движения маятника, где крайние точки могут иметь различное обозначение: «децентрализованная федерация – децентрализованный унитаризм» (37), «советский централизм – новый централизм» (11). При таком подходе, во-первых, вектор изменений определяется ситуативным выбором политических акторов, а не естественным ходом истории; во-вторых, в каждый исторический момент признается возможность альтернативного развития. В ряде исследований делаются попытки совмещения макроисторических сдвигов с «малыми циклами» (39, с. 7).

Макросоциальный подход рассматривает отношения «Центр – регионы» как органическую часть общественной трансформации 90-х годов. В соответ-

ствии с этой позицией начавшееся в постсоветской России перераспределение ресурсов и властных полномочий между Центром и регионами по значимости не уступало таким процессам, как развитие публичной политики или становление новой экономики.

Макросоциальный подход отличает масштабность анализа. Его сторонники оценивают отношения Центра и регионов как *индикатор состояния политической системы*. Политический режим времен Б. Ельцина, в рамках которого регионы получили большие полномочия и возможности отстаивать свои интересы на общероссийском уровне, характеризуется аналитиками как «*полицентричный*». Политический режим В. Путина, который проводит политику «рецентрализации» России, оценивается как «*моноцентричный*» (А. Зудин (19; 20), И. Бунин, А. Макаркин, А. Макаренко (5), О. Крыштановская (24) или «*моно-субъектный*» (61). К этим оценкам примыкает сформулированная бывшим помощником президента А. Илларионовым концепция «корпоративистского государства». Российское государство, считает экономист, превратилось в «закрытое акционерное общество: собственность на российское государство перешла в руки корпорации, неподконтрольной его номинальным собственникам – гражданам России» (21).

Для нынешнего политического режима характерно сокращение ресурсов и уровня политического влияния региональных элит. Однако речь идет не только о перераспределении ресурсов и влияния. Политика рецентрализации, и в этом нельзя не согласиться с В. Моховым, «административными мерами привязывает к Центру» элиту регионального уровня, лишая ее возможности быть оппозиционной политической силой (32, с. 78). В рамках системного подхода «моноцентричная» модель власти противостоит «полицентричной», а политика В. Путина в отношении регионов оценивается как смена вектора, завершение периода «фрагментированных региональных сообществ». На этом завершается 20-летний период социальной революции и наступает эпоха «российского Термидора» (32). Данный подход позволяет отслеживать сдвиги системного характера в общественных и государственных институтах. Но при всех достоинствах у макросоциального подхода есть свои ограничения. Во-первых, он сфокусирован на анализе событий общественно-государственного масштаба и не «вмещает» в себя микрособытия политической жизни. Во-вторых, он чаще всего «Москва-центричен»: ведется из Центра и не учитывает регионального многообразия.

В рамки системного подхода вписывается концепция «пределов централизации». Впервые она была обоснована в исследовании, вышедшем в 2004 г. под редакцией К. Мацузато (52). Ее сторонники убеждены, что, несмотря на имеющиеся ресурсы, федеральная власть действует в ограничительном коридоре и вынуждена согласовывать предпринимаемые шаги с другими контрагентами. А политика централизации не может рассматриваться исключительно как «давле-

ние сверху», поскольку в новых условиях Кремль сумел заинтересовать регионы и готов «делиться» с ними ресурсами. Понимаемая в этой логике «эпоха Путина» рассматривается как логическое продолжение «эпохи Ельцина»: в ней воспроизводится асимметрия в отношениях «Центр – регионы» и в отношениях между регионами, поскольку федеральной власти не удается или она не заинтересована в соблюдении универсальных правил в отношениях с субъектами РФ (11, 37, 55).

«Москва-центричный» и «регионоцентричный» анализы не противоречат, но дополняют друг друга, позволяя увидеть *системные сдвиги в различных плоскостях*. Сторонники концепции моноцентричной модели власти утверждают, что в современной России выстроена президентская «вертикаль власти», а региональные элиты «выведены» из пространства большой политики. А сторонники концепции «пределов централизации», не возражая против тезиса о моноцентричном характере власти во времена В. Путина, делают акцент на том, что ее основу составляют неформальные договоренности между элитными группировками, а региональные элиты остаются влиятельными акторами политики непубличной.

Институциональный подход изучает отношения «Центр – регионы» через институты, субъекты и практики взаимодействия двух уровней власти. Признается, что для периода «децентрализованной федерации» было характерно ослабление политико-административных ресурсов влияния Центра на регионы (24, с. 128–129). Нетипичное для российской политической жизни сочетание слабого государства и сильных субъектов Федерации привело к формированию в постсоветской России неустойчивых отношений «Центр – регионы». В литературе получили распространение тезисы о «дефективном» или «модифицированном государственном феодализме» 90-х годов (27), «ущербной» или «половинчатой версии федерализма» (17). Исследователи, анализирующие российский федерализм сквозь призму западных теорий, нередко приходят к заключению, что подлинного федерализма в России не существует (33).

Тем не менее в рамках слабого, но демократического государства середины 90-х годов сформировались политические институты представительства региональных интересов; были отстроены неформальные каналы взаимодействия двух уровней власти (2). Как отмечается в литературе, в постсоветской России политический процесс «персонифицировался», в нем получили развитие отношения «фаворитизма» (3; 47).

Типологические характеристики «асимметричной федерации» признаются всеми экспертами. Но их оценочные суждения располагаются в широком диапазоне – от жесткой критики до признания преимуществ децентрализации. Критики децентрализации в качестве аргумента выдвигают тезис о том, что «асимметричная федерация» 90-х годов углубила социально-экономические и

политические различия между регионами и подвела страну к дезинтеграции. Отметим в этом плане работы Г. Павловского (45), А. Митрофанова (27), Д. Ольшанского (34), А. Аринина (1), В. Момота (30). «Мягкие» оценки основываются на том, что «асимметричный федерализм» явился шагом вперед по сравнению с периодом «советского централизма», России удалось избежать «югославского сценария», в стране были созданы условия для развития подлинного федерализма и местного самоуправления (Л. Дробижева – 16, О. Крыштановская – 24, с. 127).

Не могу согласиться с мнением В. Гельмана, высказанном в статье, опубликованной в журнале «Полис», что в научном сообществе преобладают негативные оценки взаимодействий, сложившихся в 90-е годы между двумя уровнями власти (11). Эта точка зрения скорее отражает взгляд на «эпоху Ельцина», утвердившийся в российском обществе¹. В свою очередь отношение к федерализму 90-х годов, сложившееся в экспертной среде, находится, во-первых, в прямой зависимости от взгляда на форму государственного устройства. Сторонники централизованного государства, как правило, видят в широких правах регионов и развитом местном самоуправлении угрозу для государственной целостности. «Федералисты», наоборот, мыслят единство в многообразии, а широкие права регионов и местного самоуправления воспринимают как гарантию сохранения единства страны. Во-вторых, отношение к федерализму определяется «точкой», из которой ведется научное наблюдение: региональные эксперты не столь критичны в оценках асимметричной федерации, как столичные.

К концу 90-х годов процесс децентрализации в Российской Федерации достиг своего предела, а осознание необходимости реформ стало всеобщим. Носителями запроса на проведение политики рецентрализации стали политические и экономические элиты федерального Центра (см.: 29; 39; 18). Исследователи высказывали надежду, что усиление государства сделает отношения Центра с регионами более институционализированными и прозрачными, поможет преодолеть региональную раздробленность, стимулирует развитие гражданского общества и ускорит процесс отделения экономики от политики (39, с. 27). В осмыслении политики рецентрализации выделяются два направления. Одно рассматривает новую политику федерального Центра как результат развития объективных процессов в российском обществе (формирование единого экономического рынка, деятельность крупных российских компаний) (39; 18). Другое связывает ее проведение преимущественно с политическим выбором, сделанным элитой федерального Центра (см.: 26, 11).

1. В декабре 2005 г. только 10% россиян положительно воспринимали время правления Б. Ельцина (56).

Реализация политики «нового централизма» стала возможной благодаря действию ряда факторов, в том числе:

- укреплению позиций институтов федеральной власти, отвечающих, как за формирование политического курса страны (президент и его администрация), так и за его реализацию (ведомства исполнительной власти), а также укреплению принципов единоначалия и «вертикали власти» (О. Крыштановская – 24, И. Бунип, А. Макаркин, А. Макаренко – 5, А. Зудин – 19; 20);
- созданию надрегиональных институтов, контролирующих региональную власть (44);
- принятию нормативных законодательных актов, обеспечивающих контроль федеральной власти над регионами («институт федерального вмешательства») и понижающих политический статус региональных элит (24);
- деятельности крупных российских корпораций, которые начали «сшивать» пространство России (18).

Новая политика Кремля позволила восстановить единое правовое и экономическое пространство (см.: 53), дисциплинировала региональных лидеров и в целом «изменила всю конфигурацию институтов власти» (24, с. 237). Одновременно с декларировавшимися целями российскому правящему классу удалось осуществить и ряд целей, которые официально не декларировались: было изменено соотношение элитных групп; региональные элиты, не имеющие тесных связей с Кремлем, были выведены из пространства большой политики; началось масштабное перераспределение ресурсов в пользу федерального Центра (см.: 12; 13; 14; 15; 16; 11).

В литературе анализируются особенности федеральной реформы, начатой в 2000 г. Отмечается, что она не стала результатом нового общественного договора и проводилась «сверху» без консультаций с регионами (см.: 16; 38); не сопровождалась общественной дискуссией (3, с. 9); носила «агрессивный» характер (6; 51) и обернулась новой крайностью – «чрезмерной и жесткой централизацией» (49, с. 238). К 2004 г. запрос на централизацию в обществе был исчерпан, однако власть продолжила действовать в направлении дальнейшей централизации (11).

Наряду с содержанием федеральной реформы и институциональными факторами ее реализации в литературе обсуждается вопрос о механизмах взаимодействия двух уровней власти. Отмечается, что в новых условиях были разрушены институты представительства региональных интересов в федеральном Центре (26); прежние каналы коммуникации между Центром и регионами прекратили действовать, а новые оказались недостаточно эффективными. Признается, что федеральной власти не удалось выстроить систему отношений «Центр – регионы», базирующуюся на «универсальных основаниях» (11), а взаимодействие двух уровней власти реализуется преимущественно через неформальные кана-

лы (о «теневизации» региональной политики пишут Д. Орешкин (35) и А. Чирикова (54)). Попыткой придать этим отношениям универсальный характер некоторые авторы называют построение «партии власти» и новый порядок выборов (см.: 37), но этот тезис в профессиональном сообществе поддержки пока не получил.

В среде российских политологов и социологов не затухает спор о том, какая судьба ждет региональную элиту в условиях продолжающейся политики «нового централизма». Одни исследователи убеждены, что в результате построения президентской «вертикали власти» региональная элита будет полностью «распылена» и «атомизирована» (24). Другие приводят убедительные доводы того, что региональная элита демонстрирует феноменальные способности адаптации к новым условиям и достаточно успешно «встраивается» в новый политический режим (37). Сторонники этой точки зрения подчеркивают, что действующей элите удалось сохранить свои позиции во власти лишь по той причине, что в обществе не сформировались силы, способные ее вытеснить из политического пространства (3, с. 12).

До сих пор речь шла о подходах, сложившихся в научной аналитике. Наряду с ними существует *политико-технологический подход* ангажированного свойства. Он используется близкими к власти политологами и политтехнологами в целях идеологического оформления интенций Кремля и обоснования политики, проводимой федеральным Центром. Отнести выступления «реалистов», как они сами себя называют, к политическому анализу в строгом смысле слова невозможно, поскольку они выполняют другие задачи. В отличие от академических ученых представители этого течения не выступают в научных изданиях, а «поддержку» правительственной политике оказывают, озвучивая свои позиции на официальных сайтах (kremlin.ru; edinros.ru), различного рода презентациях и конференциях, в средствах массовой информации. Именно эти задачи с осени 2005 г. выполняет программа Г. Павловского «Реальная политика» на канале НТВ, где в доступной форме разъясняется официальная политика, встраивается «нужный» имидж власти.

«Кремлевские аналитики» основное внимание уделяют не проблемам, а успехам российского государства в области встраивания «вертикали власти» и централизации; преимуществам политических и иных нововведений, инициированных Кремлем (укрупнение субъектов Федерации, создание «политической вертикали» и т.д.) (45). В их интерпретации централизация – это крупнейший успех, одержанный за последнее десятилетие в борьбе с «сепаратистской угрозой» и терроризмом. Тема сепаратизма и угроза развала РФ особенно часто озвучивается ими. Такая постановка вопроса не случайна, поскольку именно эти аргументы были выдвинуты в момент начала политической реформы осенью 2004 г. (отмена выборов губернаторов и их фактическое назначение главой

государства; изменение порядка выборов в Государственную думу)². Есть основания полагать, что по мере приближения выборного цикла 2007–2008 гг. активность этой когорты будет возрастать, а присутствие ее представителей в публичном пространстве станет все более ощутимым.

Анализ процесса децентрализации и централизации на российском пространстве подводит аналитиков к более общим рассуждениям о том, что ждет Российскую Федерацию в будущем.

Сценарии развития российского государства в XXI столетии

Будущее российского государства рассматривается политической аналитикой в рамках двух подходов, которые условно можно определить как «инерционный» и «активистский». Первый предполагает, что процессы на российском пространстве носят естественно-исторический характер, а возможности их корректировки крайне ограничены. Второй исходит из положения, что политический фактор является определяющим. В рамках этого подхода реальные политические сценарии уживаются со сценариями, носящими очевидный манипуляционный характер. Будущее российского государства мыслится в экспертном и политическом сообществах в широком диапазоне – от дезинтеграции Российской Федерации до создания в России жесткого унитарного государства.

Сценарий 1: Распад России

Сторонники этого сценария придерживаются тезиса, что импульс распада, приведший к гибели СССР, продолжает действовать на постсоветском пространстве. Только одни аналитики обосновывают его естественно-исторической логикой (распад империи – распад ее преемника), а другие – развитием системного общественного кризиса и действием целого ряда негативных факторов, таких как рост коррупции, преступности, экономической нестабильности. Эта позиция нашла свое отражение в прогнозе, подготовленном в 2005 г. американскими организациями «Фондом Карнеги за международный мир» и «Фондом мира». В докладе приведен перечень стран, которые находятся в состоянии полураспада или могут распасться в будущем. Россия в нем занимает предпоследнее 59-е место (4).

2. Российская общественность в отличие от правящих кругов не столь однозначно воспринимает перечисленные угрозы. В декабре 2005 г. только 15% россиян называли распад страны как реальную угрозу для России (57).

Наряду с масштабными общественно-историческими обоснованиями существуют и более объективистские объяснения возможной дезинтеграции РФ. «Теория заговора» связывает эту перспективу с действием на международной арене враждебных России сил. Данную точку зрения разделяют кремлевские политологи и, видимо, в ее подтверждение издательство «Европа», патронируемое Г. Павловским, выпустило секретный доклад ЦРУ, посвященный перспективам распада Российской Федерации (42). «Теория заговора» возрождает образ врага, внешнего и внутреннего, с которым следует вести последовательную борьбу.

Сценарий дезинтеграции мыслится в долгосрочной перспективе (середина XXI в.). При этом далеко не всем сторонникам он представляется катастрофическим. Согласно мнению некоторых аналитиков, добровольное отсоединение отдельных регионов, в частности некоторых субъектов РФ на Северном Кавказе, позитивно сказалось бы на развитии Российской Федерации в целом (23).

Сценарий распада апеллирует к негативным социально-экономическим и политическим процессам, получившим развитие в российском обществе в конце XX – начале XXI в. Но его осуществлению препятствует ряд контртенденций. Во-первых, распад страны возможен лишь в условиях полной делегитимации российской власти, чего в реальности не происходит, несмотря на низкий уровень доверия населения к правительству и другим властным структурам, исключая институт президентской власти³. Во-вторых, дезинтеграция может стать реальностью лишь при наличии в стране мощной политической оппозиции, в том числе в среде региональных элит. Однако в современной России политическая оппозиция нейтрализована, а региональные элиты утратили самостоятельную роль в политике. В-третьих, распад страны происходит лишь при условии, если сама его идея пользуется поддержкой широких слоев населения. Но в современном российском обществе эта тенденция не наблюдается, а большинство россиян (53%) полагают, что нарушения целостности страны не произойдет⁴.

В России существуют политические силы, которые заинтересованы в культивировании *страха распада Российской Федерации*. Одним он нужен для обоснования политического сценария «жесткой руки», другим – для усиления политики рецентрализации.

3. В мае 2006 г., как свидетельствуют материалы социологического исследования, проведенного Аналитическим центром Ю. Левады, деятельность президента В. Путина одобряли 76% населения страны, деятельность председателя правительства – 40, правительства в целом – 37% (46).

4. По результатам того же исследования, треть опрошенных россиян (32%) считают возможным отделение от России некоторых регионов (46).

Сценарий 2: Усиление централизации России

Этот сценарий включает в себя множество возможных вариантов – от «мягких» схем укрепления единства Российской Федерации до «жестких» проектов реставрации в России унитарного государства. Первые в начале нового столетия были предложены российскими регионами. Основной проблемой Российской Федерации, как отмечалось в докладе «Итоги и проблемы развития федеральных отношений в Российской Федерации», подготовленном администрацией Свердловской области (2001), является незавершенность процесса разграничения полномочий федеральных и региональных властей. В соответствии с предложениями составителей доклада на первом этапе федеральной реформы должны быть достигнуты договоренности между Центром и регионами; на втором – начаться укрупнение субъектов Федерации; на третьем этапе – созданы крупные экономические районы, объединенные на экономической, а не этнонациональной основе. Одновременно глава Свердловской области Э. Россель предложил начать «укрупнение» с руководимого им региона путем присоединения к Свердловской – Челябинской и Курганской областей. Реформа федеральных отношений, предложенная руководством крупного и важного в стратегическом отношении региона, была ответом региональной бюрократии на начавшуюся политику рецентрализации России. Если бы федеральная реформа осуществлялась по этой модели, от нее выиграли бы, в первую очередь, наиболее развитые в экономическом отношении регионы.

Проекты усовершенствования федеративных отношений, выдвинутые регионами (другой такой проект будет рассмотрен ниже), не встретили поддержки в Центре. Федеральная власть начала осуществлять собственный сценарий реформирования РФ. На первом этапе (2000–2004) в России были созданы новые институты, контролирующие деятельность региональных властей; изменен порядок формирования Совета Федерации; приостановлена практика заключения двусторонних договоров между Центром и регионами; проведены в жизнь принципы «бюджетного унитаризма», в соответствии с которыми доходы регионов концентрировались в федеральном Центре. В эти годы в России был выстроен режим *контролируемого плюрализма*, при котором федеральная власть укрепила свои позиции, но полностью освободиться от политического влияния региональных элит не смогла (12).

На втором этапе, который начался вскоре после того, как В. Путин был переизбран на новый срок (2004), российские власти перешли к реформе политической системы, напрямую затрагивавшей интересы регионов (новое законодательство о политических партиях, новый порядок формирования губернаторского корпуса и законодательных органов власти федерального и регионального уровней). Одновременно началось укрупнение регионов за счет ликвидации слож-

носоставных субъектов Федерации. В перспективе число субъектов РФ должно сократиться⁵, а границы между ними могут быть изменены вплоть до ликвидации национальных республик. Под угрозой местное самоуправление, которое сторонники централизации хотели бы видеть еще одним уровнем государственной власти.

Встав на путь рецентрализации, российская бюрократическая машина продолжает движение в направлении концентрации ресурсов в своих руках. Именно в этом ключе следует рассматривать предложение полпреда в Южном федеральном округе Д. Козака, сформулированное летом 2005 г., о переводе дотационных регионов на внешнее финансовое управление⁶. Предпринятые реформы, как считают в Кремле и околокремлевском окружении, призваны укрепить федерацию⁷. Но речь идет об определенном типе федерации – «федерации сверху», в рамках которой перераспределение властных, экономических и финансовых ресурсов происходит по решению центрального руководства без соответствующих консультаций с субъектами Федерации.

На волне нарастающей централизации в современной России все чаще раздаются призывы отказаться от федеративного принципа и вернуться к унитарному государственному устройству, которое якобы более всего соответствует российской исторической традиции. Последовательным сторонником этой модели развития выступает Либерально-демократическая партия (ЛДПР), предлагающая пересмотреть Конституцию и восстановить в России унитарное государство с делением на губернии.

Применительно к современной России в экспертном сообществе все чаще используется понятие «унитаризм», постепенно вытесняющее термин «централизация». Об угрозе унитаризма пишут многие известные аналитики: А. Галкин, С. Валентей, В. Соловей (7), Л. Шевцова (61), О. Крыштановская (24), Чернышов и С. Барзилов (3). Тезис о том, что в современной России сохраняются условия и имеются ресурсы для продолжения политики дальнейшей централизации, обосновывается в статье В. Гельмана (11). Немалую роль, как признает исследователь, в проведении этой политики играет неконкурентный

5. Вопрос об укрупнении субъектов РФ не первый год дискутируется в российском политическом сообществе. В этой связи называется различное число субъектов, которые войдут в Российскую Федерацию – от 30 (по версии бывшего лидера партии «Единство» Д. Рогозина) и 45 (вариант председателя Совета Федерации Миронова) до 60 (предложение Министерства регионального развития).

6. Соответствующий законопроект был разработан в ЮФО и направлен в Государственную думу РФ. В нем предлагается переводить на казначейское управление субъекты Федерации в случае, если дотации региону из федерального бюджета составляют 80% и более.

7. Именно об этом говорилось в Послании Президента РФ Федеральному собранию в мае 2005 г. (41).

политический и экономический режим, который выстраивается нынешней российской властью, а также экономическая модель, ориентированная на экспорт энергоносителей. Но у сценария «Централизация России», как и у сценария «Распад России», также имеются свои ограничения.

Укажем на несколько факторов. Во-первых, для реализации этого сценария требуется наличие хорошо организованной и эффективно действующей власти. В реальности в России такой власти не существует. За годы правления В. Путина в известной степени был укреплен государственный аппарат, однако поставить бюрократию под жесткий государственный контроль так и не удалось. Феномен «приватизации власти» бюрократией приобрел невиданные даже для постсоветской России масштабы.

Во-вторых, баланс между позитивными и негативными результатами политики централизации выглядит далеко не так, как это хотели бы представить в правительственных кругах. Прорыва не произошло даже на том направлении, которое до недавних пор считалось всеми экспертами наиболее успешным⁸. За последние пять-шесть лет, несмотря на масштабы перераспределительной политики асимметрия российского пространства еще больше возросла, неравенство между регионами, а внутри регионов между центром и периферией, по основным социально-экономическим показателям усилилось (43, с. 27; 13; 14; 15). К аналогичным выводам приходят и специалисты, занимающиеся изучением региональных политических процессов (37).

В-третьих, за прошедшие годы в России так и не удалось выстроить *универсальную систему отношений «Центр – регионы»*. Сегодня, как и во времена Б. Ельцина, проблемы взаимоотношений федерации с ее субъектами решаются на основе личных договоренностей. Причем в условиях, когда отсутствуют публичные каналы отстаивания регионами своих интересов, неформальные каналы взаимодействия становятся наиболее важными.

В-четвертых, проводимая Кремлем политика рецентрализации преследует политические задачи: ставит целью перераспределение ресурсов в пользу элиты федерального Центра и создание более «управляемой» федерации. До недавних пор она затрагивала лишь интересы элитных групп. Но коренные преобразования федерации немислимы без поддержки населения, особенно, если речь идет об укрупнении субъектов Федерации и ликвидации таких национально-территориальных образований, как национальные республики. А следовательно, федеральная власть, если она действительно планирует осуществить коренную ре-

8. Выступая в марте 2006 г. на Совете законодателей, органе объединяющем руководителей региональных парламентов, Президент РФ отметил, что полностью региональное законодательство приведено в соответствие с федеральным только в десяти субъектах Федерации.

форму территориально-административного устройства, должна выйти за привычные для нее рамки олигополитических и технократических подходов и придать реформе отчетливо выраженную социальную направленность.

Проект «Централизация России», если исключить наиболее радикальный его вариант – построение в стране жесткого унитарного государства, рассчитан на среднесрочную перспективу. Осуществляющая его федеральная власть действует в рамках прагматического выбора. В результате линия ее поведения не сводится к *линейной централизации*, но периодически корректируется с учетом конкретных условий. Так, в начале 2006 г. ряд полномочий, ранее забранных у регионов, вновь были им возвращены. Конечно, контроль над экологической ситуацией, природными, лесными и водными ресурсами, надзор в области занятости и образования не восполнят утрату региональными властями политических и иных ресурсов. Но тем не менее это свидетельствует о том, что федеральный Центр не может самостоятельно решать все вопросы государственного управления и вынужден, пусть и в рамках бюрократической процедуры, после излишнего «увлечения» централизацией «включить» механизм децентрализации.

Сценарий 3: Россия - империя будущего

«Имперский сценарий» в строгом смысле выходит за внутрисоссийские рамки, определяя позиции России в мировом сообществе. Тем не менее считаю возможным рассмотреть его наряду с другими сценариями. Идея империи находит обоснование у разных авторов и политиков. При этом акцент делается на различных содержательных сторонах «имперского развития».

Идеологи евразийства видят в «имперском сценарии» не только способ возвышения России, но и возможный ответ на вызовы глобализации. «Евразийская интеграция, создание на постсоветском пространстве нового объединенного образования имперского типа является вызовом глобализму, так как предлагает свой – альтернативный – сценарий мироустройства, основанный на балансе больших пространств, т.е. многополярности», – пишет духовный лидер и руководитель партии «Евразия» А. Дугин (16а, с. 4). Империя как метафора возвращения к историческим корням мыслится некоторыми теоретиками как наиболее адекватной государственной конструкцией, в рамках которой Россия могла бы провести собственную модернизацию, опирающуюся на традиции и собственный исторический опыт (30а).

Еще один вариант имперского будущего для России был предложен А. Чубайсом. В соответствии со сформулированной им идеей «либеральной империи» России, чтобы превратиться в «либеральную империю» XXI столетия, предстоит начать активно действовать на пространстве сопряженных с ней стран в трех направлениях – культурном, правовом и экономическом (58; 59).

Главным условием реализации этого сценария является «привлекательность» России в качестве экономического и политического «центра притяжения», вокруг которого могла бы начаться кристаллизация нового имперского пространства. Однако российская политика на постсоветском пространстве, в которой нередко просматривается стремление к доминированию, без учета интересов и сложности проблем партнеров, идет вразрез с формированием «привлекательного образа» России.

Сценарий 4: Демократическая федерация

Сторонники сценария, ориентированного на построение в России подлинной демократической федерации, исходят из тезиса о том, что главная сила России – в согласовании интересов всех ее субъектов. Российское политическое пространство, убеждены отстаивающие эту позицию представители экспертного сообщества, не должно, а главное не может быть унифицированным, а попытка утвердить в России принципы унитаризма не менее опасна, чем проявление сепаратизма или региональной автаркии (16, с. 27). Главными особенностями демократической федерации признаются: отказ от построения федерации «сверху»; развитие двусторонних процессов, как «сверху – вниз», так и «снизу – вверх»; учет интересов регионов и региональных особенностей; предоставление субъектам РФ широких полномочий и ресурсов, необходимых для их исполнения. Но есть и различия, касающиеся понимания проблемы *суверенитета* в федеральном государстве и допустимого уровня децентрализации. Существует точка зрения, что *суверенитет неделим*, а следовательно, субъекты Федерации не могут им обладать. В научном сообществе это мнение является преобладающим. Ссылаясь на классические западные концепции федерализма, сторонники этой точки зрения полагают, что Российская Федерация должна отказаться от этнофедерализма (7, с. 124–125).

Высказывается и другая точка зрения, приближенная к нынешнему состоянию Российской Федерации, в составе которой насчитываются более двух десятков национальных республик. Ее сторонники придерживаются принципа *разделенного суверенитета*⁹. В 2001 г. группой, которую возглавил президент

9. Это положение обосновывается в книге известного специалиста по проблемам развития федерализма М. Фарукишина «Федерализм: теоретические и прикладные аспекты». Автор следующим образом обосновывает принцип разделенного суверенитета: «В федеративных системах государственный суверенитет как производное от суверенитета народа не принадлежит отдельно ни федеральному Центру, ни субъектам Федерации. Он является свойством федеративного государства в целом, а значит, реализуется, как на общенациональном уровне, так и на уровне субъектов Федерации» (49, с. 178). Делимость суверенитета, как считает автор, важна для развития демократии в стране, поскольку позволяет избежать излишней концентрации полномочий «наверху».

Татарстана М. Шаймиев, для Госсовета была подготовлена «Концепция совершенствования федеративных отношений в Российской Федерации». В документе предлагалось вернуться к договорной практике в отношениях между Центром и регионами; провозглашался принцип асимметрии в федеративном устройстве и невмешательства федеральных властей в сферу ведения субъектов РФ. Согласно этой точке зрения в рамках фрагментированной в социально-культурном, политическом и экономическом плане федерации невозможно ввести единый принцип взаимодействия «Центр – регионы», необходимо выстраивать эти отношения дифференцированно с учетом особенностей субъектов Федерации. Форсированная и ускоренная централизация нецелесообразна и может привести к утрате федеральной властью ресурса доверия со стороны широких слоев населения (16, с. 27–28). Мнение региональных политиков и политологов подкрепляется выводами экономистов¹⁰. Сторонники демократической федерации убеждены, что консенсус в отношениях Центра и регионов невозможен без поиска «баланса сил», который должен быть найден как на уровне институтов, так и на уровне субъектов, включенных во взаимодействие. Развитие регионов, убеждены российские эксперты, станет возможно лишь при условии, если интересы различных групп элиты совпадут и они будут действовать по консенсусному сценарию. Но одни исследователи настаивают на *консенсусе между региональной и федеральной политическими элитами* (Л. Дробижева, П. Панов), а другие доказывают *необходимость консенсуса в «элитном треугольнике»* – между региональной и федеральной политическими элитами и элитой бизнеса (Н. Зубаревич, А. Чирикова, Н. Лапина). Все сторонники идей демократической федерации подчеркивают, что обновленный федерализм немислим без демократизации общества, полнокровной общественно-политической жизни и полноценного местного самоуправления.

Демократический сценарий – одна из гипотетических возможностей, но необходимые условия для его осуществления на данный момент в России отсутствуют. В стране не сложилось гражданское общество, политическая оппозиция нейтрализована, а главное – за весь постсоветский период проблемы феде-

10. *Перед российскими регионами стоят различные экономические задачи, убежден президент института энергетики и финансов, декан факультета менеджмента Международного университета в Москве Л. Григорьев, поскольку регионы находятся на разных уровнях экономического и социального развития, обладают разными ресурсами, а их руководители демонстрируют разную способность к управлению. В силу этого движение в сторону экономической модернизации в России может быть только «многоскоростным», а механизмом мощного регионального развития может стать мобилизация всех имеющихся в распоряжении регионов внутренних ресурсов (13).*

ративного развития так и не превратились в тему широкой общественной дискуссии.

* * *

Взаимоотношения Центра и регионов в России продолжают привлекать внимание исследователей. К очевидным успехам можно отнести проведение в последние годы большого круга эмпирических исследований в регионах, а также ряда масштабных кроссрегиональных проектов (44, 50, 52). Эта тема выходит за рамки регионального измерения. Отношения между двумя уровнями власти становятся ключом в понимании общих закономерностей функционирования российской политической системы, позволяют вскрыть функциональные слабости федеральной политики и те ограничения, с которыми сталкивается политика Центра на местах.

«Российский случай» как таковой достаточно хорошо изучен. Однако проблемы взаимодействия Центра и регионов являются общими для всех типов государств, как унитарных, так и федеративных. С этой точки зрения следует признать, что компаративных исследований, в которых российская практика рассматривалась бы в широком международном контексте, явно не хватает. Как не хватает квалифицированных исследований российского федерализма, выполненных в рамках теории сравнительного федерализма.

Список литературы

1. Аринин А., Марченко Г. Уроки и проблемы российского федерализма. – М.: Наука, 1999. – 289 с.
2. Афанасьев М. Клиентелизм и российская государственность. – М.: Центр конституционных исследований, 1997. – 301 с.
3. Барзилов С., Чернышов А. Безумство власти. Провинциальная Россия: двадцать лет реформ. – М.: Научно-изд. Центр «Ладомир», 2005. – 298 с.
4. Блинов А. Прогноз полураспада // Независимая газ. – М., 2005. – 9 ноября.
5. Бунин И., Зудин А., Макаренко Б. Новая реальность: основные направления развития политической ситуации в 2004–2005 гг. // Режим доступа: <http://www.politcom.ru/200506prognoz12.php>
6. Бусыгина И. Федеративное строительство в России и административная реформа президента Путина в контексте демократического транзита // Политический альманах Прикамья. – Пермь, 2001. – № 1. – С. 6–17.
7. Галкин А., Федосов П., Валентей С., Соловей В. Эволюция российского федерализма // Полис. – М., 2002. – № 3. – С. 96–128.
8. Гельман В. Становление региональных режимов в России: свои авторитарные очертания Центр приобретает с окраин // НГ – сценарий / Приложение к «Независимой газете». – М., 1999. – 19 сент.

9. Гельман В.Я., Тарусина И.Г. Изучение политических элит в России: проблемы и альтернативы // Элитизм в России: «за» и «против»: Сборник материалов интернет-конференции, февраль-май 2002 г. / Под ред. Мохова В. – Пермь, 2002. – С. 6–28.
10. Гельман В.Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // Полис. – М., 1998. – № 1. – С. 87–105.
11. Гельман В.Я. Возвращение Левиафана? (Политика рецентрализации в современной России) // Полис. – М., 2006. – № 2. – С. 90–109.
12. Григорьев Л. «Глобус России»: экономика регионального развития // Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2005/06/28/grigoriev.html>
13. Григорьев Л., Урожаева Ю. Глубина разнообразия. – Ведомости. – М., 2005. – 7 июня.
14. Григорьев Л., Урожаева Ю. Разные условия – разные цели. – Ведомости. – М., 2005. – 14 июня.
15. Григорьев Л., Урожаева Ю. Тропинки развития. – Ведомости. – М., 2005. – 21 июня.
16. Дробижева Л. Завоевание демократии и этнонациональные проблемы России // Общественные науки и современность. – М., 2005. – № 2. – С. 16–28.
- 16а. Дугин А. мироустройство: Актуальность империи. // Ведомости. – М., 2003. – 16 октября. – С. 4.
17. Захаров А. Федерализм и глобализация // Полис. – М., 2002. – № 6. – С. 116–126.
18. Зубаревич Н. Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы. – М.: Поматур, 2005. – 102 с.
19. Зудин А.Ю. Крутой маршрут: сто дней Президента Путина (весна – лето 2004) // Режим доступа: <http://www.politcom.ru/2004/prognoz13.php>
20. Зудин А.Ю. Путин: итоги первого срока // Режим доступа: <http://www.politcom.ru/2003/prognoz6.php> 21.08.03.
21. Илларионов А. Другая страна // Коммерсантъ. – М., 2006. – 23 янв.
22. Каганский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с.
23. Каганский В. Преодоление советского пространства // Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2004/11/11/kagan.html>.
24. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005. – 381 с.
25. Лапина Н. Режим контролируемого плюрализма // Независимая газ. – М., 2004. – 16 марта.
26. Лапина Н., Чирикова А. Путинские реформы и потенциал влияния региональных элит / Аналитический доклад. – М.: Институт социологии РАН, 2004. – 146 с.
27. Митрофанов А. Россия перед распадом или вступлением в Европу. – М.: Ad Marginem, 2005. – 312 с.
28. Медведев Д. Сохранить эффективное государство в существующих границах // Эксперт. – М., 2005. – 4 апр. – № 13. – С. 70–76.

29. Митрохин С. Дефективный федерализм: симптомы, диагноз, рецепты выздоровления // Полис. – М., 1999. – № 2. – С. 61–74.
30. Момот М. Курс на закат: Почему распадётся Российская Федерация // ПРОГНОЗИС. – М., 2005. – № 1. – С. 131–146.
- 30а. Найшуль В. Как строить Российскую империю // Адрес в Интернете: <http://www.polit.ru/analytics/2004/11/01/zembla.html>.
31. Нечаев В. Децентрализация, демократизация и эффективность // Полис. – М., 2005. – № 3. – С. 92–101.
32. Мохов В. Консолидация государственной власти в России как фактор завершения политического переходного периода // В сб.: Российские элиты в условиях консолидации власти. – Пермь, 2006. – С. 72–83.
33. Ноженко М., Стародубцев Одна научная загадка или почему губернаторы согласились с Президентом // В сб.: Федерализм и российские регионы / Отв. ред. Лапина Н.Ю., Мохов В.П. – М.: ИНИОН РАН (готовится к печати).
34. Ольшанский Д. Дезинтеграция: новые симптомы старой болезни // Pro et contra. – М., 2000. – Т. 5. – № 1. – С. 34–62.
35. Орешкин Д. Унитарную страну за три года не построить // Независимая газ. – М., 2004. – 26 окт.
36. Паин Э. От «вертикали власти» к «вертикали народов»? // Независимая газ. – М., 2005. – 15 марта.
37. Панов П. Новые правила формирования региональных органов власти в контексте трансформации отношений «Центр – регионы» // В сб.: Федерализм и российские регионы / Отв. ред. Лапина Н.Ю., Мохов В.П. – М.: ИНИОН РАН (готовится к печати).
38. Пападюк Н. Административно-территориальная реформа и территориально-хозяйственные уклады // Вопросы экономики. – М., 2004. – № 5. – С. 73–84.
39. Петров Н. Федерализм по-русски // Pro et contra. – М., 2000. – Т. 5. – № 1. – С. 7–33.
40. Полищук Л. Российская модель «переговорного федерализма»: политико-экономический анализ // Политика и экономика в региональном измерении / Под ред. Климанова В., Зубаревич Н. – М., СПб., 2000. – С. 88–108.
41. Путин В. Послание Президента Федеральному Собранию: Главная задача – построение свободного демократического государства // Режим доступа: <http://www.vesti.ru/files.html?id=5825>.
42. Россия и мир в 2020: Доклад Национального разведывательного совета США. – В кн.: Россия и мир: Изд-во «Европа», 2005. – С. 3–168.
43. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? / Независимый институт социальной политики. – М.: Поматур, 2005. – 277 с.
44. Рэддуэй П. Федеральная реформа: исторический и политический контекст // Федеральная реформа 2000–2003. – Т. 1: Федеральные округа. – М., 2003. – С. 7–28.

45. Словарь текущей политики / Под ред. Павловского Г. – М.: Издательство «Европа», 2005. – 144 с.
46. Социально-политическая ситуация в России в мае 2006 года / Аналитический Центр Ю. Левады // Режим доступа: <http://www.levada.ru.press/20060606.html>.
47. Субботин А. Федерализм и национализм: русский путь // Политический альманах Прикамья. – Пермь, 2001. – № 1. – С. 31–37.
48. Туровский Р. Основы и перспективы региональных политических исследований // Полис. – М., 2001. – № 1. – С. 138–156.
49. Фарукшин М. Федерализм: теоретические и прикладные аспекты. – М.: Юрист, 2004. – 527 с.
50. Федеральная реформа 2000–2003. – Т. 1: Федеральные округа. – М., 2003. – 345 с.
51. Фурман Д. От Российской империи до распада СНГ // Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2005/10/05/furman.html>.
52. Феномен Владимира Путина и российские регионы: победа неожиданная или закономерная? Сб. статей под ред. Мацузато К. – М., 2004. – 368 с.
53. Чертков А. Асимметрия субъектов Российской Федерации и ее преодоление // Субъекты Российской Федерации: Законодательство, организация власти и управления / РАН ИНИОН. – М., 2000. – С. 15–40.
54. Чирикова А. Региональные парламенты: ресурсный потенциал и неформальные правила политической игры // Власть и элиты в российской трансформации / Под ред. Дуки А. – Спб., 2005. – С. 194–223.
55. Чирикова А. Федеральный Центр и российские регионы: поиск оптимальной модели взаимодействия // В сб.: Федерализм и российские регионы / Отв. ред. Лапина Н.Ю., Мохов В.П. – М.: ИНИОН РАН (готовится к печати).
56. Что принесла России эпоха Б. Ельцина? / Аналитический центр Юрия Левады // Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2006/01/30>.
57. Что угрожает России? / Аналитический центр Юрия Левады // Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2006011301.html>.
58. Чубайс А. Миссия России в XX веке // Независимая газ. – М., 2003. – 1 окт.
59. Чубайс А. Либеральная империя – это ориентир, далеко уходящий за пределы 2008 г. // Профиль. – М., 2003. – 24 ноября. – № 44. – С. 36–39.
60. Шевцова Л. Россия: логика политических перемен // Россия политическая / Под общ. ред. Шевцовой Л. – М.: Московский центр Карнеги, 1998. – 376 с.
61. Шевцова Л. Россия – год 2005: логика отката // Независимая газ. – М., 2005. – 21 янв.

П. В. Панов

**ЦЕНТР – РЕГИОНЫ: НОВЫЕ ПРАВИЛА
ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ***

Панов Петр Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук Пермского государственного университета.

Трансформация отношений по линии «Центр – регионы» уже многие годы находится в центре внимания исследователей. Переход к смешанной системе на выборах в региональные парламенты и новый порядок рекрутирования губернаторов в совокупности с активизацией партийного строительства существенно трансформировали политический процесс на региональном уровне. Одновременно эти реформы справедливо характеризуются как важные составляющие политического курса на построение «вертикали власти».

В настоящей статье я попытаюсь рассмотреть происходящие изменения в контексте противоречивых тенденций «централизация versus децентрализация» и «унификация versus диверсификация». Естественно, такая широкая постановка задачи не дает возможности рассмотреть подробно все сюжеты, поэтому многие из них будут лишь намечены, а какие-то вообще выведены за рамки работы. Но в начале необходимо сделать несколько концептуальных замечаний относительно содержания и соотношения «централизации/децентрализации» и «унификация / диверсификация».

Обычно под децентрализацией понимается перераспределение прав (полномочий) на принятие политических решений, а также ресурсов в пользу нижестоящих органов власти. Централизация, напротив, подразумевает перераспределение полномочий и ресурсов в пользу вышестоящих органов власти. Речь идет о политических решениях, которые, как правило, воплощаются в неких универсальных нормах (законах, постановлениях и т.п.), тогда как администра-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Региональные политические процессы в РФ в эпоху Путина: унификация или диверсификация?». Проект № 06-03-00078а.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

тивные решения представляют собой применение этих универсальных норм к конкретным ситуациям¹.

В каждый конкретный момент времени между Центром и регионами происходит определенное распределение полномочий и ресурсов. Это проявляется, например, в распределении доходов, поступающих в федеральный и региональные бюджеты, распределении контроля за государственными предприятиями, природными ресурсами и т.д. Для простоты изложения обозначим этот аспект в отношениях между Центром и регионами как «уровень формальной централизации / децентрализации».

Очевидно, что «централизация» и «децентрализация» представляют собой не какие-то «абсолютные состояния», а лишь тенденции, более или менее ярко выраженные и всегда относительные друг друга. Это значит, что с одной стороны, существуют границы децентрализации. Сам этот термин имеет смысл только при сохранении «Центра», т.е. какая-то часть принятия политических решений должна быть в сфере полномочий последнего. Иными словами, децентрализация ограничена как минимум рамками сохранения одной политической целостности (государства).

С другой стороны, и централизация имеет свои границы. Это связано с тем, что чем шире полномочия Центра по принятию политических решений, тем более универсальными будут эти решения (хотя бы вследствие того, что принятие любого решения требует временных, информационных и иных ресурсов, а объем ресурсов всегда ограничен). Соответственно региональные власти получают более широкое поле для содержательной конкретизации решений Центра, причем административно в этом случае Центр не в состоянии влиять на этот процесс. Таким образом, на каком-то этапе централизации наступает «естественный предел», она наталкивается на такую границу, которую не в состоянии перейти. Где именно эта точка – вопрос, конечно, эмпирический.

Из этого следует, что при любом уровне формальной централизации/децентрализации какая-то часть политических решений принимается в Центре, а другая – в регионах. Возникает проблема, как добиться «слаженности» в действиях властей разного уровня? Перераспределение полномочий по принятию

1. В данной статье, говоря о политических решениях, я имею в виду те решения нижестоящих органов власти, которые направлены не на применение универсальных норм, изданных вышестоящими органами, но и на их конкретизацию (снижение степени универсальности). Хотя, может быть, их точнее было бы квалифицировать как «политико-административные», ибо грань между «политикой» и «управлением» в данном случае практически стирается. При всей спорности данного вопроса, обсуждение которого требует самостоятельной работы, «политическое» в такого рода решениях, на мой взгляд, явно присутствует.

решений в данном случае не может принципиально изменить ситуацию. Единственная возможность решения проблемы – добиться совпадения (согласованности) политических интересов, целей, ценностей, ориентаций Центра и региональной власти. Это значит, что **наряду с уровнем формальной централизации/децентрализации в отношениях между Центром и регионами необходимо выделить еще один аспект, который я предлагаю условно назвать «уровнем политической централизации/децентрализации».**

Высокий уровень политической централизации (согласованность в действиях Центра и региона) позволяет без ущерба для Центра производить формальную децентрализацию. Рассогласованность в политических установках Центра и регионов, напротив стимулирует Центр к ограничению полномочий и ресурсов, которыми располагают субъекты Федерации, что обычно проявляется в тенденции к формальной централизации. Таким образом, теоретически тенденции к формальной и политической централизации/децентрализации должны развиваться в разных направлениях. Однако очевидно, что в реальности никогда не бывает «рассогласованности» или «согласованности» в чистом виде. Поэтому в зависимости от ситуации Центр стремится задействовать (в разном соотношении) инструменты как формальной, так и политической централизации, а значит, корреляция между ними может быть самой различной (как по степени, так и по знаку).

Выделив разные аспекты централизации/децентрализации, мы получаем возможность более точно соотнести эту тенденцию с тенденцией «унификация/диверсификация». Я исхожу из того, что и логически, и практически они далеко не тождественны хотя бы потому, что отражают разнопорядковые явления. **Если уровень централизации/децентрализации характеризует отношения по «вертикали» (между Центром и регионами), то уровень унификации/диверсификации – характеристика сравнительного кроссрегионального измерения «по горизонтали».**

Разнопорядковость отнюдь не значит, что данные понятия никак не связаны между собой, однако связь эта далеко не однозначная. Но для начала необходимо отметить, что понятия «унификация» и «диверсификация» также содержат в себе несколько аспектов. Остановлюсь лишь на двух, имеющих самое прямое отношение к нашей проблематике.

Первый аспект – уровень унификации/диверсификации региональных политических процессов. В таком понимании унификация/диверсификация значительно более тесно связана с уровнем политической, чем формальной централизацией/децентрализацией. Точнее говоря, повышение степени унификации региональных политических процессов является необходимым условием для достижения политической централизации, так как согласованность политических целей между Центром и регионами возможна лишь при условии того, что у

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

власти на том и другом уровнях (вертикальное измерение) и в разных единицах одного уровня (горизонтальное измерение) находятся акторы, имеющие близкие политические ориентации.

Второй аспект – уровень унификации/диверсификации применительно к кроссрегиональному сравнению не внутрирегиональных процессов, а отношений «Центр – отдельный регион». При высокой степени диверсификации в этом смысле распределение полномочий и ресурсов между Центром и отдельными регионами может быть столь различным, что «общероссийская» тенденция будет подобна «средней температуре по больнице». Другими словами, речь идет о том, в какой мере взаимоотношения между Центром и отдельными регионами имеют в своей основе некие универсальные принципы.

Данный аспект унификации/диверсификации наиболее тесно связан, с одной стороны, с предыдущим (уровень унификации/диверсификации региональных политических процессов), а с другой – с политической централизацией/децентрализацией. Именно политическая централизация позволяет Центру выстраивать отношения с регионами преимущественно на универсальных принципах. Даже если она сопровождается формальной децентрализацией, последняя будет иметь более универсальный фундамент. Наоборот, в условиях политической децентрализации у Центра возникают дополнительные стимулы не только к формальной централизации, но и к тому, чтобы диверсифицировать свои взаимоотношения с регионами.

Отношения «Центр - регионы» в постсоветской России

Отталкиваясь от этих общих рассуждений, бросим беглый и весьма схематичный взгляд на эволюцию взаимоотношений по линии «Центр – регионы» в постсоветской России. Бесспорно, на фоне весьма централизованной советской системы Россия 90-х годов выглядит «региональной вольницей». Иначе и быть не могло, так как в стране произошла диверсификация как экономических, так и политических ресурсов. В результате вместо одного господствующего политического актора (КПСС), который с большим или меньшим успехом контролировал основные материальные, финансовые, информационные и иные ресурсы², в России появились разнообразные и самостоятельные субъекты, располагающие различными наборами властных ресурсов и конкурирующие между собой

2. Здесь я отвлекаюсь от того, что и в советской системе имела место своеобразная диверсификация ресурсов между отдельными группами. Эти идеи получили развитие в рамках концепции «административного рынка». – См.: Кордонский С.Г. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. – М.: ОГИ, 2000. – 240 с.

за контроль над ресурсами как на отдельных уровнях, так и между разными уровнями власти.

Вместе с тем соотношение между различными аспектами децентрализации в 90-е годы было достаточно сложным. Общеизвестно, что одним из результатов трансформации российской политической системы в этот период стала существенная диверсификация региональных политических процессов³. Российские регионы значительно отличались друг от друга по таким параметрам, как композиция акторов, их политические ориентации и стратегии, характеристики политических институтов, тенденции политического развития. Элитные группы, оказавшиеся у власти в разных регионах, могли обладать различными политическими ориентациями, зачастую иными, чем Центр, либо вообще не иметь таковых (чуть ниже я остановлюсь на этом подробнее). Естественным следствием этого стала весьма высокая степень политической децентрализации.

Что касается формальной децентрализации, я бы хотел солидаризироваться с мнением тех исследователей, которые отмечают, что ее уровень порой сильно преувеличивается. За политической риторикой («берите суверенитета столько, сколько хотите») скрывалась, как хорошо видно по прошествии лет, вполне определенная политическая линия. В частности, как отмечают авторы работы, выполненной под руководством К. Мацузато, «децентрализация “по Ельцину”... на практике оказалась для них (регионов) крайне невыгодной формой централизма. Его суть состояла в отказе Центра от контроля (поддержки) кризисных секторов при сохранении контроля (приватизации) прибыльных отраслей»⁴. Центр располагал разнообразными финансовыми инструментами, прежде всего налоговыми и бюджетными. Доля федерального бюджета редко когда опускалась ниже 50% от консолидированного бюджета РФ. Наряду с этим, под контролем федерального Центра всегда оставались такие важнейшие инфраструктурные отрасли, как электроэнергетика, газовая промышленность, железнодорожный транспорт, связь и т.д. Это позволяло регулировать тарифы на перевозки, на энерго- и теплоснабжение. Таким образом, хотя в целом по стране между формальной и политической децентрализацией в 90-е годы наблюдалась позитивная корреляция, уровень первой был слабее, чем второй.

В качестве общероссийской тенденции позитивную корреляцию между формальной и политической децентрализацией можно объяснить макро-причи-

3. На уровне научного дискурса это выразилось в широком использовании термина «региональные политические режимы». – Гельман В.Я., Рыженков С., Бри М. *Россия регионов: трансформация политических режимов*. – М., 2000. – 375 с.

4. Феномен Владимира Путина и российские регионы: Победа неожиданная или закономерная?: Сб. ст. / Под ред. Мацузато К. – М., 2004. – С. 80.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

нами (радикальной трансформацией всей политической системы), но она имела место и на уровне отношений Центра с отдельными регионами, что теоретически выглядит абсурдным: зачем Центру давать больше полномочий и ресурсов тем регионам, лидеры которых политически ориентированы «не так, как Центр»? Главная причина, на мой взгляд, заключается в том, что после краха КПСС в начале 90-х годов в стране возник своего рода «идейно-политический вакуум», когда ценностно-политические мотивации и ориентации оказались в значительной мере ослаблены, а порой даже утеряны. В результате структурирование элит на региональном, да и на федеральном уровнях пошло не столько по идейно-политическим, сколько по финансово-экономическим и административным основаниям. Все это привело к тому, что Центр политически был недостаточно «укоренен» в регионах.

Вместе с тем российские регионы сильно отличались по социально-экономическому потенциалу и качеству региональных лидеров, и Центр не мог не учитывать этого. Следовательно, выстраивая взаимоотношения с регионами, Центр был вынужден (а, быть может, и хотел этого) руководствоваться не столько политическими ориентациями региональных элит, сколько опираться на личные взаимоотношения и договоренности. Иначе говоря, зачастую не «политическая близость» определяла распределение полномочий и ресурсов между Центром и отдельным регионом, а наоборот – более высокий уровень формальной децентрализации был своего рода «платой» за будущую «политическую лояльность» значимой для Центра региональной элиты. На последнее обстоятельство следует обратить особое внимание: «купить» можно именно «политическую лояльность», а не общность (согласованность) политических ориентаций. Это объясняет, почему позитивная корреляция между формальной и политической децентрализацией нередко сохранялась и после «сделки».

Отмеченное явление тесно связано с еще одним аспектом диверсификации, а именно со взаимоотношениями между Центром и отдельными регионами в кроссрегиональном плане. Подобные «сделки», предметом которых был обмен особых финансово-экономических полномочий (преференций) на политическую (персональную) лояльность постепенно превратились в обычную практику. В результате в отношениях между Центром и субъектами Федерации оформилась и институционализировалась «система персонифицированных обменов»⁵.

5. Термин «обмены» я заимствовал из работы В.С. Авдонина. – См.: Авдонин В.С. Рязанская область // Феномен Владимира Путина и российские регионы: Победа неожиданная или закономерная?: Сб. ст. / Под ред. Мацузато К. – М., 2004. – С. 81–82. «Горг» за полномочия и контроль над ресурсами, характерный для середины 90-х годов, проанализирован в целом ряде работ. См., например: Полищук Л. Российская модель переговорного федерализма // Вопр. экономики. – М., 1998. – № 6. – С. 68–86.

Можно предположить, что «обмены» с наиболее важными регионами производились на самом высоком уровне, с менее важными – чиновниками рангом пониже⁶.

Я предлагаю использовать понятие «система персонифицированных обменов» в качестве ключевой, типологической характеристики сложившихся в России взаимоотношений между Центром и субъектами Федерации⁷. Универсальным в этой системе было то, что определенные сферы полномочий (армия, денежная система и др.) никогда не были предметом «торга», они выводились за рамки системы. В то же время реализация универсальных принципов зависела и зависит от конкретных политических акторов и, следовательно, носит персонально-партикулярный характер. Такого рода партикуляризм преобладал во взаимоотношениях между Центром и регионами в постсоветской России. Это проявлялось, в частности, в том, что договоренности о распределении полномочий и ресурсов зачастую заключались и пересматривались именно на персональном уровне, независимо от формальных правил (законов, договоров и т.д.).

Сложившаяся в 90-е годы «система персонифицированных обменов» стала одной из наиболее важных предпосылок к тому, что в начале 2000-х годов президенту В. Путину удалось переломить тенденцию к децентрализации. Иначе было бы трудно объяснить, почему «вольные регионы» вдруг «подчинились» Центру. Ссылка на то, что их «заставили», «выкрутили руки», выглядит не очень серьезно: ведь в начале нового периода они сохраняли под своим контролем те же ресурсы, что и в конце предшествующего. Другое дело, что Центр успешно использовал в начале 2000-х годов политику «разделяй и властвуй». Если бы децентрализация в России строилась на неких универсальных принципах, расколоть регионы было бы намного сложнее. В условиях же «системы персонифицированных обменов» новый политический курс воспринимался регионами как вполне естественный пересмотр договоренностей, связанный со сменой персоналий.

Более того, по большому счету действия нового президента вполне соответствовали этим ожиданиям. Еще раз сошлюсь на работу под редакцией К. Мацузато, в которой на эмпирическом материале убедительно показано, как Центр демонстрировал готовность делиться выигрышем (и делился) с теми, кто принимает новые «правила игры»⁸. Следовательно, типологически политика В. Путина не отличалась от политики его предшественника.

6. Говоря о «Центре» в единственном числе, я, безусловно, упрощаю ситуацию. В действительности «Центр» никогда не был монолитным политическим актором.

7. Думается, этот термин вполне применим и к другим взаимодействиям, например между органами власти и негосударственными акторами (бизнес-группами).

8. Феномен Владимира Путина и российские регионы: Победа неожиданная или закономерная? Сб. ст. / Под ред. Мацузато К. – М., 2004. – 368 с.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Формальная централизация (перераспределение полномочий и ресурсов в пользу Центра) в начале 2000-х годов, несомненно, имеет место⁹, но, на мой взгляд, ее степень порой преувеличивается (так же как преувеличивалась степень формальной децентрализации 90-х годов). Рискну предположить, что в реальности уровень формальной централизации в целом по стране уже приблизился к той «естественной границе», о которой говорилось в начале статьи. Иначе говоря, централизация прав на принятие политических решений и ресурсов сопровождается неизбежной передачей полномочий по конкретизации этих решений и распределению ресурсов на региональный уровень. Кроме того, несмотря на перераспределение доходов в пользу федерального бюджета, в условиях экономического роста в абсолютных цифрах (даже с учетом инфляции) возросли и объемы региональных бюджетов.

Об увеличении ресурсов, которыми распоряжаются регионы, косвенно свидетельствует и такое явление, как активизация новых сегментов региональных элит. В первую очередь, это – средний бизнес, который пришел не «извне», а вырос «изнутри региона» и смог найти в региональной экономике свою нишу. Наиболее успешные представители среднего бизнеса уже переросли локальный уровень, но не доросли до федерального. И если крупный бизнес должен договариваться в Кремле, то интересы среднего бизнеса локализованы в регионах. По мере повышения социальных расходов не может не активизироваться и такой сегмент региональной элиты, как руководители учреждений социальной сферы, некоммерческих организаций и т.п., чьи интересы также связаны с региональными, а не федеральными властями. Эти наблюдения весьма предварительны и нуждаются в проверке, но они указывают на то, что поле для региональной политики (в классическом, как у Д. Истона, понимании, как борьбы за авторитарное распределение ресурсов) не просто сохраняется, но даже расширяется. Примеры Татарстана и Башкортостана наиболее наглядно показывают, что региональные элиты здесь сохранили весьма существенные полномочия и ресурсы.

Политическая реформа: Предварительные выводы

Думается, тот факт, что формальная централизация имеет свои границы, а главное – что она не в состоянии обеспечить «властную вертикаль», хорошо

9. За последние годы значительно увеличились финансовые ресурсы федерального Центра как путем перераспределения доходов между федеральным и региональными бюджетами в пользу первого, так и вследствие «естественного» увеличения объема бюджета в условиях экономического роста и высоких цен на нефть. Вырос объем подконтрольных Центру экономических ресурсов (покупка «ЮКОСа» и активов других частных компаний и т.д.), а также реализуемых под контролем Центра федеральных программ.

осознается в Центре, вследствие чего на протяжении последних лет постепенно, но последовательно предпринимаются шаги, направленные на повышение уровня политической централизации. Главная задача последней – обеспечить «политическую согласованность» в действиях Центра и региональных властей.

Возможно, первым шагом к этому было создание федеральных округов. Трудно сказать, какие именно задачи ставились перед полномочными представителями президента и федеральными инспекторами на самом деле. Официально они не должны были вмешиваться в региональные политические процессы, однако хорошо известно, что на практике такие попытки неоднократно предпринимались. Если предположить, что именно эта задача перед ними и ставилась, вряд ли ее удалось реализовать в полной мере.

Более значительное влияние на региональные политические процессы оказали две другие реформы, кардинально изменившие порядок формирования законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: 1) введение смешанной избирательной системы на выборах в региональные парламенты и 2) отказ от прямых выборов губернаторов.

Очевидно, что первая реформа имеет значение не сама по себе, а лишь в контексте партийного строительства (принятия Закона «О политических партиях» и реализации политического проекта по созданию партии «Единая Россия»). Вступление региональных политических акторов в «партию власти» и поддержка ЕР означают для них доступ к новым ресурсам: попадание в партийный список как значительно более простой и дешевый способ получения депутатского мандата, новый канал воздействия на органы власти и т.д. Однако предполагается, что эти ресурсы будут предоставляться лишь в обмен на поддержку политического курса «партии власти», при условии подчинения партийной дисциплине. Аккумуляция ресурсов в рамках «Единой России» на региональном уровне (в сочетании с новой избирательной системой) должна обеспечивать «партии власти» победу на выборах в парламенты, что позволяет унифицировать региональные политические процессы. Таким образом, с помощью этой реформы решалась задача охватить **политическим влиянием Центра**, во-первых, те сферы полномочий и ресурсов, и, во-вторых, те самые сегменты региональных элит, которые невозможно контролировать финансово-административно. Шаг вполне понятный и логичный. На мой взгляд, это – единственная в «эпоху Путина» серьезная попытка выстроить взаимоотношения с политическими акторами на преимущественно универсальных, а не на партикулярных основаниях.

За два года (с декабря 2003 по декабрь 2005 г.) выборы в региональные парламенты по новой системе прошли в 44 регионах (ровно половина субъектов Федерации), что позволяет подвести некоторые промежуточные итоги. Результаты этих выборов сами по себе дают огромный материал для анализа ситуации

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

в регионах России. Не ставя перед собой такой задачи, я попытаюсь проанализировать их лишь под углом зрения тенденций «унификация/диверсификация» и «политическая централизация / децентрализация».

Ниже представлены электоральные результаты «Единой России» – доля голосов, полученных по пропорциональной системе и доля мест в региональных парламентах, завоеванных «партией власти» в целом. В самом общем плане эти данные демонстрируют огромный разброс в кроссрегиональном измерении. По доле голосов – от 76,23% в Мордовии до 16,26 в Амурской области; по доле мест – от 87,5 (Мордовия) до 16,7% в Корякском АО. Особенно важно то, что названные регионы – не какие-то девиантные случаи, напротив, – результаты «партии власти» на выборах достаточно равномерно распределяются между процентными интервалами, как это видно из таблицы 1¹⁰.

Нетрудно заметить, что в большинстве регионов доля мест, полученных «Единой Россией» в региональных легислатурах, превышает долю голосов. Это объясняется как особенностями электоральной системы (избирательный порог в ряде регионов был весьма значительным), так и тем, что во многих случаях результаты кандидатов от «партии власти» в мажоритарных округах были лучше, чем по партийным спискам. Это, правда, не дает оснований полагать, что введение смешанной системы невыгодно для «партии власти». Очевидно, что на выборах действует так называемый «косвенный эффект» (contamination effect): повышение значимости политических партий в регионе вследствие механического увеличения их представленности в парламенте стимулирует политических акторов использовать партийные структуры и на выборах той части депутатов, которые избираются по мажоритарному принципу.

В целом только в 18 регионах из 43 «Единая Россия» получила более половины мест в региональных легислатурах. Несомненно, у нее есть «дружественные» партии, которые будут поддерживать ее в парламенте. Кроме того, многие депутаты, выдвигавшиеся на выборах по одномандатным округам как независимые, вступят (или уже вступили) в «Единую Россию» или фактически будут поддерживать «единороссов». Поэтому, конечно, в реальности расстановка сил в парламентах в той или иной мере, порой существенно, отличается от электоральных показателей. Однако нас здесь интересуют именно последние

10. Данные приведены по 43 регионам, поскольку в Вологодской области переизбиралась только половина парламента (по партийным спискам), а выборы по мажоритарной части не проводились. Из всей выборки два субъекта имеют двухпалатные парламента. По Чеченской республике использовались итоги выборов в нижнюю палату (Народное собрание), которая избирается по смешанной системе. По Свердловской области в связи с тем, что нижняя палата избирается полностью по пропорциональной системе, а верхняя – полностью по мажоритарной, итоги выборов в палаты суммированы.

с точки зрения формальной партийной принадлежности депутатов к «Единой России», поскольку вопрос заключается в том, в какой мере реформа региональных избирательных систем позволяет усилить «политическую общность» депутатов (в противовес персонифицированным договоренностям между властью и отдельными депутатами). **В этом смысле результаты выборов показывают, что политическая централизация пока не достигнута.**

Таблица 1

Диапазон	Доля голосов «Единой России» (по спискам)		Доля мест «Единой России» (в целом)	
	Кол-во регионов	Регионы (в порядке уменьшения по ЕР)	Кол-во регионов	Регионы (в порядке уменьшения по ЕР)
Больше или равно 80%	0		4	Мордовия, Татарстан, Чукотский АО, Москва
Больше или равно 70%	2	Мордовия, Кабардино- Балкария	4	Агинский Бурятский АО, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Челябинская обл.
Больше или равно 60%	5	Чукотский АО, Татарстан, Агинский Бурятский АО, Ямало-Ненецкий АО, Чеченская Республика	5	Хабаровский край, Ямало- Ненецкий АО, Карачаево- Черкесия, Ивановская обл., Чеченская Республика
Больше или равно 50%	4	Усть-Ордынский Бурятский АО, Карачаево-Черкесия, Белгородская и Челябинская обл.	5	Усть-Ордынский Бурятский АО, Таймырский АО, Марий Эл, Тамбовская и Белгородская обл.
Больше или равно 40%	5	Москва, Калмыкия, Хабаровский край, Тамбовская и Калужская обл.	6	Ульяновская, Воронежская, Тверская, Иркутская, Архангельская, Костромская обл.
Больше или равно 30%	11	Свердловская, Волгоградская обл., Ингушетия, Читинская, Брянская, Тверская, Новосибирская обл., Марий Эл, Ивановская обл., Таймырский АО, Иркутская обл.	13	Ненецкий АО, Свердловская, Курганская, Читинская, Калужская, Магаданская, Новосибирская, Брянская обл., Хакасия, Владимирская обл., Алтайский край, Волгоградская и Рязанская обл.
Больше или равно 20%	14	Костромская, Воронежская, Магаданская, Ульяновская, Ярославская, Курганская обл., Алтайский край, Ненецкий АО, Архангельская обл., Хакасия, Корякский АО, Тульская, Рязанская, Владимирская обл.	4	Ярославская и Тульская обл., Ингушетия, Амурская обл.
Больше 10%	2	Сахалинская и Амурская обл.	2	Сахалинская обл., Корякский АО

Еще один показатель, характеризующий степень унификации / диверсификации политических процессов в регионах – электоральные результаты других партий. Здесь нет возможности подробно анализировать итоги выборов для

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

каждой партии в отдельности, поэтому я использую общий индикатор – «эффективное число партий в парламенте – ЭЧП», который широко применяется в сравнительных исследованиях, поскольку достаточно точно характеризует уровень партийной фрагментации. Вследствие того, что по новой системе половина (кое-где меньше) депутатов избирается по мажоритарному принципу, не все депутаты являются партийными выдвиженцами, поэтому при вычислении ЭЧП я не учитывал непартийных депутатов¹¹.

Таблица 2

Интервал	Кол-во регионов	Регионы (в порядке увеличения ЭЧП в региональном парламенте)
От 1,0 до 1,5	8	Татарстан, Мордовия, Чукотский АО, Калмыкия, Кабардино-Балкария, Агинский Бурятский АО, Ямало-Ненецкий АО, Москва
От 1,5 до 2,0	7	Свердловская обл., Карачаево-Черкесия, Чечня, Белгородская обл., Хабаровский край, Челябинская обл., Усть-Ордынский Бурятский АО
От 2,0 до 2,5	6	Марий Эл, Таймырский АО, Ивановская, Ульяновская, Тамбовская обл., Корякский АО
От 2,5 до 3,0	7	Волгоградская, Воронежская, Магаданская, Тверская, Иркутская, Читинская, Брянская обл.
От 3,0 до 3,5	5	Алтайский край, Костромская, Новосибирская, Курганская обл., Ненецкий АО
От 3,5 до 4,0	4	Архангельская, Калужская, Сахалинская обл., Хакасия
От 4,0 до 4,5	2	Ингушетия, Владимирская обл.
От 4,5 до 5,0	4	Ярославская, Тульская, Рязанская, Амурская обл.

Как и по предыдущему показателю, здесь также наблюдается достаточно равномерное распределение по диапазону. Минимальное значение ЭЧП – 1,1 (Татарстан), максимальное – 5 (целая группа регионов – Ярославская, Тульская, Рязанская, Амурская области).

Кроме того, явно наметилась еще одна тенденция. Те регионы, которые в российской политической регионалистике устойчиво характеризуются экспертами как «неконкурентные» («авторитарные») – в большинстве своем это «национальные» республики – демонстрируют крайне низкое значение ЭЧП. Напротив, в тех субъектах Федерации, где наблюдалась политическая конкуренция, степень партийной фрагментации парламентов оказалась достаточно высокой. Это говорит о том, что в неконкурентных политических системах доминирующие акторы используют партийное строительство для дальнейшего укрепления

11. Это, естественно, ведет к некоторым искажениям, но они не столь существенны для выявления общей картины, тем более что доля непартийных депутатов после перехода к смешанной системе резко снизилась.

своих политических позиций. Иначе говоря, электоральная реформа способствует формализации доминирования одной политической силы. Напротив, в тех регионах, где в той или иной мере имеет место политическая конкуренция, новыми институциональными возможностями достаточно успешно пользуются разные политические акторы. Таким образом, реформа избирательных систем сама по себе может стать фактором не снижения, а возрастания уровня диверсификации региональных политических процессов, усилить их «разновекторность» (авторитарные регионы становятся еще более авторитарными, а конкурентные – еще более конкурентными)¹².

При всей важности электоральной статистики она не в состоянии ухватить «качественные» характеристики развития политических партий и политических процессов в регионах России. В связи с этим представляется важным иметь в виду, что современные российские политические партии не относятся к категории классических «массовых партий», типичных для стран Запада, скажем, середины XX столетия. Справедливо отмечается, что они представляют собой «верхушечные образования» и не располагают устойчивой массовой поддержкой. Можно по-разному к этому относиться, в том числе высказывать сомнение в адекватности использования самого концепта «политическая партия» применительно к России¹³, но очевидно, что в ближайшей перспективе они будут развиваться не как посредники между гражданским обществом и государством, а как инструменты политической борьбы между элитными группами. Это в полной мере, а быть может и больше, чем к другим, относится и к «партии власти». «Единая Россия» изначально создавалась в качестве политической структуры, способной объединить в своих рядах различные элитные группы как в Центре, так и на региональном уровне.

Как представляется, именно Центр, ставя своей задачей политическую централизацию, был заинтересован в том, чтобы привлечь под знамена «Единой России» как можно больше влиятельных политических акторов, в том числе на региональном уровне. Для последних риск состоял в том, что они могли больше

12. Подробнее см.: Панов П.В. Реформа региональных избирательных систем и развитие политических партий в регионах России: Кроссрегиональный сравнительный анализ // Полис. – М., 2005. – № 5. – С. 102–117.

13. На мой взгляд, использование понятия «политическая партия» применительно к России не является «концептуальной натяжкой», если понимать политические партии не как «массовые партии», типичные для середины XX в., а более широко, как, к примеру, это делают многие современные исследователи. – См.: Janda K. *Political parties: A cross-national survey*. – N. Y.: Free press, 1980. – 861 p.; Katz R., Mair P. *Changing models of party organization and party democracy: The emergence of the cartel party // Party politics*. – L., 1995. – N 1. – P. 5–28.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

потерять, чем приобрести, вкладывая ресурсы (не только финансовые, но и личный авторитет) в региональную партийную организацию, которая оказалась бы под контролем федерального руководства. Решению этой проблемы, думается, способствовало то, что «Единая Россия» в значительной мере строится на той же «системе персонифицированных обменов», какая утвердилась в отношениях между российскими политическими акторами в 90-е годы. Во внутривнутрипартийной жизни это проявляется в борьбе между разными элитными группами за контроль над региональными организациями (естественно, в тех регионах, где вообще имеет место политическая конкуренция). Такая борьба нередко выплескивается на поверхность на выборах разного уровня, когда региональная организация одновременно поддерживает разных кандидатов, когда члены партии выдвигают свои кандидатуры без санкции партийного руководства, когда партийные организации разного уровня вступают в борьбу между собой и т.п.

Несомненно, борьба за лидерство имеет место в любой политической организации, включая классические массовые партии. Но дело в том, что в данном случае внутривнутрипартийная борьба структурируется преимущественно не идейно-политическими разногласиями, а интересами перераспределения властных ресурсов. Другими словами, положение дел в региональной партийной организации отражает текущее соотношение сил между элитными группировками, участвующими в «Единой России». В регионах с доминирующим политическим актором он полностью контролирует партийную организацию (Ю. Лужков в Москве, М. Шаймиев в Татарстане, К. Илюмжинов в Калмыкии и т.д.). При этом как бы центральные органы «Единой России» ни относились к этим лидерам, они не в состоянии что-либо принципиально изменить, так как в «обмен» на свое участие в партии эти лидеры должны были получить от Центра достаточную автономию. В регионах с конкурентной политической средой борьба элитных группировок просто переместилась «внутрь» партийной организации «единороссов», причем и здесь возможности Центра воздействовать на процесс также весьма ограничены. По большому счету, «Единая Россия» превратилась лишь в еще одну – наряду с региональными парламентами – институционализированную площадку, на которой разворачиваются взаимодействия между элитными группами по поводу распределения ресурсов и в горизонтальном, и в вертикальном измерениях. Таким образом, «партия власти» пока не стала эффективным инструментом политической централизации.

Что касается второй реформы, касающейся формирования региональных органов власти – отказа от прямых выборов губернаторов, она также в полной мере вписывается в логику утверждения политической централизации. Потенциально она способствует тому, чтобы исполнительная власть в субъектах Федерации возглавлялась лидерами, политически близкими президенту страны. Предполагалось (по крайней мере, публично артикулировалось), что новый по-

рядок рекрутирования губернаторского корпуса позволит вывести высших должностных лиц регионов из-под пагубного влияния элитных группировок, преследующих свои корыстные интересы. Одновременно новая система призвана противодействовать «авторитарному правлению» губернаторов в тех регионах, где они сами являются господствующими акторами.

Думается, в данном случае важна даже не столько отмена выборов сама по себе, сколько «обратное» – возможность отстранения главы региона до истечения его полномочий. Практика губернаторских выборов 2000–2004 гг. показала, что Центр имел достаточно большие возможности активно участвовать в губернаторских выборах, и если он не всегда добивался успеха, то скорее вследствие субъективных ошибок (порой откровенно грубых и нелепых), чем институциональных ограничений. Кстати, постепенно число ошибок становилось все меньше¹⁴, так что вряд ли принцип выборности губернаторов был серьезной помехой для продвижения на эти должности лиц, политически близких Центру. Конечно, риски – неизбежный атрибут выборов, но они сохраняются и при новой системе рекрутирования губернаторского корпуса, хотя бы потому, что слишком большое количество губернаторов лишает президента России возможности держать весь этот процесс в центре своего внимания. Однако принцип выборности по своей сути несовместим с возможностью отстранения губернатора от власти. Какие бы сделки ни заключались в ходе избирательной кампании, после победы на выборах губернатора нельзя было сместить. Именно эта несменяемость в течение законодательно определенного срока (4–5 лет) и делала фигуру губернатора (по крайней мере, потенциально) достаточно автономной как от Центра, так и от региональной элиты¹⁵.

14. Подробнее об этом см.: Ашихмина Я.Г., Панов П.В., Подвицнев О.Б. Губернаторские выборы как индикатор политических тенденций в регионах-донорах // *Россия и совр. мир.* – М., 2004. – № 2. – С. 52–76.

15. Установленный в 2000 г. «институт федерального вмешательства» давал президенту право «отрешать» губернаторов от должности лишь в двух случаях: 1) принятие нормативно-правовых актов, противоречащих федеральному законодательству; 2) предъявление губернатору обвинения в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (Федеральный закон от 29.07.2000 № 106-ФЗ). Теперь ситуация принципиально иная: президент вправе уволить губернатора «в связи с утратой доверия президента РФ, за ненадлежащее исполнение своих полномочий» (Федеральный закон от 11.12.2004 № 159-ФЗ). Следовательно, если раньше «наказать» губернатора можно было лишь тогда, когда он вмешивался в компетенцию Центра (нарушал федеральные законы), то теперь президент получает возможность контролировать и те действия губернатора, которые последний предпринимает в рамках собственных полномочий, что есть явная попытка политической централизации.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

За 10 месяцев 2005 г. губернаторы были наделены полномочиями по новой системе в 38 субъектах Федерации. Как и ожидалось, все региональные легислатуры поддержали кандидатуры, выдвинутые президентом, но при этом в 29 случаях президент РФ предложил действующих глав регионов¹⁶. В девяти регионах губернаторами стали «новые» лидеры, однако в двух из них (Северная Осетия и Кабардино-Балкария) это произошло, потому что прежние сами подали в отставку, а еще в одном (Алтайский край) – вследствие гибели действующего губернатора (характерно, что незадолго до этого президент РФ отказал краевому парламенту в просьбе досрочно уволить последнего). Таким образом, фактически смена главы имела место всего в шести регионах, причем только в одном (Корякский АО) губернатор был отстранен от должности досрочно за допущенную катастрофу в жилищно-коммунальной сфере. Следовательно, новая система отнюдь не привела к существенному обновлению губернаторского корпуса.

Важнейшие политические функции губернатора (тем более в свете гипотетической «вертикали власти») – выступать как проводником линии Центра в регионе, так и посредником между региональными элитными группами. Уже поэтому Президент России не может предлагать на должность губернатора человека, который не устраивает региональную политическую элиту, так как «навязанный губернатор» не в состоянии эффективно выполнять эти функции. Центр в лице президента учитывает и будет учитывать расстановку сил внутри региональной элиты (даже законодательно предусмотрена многоэтапная процедура консультаций), в том числе он поддерживал и, вероятно, будет поддерживать кандидатуры «авторитарных» региональных лидеров до тех пор, пока они полностью контролируют ситуацию в регионе.

В этой связи нельзя не остановиться еще на одном аспекте. «Новую» систему власти в регионах нередко сравнивают с советской моделью. Действительно, внешне наблюдается немало параллелей: «Единая Россия» – аналог коммунистической партии; губернатор – ставленник Центра – аналог первого секретаря обкома; региональный парламент – аналог областного партийного комитета, который также утверждал кандидатуру своего лидера по представлению ЦК КПСС. Однако мне представляется, что эти параллели весьма условны, поскольку современная модель принципиально отличается от советско-партийной. Последняя основывалась преимущественно на универсальных принципах, тогда как ныне действующая – на «системе персонифицированных обменов». И сломать

16. Включая новый субъект Федерации – Пермский край, где также был предложен и наделен полномочиями действующий глава – и.о. губернатора Пермской области О.А. Чиркунов.

эту систему вследствие диверсификации ресурсов как между отдельными группами региональной элиты, так и между Центром и регионами чрезвычайно сложно. В «авторитарных» регионах доминирующие акторы слишком сильны, а в «конкурентных» их слишком много. Помимо того, здесь начинает действовать принцип «path-dependency» («зависимость от взятого курса»): сложившиеся институты сохраняются даже тогда, когда, казалось бы, их можно заменить более эффективными.

Не решив пока задачу политической централизации, реформа избирательных систем и отказ от прямых выборов губернатора вместе с тем существенно изменили взаимоотношения в треугольнике «Центр – губернатор – региональная элита». Баланс здесь оказался нарушен. Раньше, как уже отмечалось, губернатор обладал таким важнейшим политическим ресурсом как невозможность отстранения его от власти. Теперь он лишился его, и это, на мой взгляд, усилило не только федеральный Центр, но одновременно и региональную элиту. Речь, опять-таки, не столько в том, что ее лидеры – депутаты региональной легислатуры формально наделяют его полномочиями (хотя значение этой процедуры должно возрасти, когда победившая на выборах в региональный парламент партия получит право предлагать президенту РФ кандидатуру губернатора). Сама возможность увольнения губернатора усиливает региональную элиту, так как многие элитные группы обладают собственными каналами взаимодействия с Центром и тем самым приобретают новый рычаг давления на губернатора.

Кроме того, потенциально новая система содержит возможности усиления позиций региональной элиты не только относительно губернатора, но и относительно Центра. Ведь если отбросить вариант конфликта между ними как маловероятный, Центр в некотором отношении «связал себе руки». Раньше он мог сыграть на губернаторских выборах «самостоятельную партию», поддерживая «собственного кандидата», теперь же он вынужден согласовывать фигуру губернатора с региональной элитой. Наконец, следует учесть, что «партия власти», как уже отмечалось выше, не представляет собой централизованного монолита. Поэтому даже если губернатор оказался в зависимости не от какой-то «чужой» для Центра элитной группы, а от региональной организации «единороссов», это отнюдь не равнозначно его зависимости от Центра.

* * *

Подведем итоги. В начале 2000-х годов в России возобладала тенденция к формальной централизации, однако достаточно быстро выявились ее границы. Концентрация принятия решений и ресурсов в Центре сопровождается неизбежной передачей полномочий по их конкретизации и выполнению на нижестоящие уровни власти. Высокая степень диверсификации региональных политических процессов вызывает «рассогласованность» в принятии политических

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

решений на разных уровнях власти. В связи с этим в повестку дня выдвинулась политическая централизация. С этой целью в последние годы активно осуществляется проект по политическому укоренению в регионах «партии власти», кардинально перестроена система формирования органов власти субъектов Федерации – как законодательных (представительных), так и исполнительных. Однако как показывают первые результаты этих мероприятий, эффективная политическая централизация возможна лишь на основе неких универсальных политических принципов. Между тем политические практики взаимодействия между элитными группами как по горизонтали, так и по вертикали по-прежнему основываются преимущественно на «системе персонифицированных обменов», причем эта система воспроизводится на разных уровнях, в том числе и на уровне внутрипартийном в рамках «Единой России». Все это вызывает большие сомнения относительно осуществимости курса на построение «вертикали власти».

С.А.Денисов

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ: НОТАРИАЛЬНАЯ
КОНТОРА ПРИ РОССИЙСКОМ ПРЕЗИДЕНТЕ?**

Денисов Сергей Алексеевич –
кандидат юридических наук, доцент
Гуманитарного университета г. Екатеринбург.

Российская Конституция 1993 г. утверждает, что Федеральное Собрание РФ является парламентом и выполняет представительные и законодательные функции (ст. 94). Но анализ деятельности Федерального Собрания РФ за последние два года показывает, что эти утверждения статьи Конституции не соответствуют реальности. Федеральное Собрание превратилось в законорегистрационный орган, функция которого сводится к приданию вида законов решениям, которые принимаются в Администрации Президента и Правительстве РФ. Данный орган представляет сегодня не народ, а верховную власть и, таким образом, не может рассматриваться как парламент. Как известно, при создании I Государственной Думы в начале XX в. царь предлагал назвать ее государевой думой. От этого названия отказались, но сущность III и IV Государственной думы начала XX в. и IV Государственной думы начала XXI в. точно выражается именно этим термином. Это органы, действующие при главе государства и выражающие его волю.

Имитация парламентаризма – явление достаточно распространенное в мире. Сегодня признается всеми, что так называемые Советы в СССР не являлись реально действующими органами. Они создавали только видимость республиканской формы правления при фактической диктатуре или олигархической форме правления. Совещательный характер имеют органы представительства в большинстве развивающихся стран мира. Российское руководство сегодня пытается во многих вопросах идти по так называемому китайскому пути, где наряду с некоторой либерализацией экономики сохраняется полный контроль партийной олигархии за процессами выборов депутатов в органы власти, где высшие представительные органы остаются «резиновой печатью» для утверждения решений партеобразного объединения бюрократии под эгидой партии¹. Это

1. Егоров К.А. *Представительная система Китая: история и современность*. – М.: Спарк, 1998. – С. 118, 146.

дает основания для замечаний, что если в советский период реальным органом власти являлось Политбюро ЦК КПСС, то сегодня данная роль перешла к Администрации Президента РФ².

Конечно, Государственная дума не принимает законопроекты, направляемые администрацией Президента единогласно, как когда-то это делал Верховный Совет СССР. Но Совет Федерации уже оправдывает эту аналогию, утверждая сомнительные, с точки зрения общественности, законы единогласно³. Депутатам Государственной думы от фракции «Единая Россия» пока еще дается возможность проявлять законодательную инициативу по второстепенным вопросам, которые находятся вне внимания администрации президента. Им так же позволено не соглашаться с положениями законопроектов, исходящих от правительства, если они не поддерживаются прямо администрацией президента⁴. Отдельные депутаты и члены Совета Федерации пытаются лоббировать интересы каких-то групп общества при разработке и принятии законопроектов. Но в целом, палаты Федерального Собрания уже нельзя признать самостоятельными органами власти.

Часть 3 ст. 90 Конституции РФ требует, чтобы указы Президента РФ не противоречили федеральным законам. При сложившемся сегодня положении в России не указы президента основываются на законах, а законы исправляются с целью их соответствия указам президента. Так, Президент РФ издал указ о создании Национального антитеррористического комитета, а Федеральное Собрание внесло поправки в Федеральный закон «О противодействии терроризму» с тем, чтобы он соответствовал требованиям указа⁵.

В соответствии с Основными законами Российской империи (ст. 53) воля императора являлась высшим законом⁶. Современная Россия постепенно возвращается к этой традиции. В начале 2006 г. правительство одобрило строительство нефтепровода по берегу озера Байкал. Но этому мешала норма уже принятого в Государственной думе Водного кодекса. Против перекачки нефти по берегу озера были экологи. Депутатам была дана команда возвратиться к принятому документу и исключить из него злополучную статью. Возмутилась

2. Письменная Е., Фишман М. Путинский двор // *Русский Newsweek*. – М., 2004. – № 18. – С. 9.

3. См.: Городецкая Н. Совет Федерации разрешил сбивать пассажирские самолеты // *Коммерсантъ*. – М., 2006. – № 36.

4. Багров А., Гулько Н. Принято единогласно // *Коммерсантъ – Власть*. – М., 2005. – № 26. – С. 24–26.

5. Фаризова С. Закон подгонят под указ // *Коммерсантъ*. – М., 2006. – № 31. – С. 1, 2.

6. См. об этом: Лазаревский Н.И. *Лекции по русскому государственному праву*. Т. 1. Конституционное право. – СПб., 1910. – С. 35, 410.

только немногочисленная оппозиция. Депутаты от «Единой России» быстро прозрели, поняли, что нефтепровод озеру не угрожает, и отменили указанную Водным кодексом норму. Однако мнение Президента РФ по вопросу о безопасности озера Байкал изменилось. Он предписал отвести нитку нефтепровода от берега озера, и услужливость депутатов оказалась напрасной⁷.

Еще один пример. Пока критика проекта Федерального закона «О персональных данных» раздавалась из стана оппозиции, депутаты Государственной думы не обращали на нее никакого внимания. Но неожиданно эту критику поддержал президент. Депутаты мгновенно пересмотрели свое отношение к проекту закона и, признав замечания оппозиции справедливыми, исключили из него критикуемые нормы⁸.

В прессе высказывалось мнение, что президент стал высшим арбитром в спорах между Федеральным Собранием и правительством. Председателю Совета Федерации приходится даже подавлять стремление членов палаты по каждому вопросу жаловаться президенту на правительство и напоминать им, что они по конституции сами являются законодателями⁹.

По мере устранения разделения властей в России роль высшего источника права в стране переходит от Конституции РФ и законов к политической доктрине, излагаемой в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию. С. Миронов в своем ежегодном докладе «О состоянии законодательства в Российской Федерации» относит эти послания к конституционным основам деятельности всех государственных органов и считает их «по существу, основными документами, устанавливающими приоритеты, цели и задачи деятельности всей системы государственной власти в стране»¹⁰. В 2006 г. Совет Государственной думы после оглашения послания Президента РФ к Федеральному Собранию РФ принял решение о создании рабочей комиссии по реализации послания, которая должна провести ревизию действующего законодательства и внести предложения по его исправлению с целью реализации задач, поставленных президентом. Сегодня депутаты Думы и члены Совета Федерации восстановили в действии принцип, провозглашенный Карлом I: «Король не может быть не прав»¹¹.

7. См. об этом: Граник И. Госдума исключила Байкал из Водного кодекса // *Коммерсантъ*. – М., 2006. – № 65. – С. 10; Колесников А. Байкалспасайгруп // *Там же*. – № 75. – С. 1–2.

8. Хамраев В. Закон о персональных данных довели до идеалистического состояния // *Коммерсантъ*. – М., 2006. – № 39. – С. 2.

9. Владимиров Д. Миронов пристыдил сенаторов // *Российская газета*. – М., 2003. – № 78. – С. 3.

10. <http://www.mironov.ru/SFDocuments/16857.html>

11. *Всемирная история: Эпоха английской революции*. – М.: АСТ, Минск, Харвест, 2001. – С. 121.

Администрация президента управляет голосованием в Думе через представителей «Единой России», которые занимают должности председателя Думы и руководителей комитетов.

Государственная дума превратилась в театр, где большинство депутатов знают свою роль и играют так, как укажет режиссер, должность которого занимает председатель палаты. Роль сценариста отведена президенту и его администрации. Иногда играют драму с печальным для общества концом. Сложившееся положение уже обеспечило принятие ряда законов, ограничивающих действие конституции РФ, дискриминирующих оппозицию и направленных на увековечивание власти правящей группы. Как и в советские времена, Федеральное Собрание принимает законы, реализация которых определяется секретными приказами министерств. Так, в 2006 г. был принят Закон «О противодействии терроризму», который позволяет сбивать гражданские самолеты, захваченные террористами. Условия применения этой меры в законе не обозначены. Они будут изложены в секретном приказе министра обороны¹².

Иногда действие, происходящее в Государственной думе, напоминает комедию. В 2005 г. президент решил предоставить Федеральному Собранию полномочия по проведению парламентских расследований, чтобы сделать его похожим на настоящие парламенты, какие есть за границей. Со времен Петра I в России модно создавать государственные органы, которые напоминают своим названием западные институты (сенат, коллегии, министерства). В Государственной думе уже был разработан проект закона о парламентском расследовании. Но он давал слишком широкие полномочия депутатам. Администрация президента разработала свой проект закона, который был назван оппозицией законом о запрете парламентского расследования. Депутаты, входящие в Комитет Госдумы по безопасности вначале возмутились и подняли «бунт», приняли решение о возвращении проекта закона в администрацию президента. Но это стало возможным по причине отсутствия на заседании комитета его председателя, представляющего «Единую Россию». Как только он узнал о случившемся, «бунт» был легко подавлен. Депутатов обзвонили, и они отозвали свои подписи под принятым решением. Проект закона был одобрен в комиссии¹³, а затем принят Государственной думой, в результате чего у них появилось существенно ограниченное право проводить расследования, которым без разрешения Президента РФ они все равно не смогут воспользоваться.

12. Городецкая Н. Указ. соч.

13. Хамраев В. Комитет по безопасности раздумал спорить с президентом // *Коммерсантъ*. 2005. № 196. С. 2; Кузьмин В. Депутатский сыск // *Российская газета*. – М., 2005. – № 131. – С. 1, 2.

Случаются микробунты и в Совете Федерации. Но председателю палаты удается легко их подавлять одной фразой: «законопроект был внесен по инициативе лично президента Путина»¹⁴.

Правящие группы принимают меры к имитации сохранения самостоятельности Федерального Собрания. Администрация президента позволяет депутатам Государственной думы вносить предложения в свои законопроекты, которые, видимо, специально разрабатываются так, чтобы были возможности для некоторого отступления. Если законопроект явно непопулярен среди населения, то он вносится в Государственную думу правительством. Депутатам предоставляется возможность его покритиковать и смягчить некоторые положения. По мнению политологов, этот процесс является хорошо заранее срежиссированным¹⁵.

Иногда Государственной думе предоставляется возможность принять крайне недемократические законы по собственной инициативе¹⁶. В этом случае Президент РФ получает возможность продемонстрировать всему миру свои демократические убеждения путем отказа в их подписании.

Официальная пресса, не стесняясь, говорит о том, что Федеральное Собрание превратилось в орган беспрекословно исполняющий требования Президента РФ¹⁷. Правозащитники говорят, что в России больше нет парламента¹⁸. Оппозиция называет Государственную думу «лжепарламентом», в котором нет места даже для дискуссий¹⁹. Сегодня проведение законов, разработанных администрацией президента, через Государственную думу, по свидетельству А. Котенкова, «отлажено как часы»²⁰. Даже депутат от «Единой России» С. Говорухин признал: «Как и первые четыре Думы, мы становимся бесполезным институтом»²¹.

В России любят говорить о своей исключительности, об особом пути ее развития. Однако в развитии парламентаризма наша страна столкнулась с теми же проблемами, которые имеются сегодня в большинстве стран Азии и Афри-

14. Сенаторы согласились с назначением губернаторов // *Российская газета*. – М., 2004. – № 273. – С. 9.

15. Кравченко М., Нечиторук М., Еловский Д. Мы, нижеотказавшиеся // *Коммерсантъ*. – М., 2004. – № 139. – С. 3.

16. Чернега Ю. Любовь против насилия // *Коммерсантъ*. – М., 2004. – № 212. – С. 3; Фаризова С. Закон подгонят под указ // *Коммерсантъ*. – М., 2006. – № 31. – С. 1.

17. Кузьмин В. Депутатский сыск // *Российская газета*. – М., 2005. – № 131. – С. 1.

18. Вы бы что расследовали? // *Коммерсантъ*. – М., 2005. – № 105. – С. 3.

19. Фаризова С. Правые отпраздновали альтернативный юбилей Госдумы // *Коммерсантъ*. – М., 2006. – № 76. – С. 3.

20. Владимир Д. Сенаторы ждут указаний президента // *Российская газета*. – М., 2003. – № 71. – С. 3.

21. Дума помянула былое // *Коммерсантъ*. – М., 2006. – № 76. – С. 3.

ки. В 90-е годы XX в., после крушения СССР, многие страны Африки пошли по пути демократических реформ. Там были формально устранены однопартийные системы, но фактически сохраняется господство одной политической группировки, окружающей лидера, а исполнительная власть доминирует над парламентом²². Так же, как в России, политическая либерализация в Африке носит в основном вынужденно-имитационный характер²³.

В чем причина сложившегося положения? Почему в России парламент XXI в. повторяет путь развития парламента начала XX в., и уже во второй раз зачатки парламентаризма оказываются подавленными верховной властью?

* * *

Глубинные причины этих процессов надо искать в социально-экономическом развитии страны. Большинство населения современной России не достигло того уровня развития, которое позволяет сознательно выдвигать политические и правовые идеи, отстаивать их через своих представителей в парламенте. Это большинство проникнуто вождистской идеологией, верит в миф о «герое», который должен спасти народ, «о добром царе и плохих боярах». Все социологические исследования показывают, что большинство избирателей доверяет только президенту и с ним связывает свои надежды на лучшее будущее. Значительная часть россиян не понимает, зачем нужен парламент, если есть президент, зачем нужно разделение властей? Российское общество находится на уровне развития, который Франция пережила в середине XIX в. В 1851 г. во Франции при поддержке большинства населения была восстановлена империя, во главе с Наполеоном III. К. Маркс показал, что социальной опорой империи являются французские крестьяне, которые не могли защищать свои права самостоятельно, с помощью депутатов парламента. Они нуждались в вожде, в хозяине. К. Маркс писал о них: «Они не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем являться их господином, авторитетом, стоящим над ними, неограниченной правительственной властью, защищающей их от других классов и ниспосылающей им свыше дождь и солнечный свет»²⁴. В 1906 г. газета «Русский листок» писала, что большинство русского народа не поддерживают выборы в I Государственную думу, так как не желают отказываться от абсолютной монархии²⁵. Отчасти эта мысль остается справедливой и для дня сегодняшнего. Демократические реформы 90-х годов XX в. произошли

22. *Африка на пороге 21 века.* – М., 2002. – С. 82–84, 88.

23. *Винокуров Ю.Н. Власть и оппозиция в странах Тропической Африки // Восток.* – М., 2000. – № 4. – С. 154.

24. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 8.* – С. 208.

25. *Сто лет Думе // Коммерсантъ – Власть.* – М., 2006. – № 4. – С. 10.

в основном под давлением стран Запада. Как только это давление ослабло, тенденции к авторитаризму взяли верх, и страна стала возвращаться к своим многовековым традициям монархического правления.

Во многих странах появление парламента связывается с революционной активностью масс населения. В соответствии с законами социальной психологии такая активность имеет временный характер и нередко сменяется апатией по мере исчерпания своего потенциала. Как только это происходит и масса перестает поддерживать своих выдвиженцев (избираемых на выборах политиков), государственная бюрократия и глава государства восстанавливают контроль над обществом и подчиняют себе появившийся представительный орган. Две государственные думы выбранные в период общественной активности в России в 1906 и 1907 гг. были самостоятельны и требовали от царя реформ. III Государственная дума, избранная в 1908 г., когда революционная активность в стране упала, была совершенно послушна царю и его правительству. Та же картина наблюдалась в России конца XX – начала XXI в. I, II и III Государственные думы были активны и отстаивали интересы своих избирателей, конфликтуя с Президентом РФ и правительством. IV Дума, избранная в условиях политической апатии населения, попала под полный контроль президента и его администрации.

Переход населения от поддержки возникающего в стране парламента к разочарованию в нем и согласию с восстановлением монархической формы правления в стране является типичным для истории многих стран мира. Именно по такой схеме, например, развивались события в Англии в период революции XVII в.

Большинство населения сначала с воодушевлением восприняли свержение королевской власти и правление Долгого парламента, но затем поддержали его роспуск и установление диктатуры О. Кромвеля, а затем и полную реставрацию абсолютной власти Стюартов, которые допускали существование только послушного им парламента²⁶.

Вместе с усилением политической апатии среди населения в стране постепенно исчезает слой людей, которых можно называть политиками²⁷, т.е. тех, чей авторитет зависит от поддержки этого населения. Депутаты Государственной думы превращаются в обычных государственных чиновников, номенклатуру администрации президента, которая доверила им должность. От администрации

26. *Всемирная история: Эпоха английской революции*. – М.: АСТ, Минск, Харвест, 2001. – С. 145–174.

27. *Денисов С.А. Исчезновение социального слоя политиков в современной России // Тезисы докладов I Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения 2004: Российское общество и вызовы глобализации»*. – М.: Альфа-М, 2005. Т. 2. – С. 98–101.

президента, а не от избирателей зависит, будут ли они включены в список кандидатов в депутаты от «Единой России» или нет. Такое соединение групп политиков и бюрократии типично для стран Востока²⁸.

Многие люди, активно участвовавшие в политической жизни 90-х годов XX в., на собственном опыте убедились, что они не обладают политической самостоятельностью и опытом, что ими легко манипулируют и результат их деятельности оказывается совершенно не тем, который они ожидали. Поэтому в 2003 г. они решили положиться на президента страны, который предложил им поддержать на выборах «Единую Россию». Доверяя президенту, они отдали свои голоса за эту организацию. Они как бы отказались от реализации своей суверенной власти и с удовольствием сняли с себя ответственность за результаты своего выбора, переложив ее на президента. Население стран, где веками существовало патерналистское административное государство, не любит брать на себя ответственность принятия решений.

Важной причиной пассивности избирателей в России начала XXI в. стала экономическая ситуация. Рост доходов страны от продажи сырья на мировом рынке позволил отодвинуть на какой-то срок необходимость реформ в стране. Благополучие людей стало расти без их участия в политической жизни, без выдвижения своих представителей в парламент. С другой стороны, государственная бюрократия, получив в свое распоряжение огромные финансовые ресурсы, имеет возможность частично восстановить патерналистские отношения и веру части населения в то, что без его активного участия в политике можно добиться экономического процветания.

Во всех странах мира парламент возникал вместе с усилением в обществе класса предпринимателей. Не надо забывать, что Россия сделала только первый шаг к легализации предпринимательства и частной собственности. В Англии это произошло еще в первой половине XVII в., во Франции в первой половине XVIII в. В России появились предприниматели, но не сформировался класс предпринимателей. В стране возник государственный или бюрократический капитализм, типичный для стран Востока²⁹. Большинство крупных частных собственников находятся под контролем государственной бюрократии и получают свои сверхприбыли благодаря ее поддержке (ярким примером являются Р. Абрамович, О. Дерипаска)³⁰. Те крупные предприниматели, которые пытались выйти из-под контроля бюрократии, оказались в местах лишения свободы

28. Голубева В.Е. *Государственная бюрократия и политика. Индонезия и Филиппины. 70–80-е годы.* – М.: Наука, 1988. – С. 3.

29. Там же. – С. 6.

30. Бирман А. *Базовый элемент олигархии // Компания.* – М., 2005. – № 31. – С. 4–5.

(М. Ходорковский) или вынуждены были уехать за границу (Б. Березовский, В. Гусинский). В России еще нет свободного рынка, а значит, нет массы свободных предпринимателей. Не опекаемые бюрократией предприниматели еще не организованы, не выработали своей идеологии, за которой могли бы пойти массы избирателей. Пока буржуазия ограничивается захватом местных органов самоуправления и проникновением в региональные представительные органы. Надо иметь в виду, что люди, ставшие частными собственниками в ходе российской приватизации, не могут вызывать уважение у населения. В этих условиях на прошедших в декабре 2003 г. выборах депутатов Государственной думы инициативу перехватила объединенная государственная бюрократия, возглавляемая президентом. Большинство избирателей, основываясь на вере в «доброе царя», отдали свои голоса объединению центральной, региональной и местной бюрократии в облике партии «Единая Россия», которое обещало верно служить президенту страны.

Сегодня в развитии парламентаризма Россия значительно отстала от стран Восточной Европы, которые ранее также находились в рамках советской системы. После первого этапа буржуазно-демократических преобразований в настроении населения этих стран преобладала ностальгия по государственному патернализму прежнего строя, но отказа от парламентаризма и альтернативных выборов не произошло. Партии сменяют друг друга у руля государственной власти³¹. В ходе реформ конституции этих стран закрепили политический строй, присущий парламентским республикам, где президент не доминирует над парламентом. Значительная часть населения России, попавшая в плен великодержавных амбиций, наоборот, не восприняла европейские ценности, склонна винить в своих бедах врагов и объединяться в борьбе с ними вокруг вождя, подчиняющего себе все органы власти. Большинство населения страны поддержали закрепление в Конституции РФ 1993 г. президентской республики. Как и в ряде стран Азии³² демократия для российского человека остается «импортной идеей».

* * *

Конечно, президент и его администрация получили контроль над Федеральным Собранием в нелегкой борьбе. Самой большой трудностью было объединение расколовшейся в последние десятилетия государственной бюрократии в единый, монолитный класс. Те изменения, которые произошли в России в последние десятилетия, были связаны с противоречиями внутри класса госу-

31. Демократизация и парламентаризм в Восточной Европе. – М., 2003.

32. Плешков А.В. Пакистан: ислам как доминанта в политической культуре // Восток. – М., 2003. – № 3. – С. 57.

дарственной бюрократии, который правит Россией уже несколько столетий. В период перестройки началась борьба за власть и материальные блага между бюрократией советских органов, хозяйственной бюрократией и бюрократией КПСС. Страна буквально раскололась на части в результате дележа власти между бюрократией Союза и республик. В условиях государственного контроля над общественными благами, тот, кто захватывал какую-то должность, тот и приобретал в свои руки материальные ресурсы. Если в странах капитала действует принцип «кто имеет – тот и правит», то в России и других странах с административной социальной системой³³, наоборот: «кто правит – тот и имеет». Каждый крупный чиновник создал свой клан, в который входили опекаемые предприниматели. Бюрократия отдельных регионов даже создала свои партии и движения.

За короткий срок администрации президента РФ удалось объединить под своей эгидой бюрократию регионов и мест, убедив ее в том, что борьба с федеральным центром чревата еще более худшими последствиями. Конечно, помогли огромные финансовые средства, которые центр получил от продажи сырьевых ресурсов за рубеж и от предприятий, находящихся под государственным контролем. В результате умелой бюджетной политики регионы были лишены финансовых средств, собираемых на их территории в виде налогов. Большая часть этих денег стала уходить в федеральный бюджет. Руководство регионов было поставлено в финансовую зависимость от центральных органов власти. Администрация президента проводила политику подобную той, что проводили большевики в отношении крестьян. Она опиралась на поддержку бедных регионов, которых в России большинство. Вместе им удалось «раскулачить» небольшое число регионов-«доноров», заставить их отдать свои финансовые средства в центр, который делил все полученное между бедными регионами страны. В результате удалось подчинить региональных «баронов» центральной бюрократии.

На этой финансовой базе администрации президента удалось создать политическое объединение бюрократии в форме квази-партии «Единая Россия». Это объединение не является партией ни по своему составу, ни по целям, ни по средствам, используемым в его деятельности, так же как не являлись партиями КПСС и политические организации государственной бюрократии во многих развивающихся странах Азии и Африки. По существу это признают и сами руководители ЕР, даже именуя себя партией: «Единая Россия» – это партия президента». «Мы все – члены его команды»³⁴. Таким образом, мы получили

33. Денисов С.А. *Административизация правовой системы*. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2005.

34. «Наш моральный лидер – президент» // *Коммерсантъ – Власть*. – М., 2005. – № 23. – С. 32–33.

Государственную думу, представляющую не население, а президента и государственную бюрократию страны. Государственная дума превратилась в «государеву думу». Удалось восстановить старую советскую систему, при которой все государственные вопросы решаются в узком кругу высшей бюрократии, а представительный орган лишь оформляет их в виде законов, создавая видимость демократии в стране.

Сформировать послушный президенту РФ состав Государственной думы позволяют выборы, организуемые в рамках реализации доктрины управляемой демократии. Этот феномен не нов. В Индонезии в конце 50-х начале 60-х годов президент Сукарно для прикрытия своей диктатуры использовал термин «направляемая демократия»³⁵. Определяющим фактором в проведении выборов в стране в последнее время, как считает директор Центра политических технологий И. Бунин, является использование административного ресурса³⁶. «Многопартийные выборы контролируются, искажаются и даже фальсифицируются правящими режимами; демократически избранные режимы проявляют стойкую тенденцию управлять теми же методами, что и предшествовавшие однопартийные режимы; в новых режимах, как и в прежних, ограничивается деятельность политической оппозиции»³⁷. Все это, сказанное о странах Африки конца 90-х годов XX в., можно было бы отнести и к современной России.

Борьба объединенной бюрократии страны с оппозицией была нелегкой. В первых, ее постарались лишить финансовой базы. Законодательство требует от участников выборов раскрыть информацию об источниках их финансирования. Правоохранительные органы государства, выполняя репрессивные функции, преследуют предпринимателей, которые финансируют оппозицию. Ставший уже хрестоматийным пример – показательная «порка», которой была подвергнута компания ЮКОС, финансировавшая как левую, так и правую оппозицию³⁸, осуждение М. Ходорковского.

Исследователи подчеркивают, что решающее значение для формирования послушной Думы и распространения в стране идей вождизма и патернализма, создания «культы личности» президента имело лишение оппозиции медийных ресурсов. Администрация президента с помощью подконтрольной прокуратуры и судов отняла у независимых олигархов основные телеканалы. Большая часть

35. *История государства и права зарубежных стран. Часть 2. Учебник для вузов.* – М., 1999. – С. 506.

36. *Вам выборных технологий хватает? // Коммерсантъ.* – М., 2004. – № 105. – С. 3.

37. *Африка на пороге 21 века.* – М., 2002. – С. 87.

38. *Выжutowич В. Обыкновенный лоббизм // Российская газета.* – М., 2003. – № 76. – С. 3.

средств массовой информации в регионах давно были превращены региональной бюрократией в их пропагандистские органы³⁹.

Государственная бюрократия в последние годы вела активную борьбу с самоорганизацией избирателей. Через избирательное законодательство она постаралась отстранить избирателей от активного участия в агитационной кампании. Им запрещено за счет своих средств выступать в поддержку тех или иных кандидатов в депутаты. Это могут делать только сами кандидаты за счет своих избирательных фондов. Гражданам отводится роль пассивных наблюдателей⁴⁰. От участия в избирательных кампаниях в последние годы были отстранены общественные объединения и движения⁴¹. Сегодня в них разрешается принимать участие только партиям. Но даже им запрещается создавать избирательные блоки⁴². Каждая партия должна выступать сама за себя.

В итоге выборов депутатов в Государственную думу в декабре 2003 г. «Единая Россия» получила в этой палате Федерального Собрания более 300 голосов. Это более двух третей состава Думы, что позволяет объединенной бюрократии во исполнении приказов президента принимать не только федеральные законы, но и федеральные конституционные законы. Вместе с тем оппозиционные фракции в Государственной думе не могут провести через нее никакого решения. Их законодательные инициативы останавливаются уже на уровне комитетов и не попадают даже в планы работы Думы⁴³. Известно, что депутаты I и II Государственной Думы в начале XX в. использовали думскую трибуну для доведения своего мнения до населения⁴⁴. Сегодня, когда основные средства массовой информации находятся в руках объединенной государственной бюрократии, у оппозиции нет даже этой возможности. Кроме того, в Думе нет ни одной фракции демократических партий. Последние вообще не преодолели проходного пятипроцентного барьера (сегодня этот барьер подняли до 7%)⁴⁵. В

39. *Права человека в регионах Российской Федерации. Сборник докладов.* – М., 2003. – С. 15–17.

40. *Собрание законодательства РФ.* – М., 2002. – № 24. – Ст. 2253; № 39. – Ст. 3642.

41. ФЗ «О внесении изменений в ст. 36 ФЗ “О политических партиях” и изменений и дополнений в ФЗ “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ”» // СЗ РФ. – М., 2003. – № 26. – Ст. 2574.

42. ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ» от 11 мая 2005 г. // *Российская газета.* – М., 2005. 24 мая.

43. Карпова О., Кирюхина Ю., Фокина Е. *Подайте депутату 4 Государственной Думы // Русский фокус.* – М., 2004. 2–8 февраля. – С. 38–39; Фаризова С. «Единая Россия» отказала оппозиции в равенстве прав // *Коммерсантъ.* – М., 2005. – № 89. – С. 2.

44. *Русский конституционализм в период думской монархии: Сб. документов.* – М.: Гардарики, 2003. – С. 10.

45. Ч. 7 ст. 82 ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ» // СЗ РФ. – М., 2005. – № 21. – Ст. 1919.

Думе существует только левая оппозиция, также имеющая авторитарную ориентацию. Демократия ей нужна, как в свое время большевикам, для борьбы за власть. Но стратегически эта оппозиция поддерживает объединенную бюрократию в ее стремлении устранить парламентский строй. То же самое можно сказать об оппозиции националистического толка. Можно сделать вывод, что многопартийная система в России, так же как во многих странах современной Африки, столкнулась с прочными традициями авторитарного правления и слабостью социальной и экономической базы, на стабильности которой обычно покоится демократия⁴⁶. «Конституционные реформы, в соответствии с которыми однопартийные режимы сменились многопартийными, не намного ограничили властные полномочия авторитарных президентов», – отмечают российские исследователи Африки.

Несколько иным путем был сформирован послушный президенту РФ и его администрации состав членов Совета Федерации. Согласно ч. 2 ст. 95 Конституции РФ члены Совета Федерации не выбираются напрямую населением регионов, а назначаются от представительного и исполнительного органа государственной власти. В 2000 г. под давлением Президента РФ прямое участие в Совете Федерации глав регионов и глав представительных органов регионов было отменено. В соответствии с Федеральным законом «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания РФ»⁴⁷ одного члена палаты направляет представительный орган региона, другого – глава региона. Подавление финансовой самостоятельности региональной бюрократии привело к тому, что формирование состава Совета Федерации стало предметом закулисного кабинетного торга между администрацией президента и зависимыми от нее региональными элитами. В ходе «подковерной борьбы» администрации президента удалось сформировать достаточно сговорчивый состав этой палаты Федерального Собрания. После того, как президент РФ фактически стал назначать глав регионов⁴⁸, половина членов Совета Федерации оказалась представителями тех, кого он назначил. По сути эта половина представляет не регион, а президента и его подчиненных. Возникшая структура органов власти современной России стала похожа на ту, что была создана в ней царем в 1906 г. Тогда

46. Африка на пороге 21 века. – М., 2002. – С. 86.

47. ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания РФ» от 5 августа 2000 года № 113-ФЗ // СЗ РФ. – М., 2000. – № 32. – Ст. 3336.

48. ФЗ «Об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов Федерации» от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ // СЗ РФ. – М., 1999. № 42. Ст. 5005; 2000. № 31. Ст. 3205; 2002. № 30. Ст. 3024; 2003, № 27, ст. 2709; 2004. № 50. Ст. 4950.

для ограничения власти выбранной населением Государственной думы был создан Государственный Совет, часть членов которого назначалась царем.

В последние годы членов Совета Федерации стараются отдалить от регионов и ввести в палате единоначалие. Для этого в ч. 2 ст. 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации Федерального Собрания РФ и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ»⁴⁹ были приняты поправки, запрещающие регионам отзываться досрочно своих представителей. Вместе с этим, председатель Совета Федерации получил право инициировать отзыв члена палаты регионом. В случае, если регионы осмеливаются направлять в Совет Федерации своего представителя, который не устраивает председателя палаты, тот начинает затягивать признание полномочий этого представителя, вынуждая регион изменить свое решение. Так, Читинская областная дума направила своим представителем в Совет Федерации члена партии Союза правых сил Г. Томчина. Но Совет Федерации отказывался подтвердить его полномочия в течении нескольких месяцев. В итоге облдуме пришлось делегировать в Совет Федерации другого человека, чья кандидатура была согласована с С. Мироновым⁵⁰. В мае 2006 г. председатель палаты начал чистку рядов членов палаты. Он потребовал от четырех регионов отозвать своих представителей в Совете Федерации. Два региона нехотя выполнили требование С. Миронова. Представительные органы двух регионов попытались защитить своих представителей. Против непослушного губернатора Ненецкого автономного округа, который не пожелал оказать должного давления на депутатов представительного органа региона было возбуждено уголовное дело⁵¹. Для работы с членами Совета Федерации президент РФ направил своего опытного представителя А. Котенкова, который известен способностью воздействовать на депутатов Государственной думы⁵². Региональные руководители сетуют, что направленные ими в Совет Федерации представители «не очень-то советуются с субъектами»⁵³.

49. ФЗ «О внесении изменений в ФЗ “О порядке формирования Совета Федерации” и ФЗ “О статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ”» и о признании утратившим силу пункта 12 ст. 1 ФЗ «О внесении изменений и дополнений в ФЗ “О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ”» // Российская газета. – М., 2004. – № 282. – С. 11.

50. Кошеленко П. Амурские депутаты не послушались Совета Федерации // Коммерсантъ. – М., 2006. – № 32. – С. 3.

51. Тирмастэ М.-Л., Ильина О., Почечикин В. Ненецкий порядок // Коммерсантъ. – М., 2006. – № 89. – С. 1, 3.

52. Владимиров Д. Сенаторы ждут указаний президента // Российская газета. – М., 2003. – № 71. – С. 3.

53. Городецкая Н. Советчики власти // Коммерсантъ. – М., 2004. – № 220. – С. 3.

Постепенно в работу палат Федерального Собрания вводятся нормы, направленные на установление единоначалия руководства палатами. Депутаты превращаются в послушных исполнителей воли начальства, от которых требуют беспрекословного подчинения. Как сказал председатель Государственной думы Б. Грызлов, «парламент – не место для дискуссий»⁵⁴. Установлению в Государственной думе почти воинской дисциплины будет способствовать переход на пропорциональную систему выборов депутатов. Депутат, выбранный по партийным спискам, теряет всякую самостоятельность. Он превращается в рядового работника, подчиненного руководителю фракции депутатов Государственной думы. Переходить в другую фракцию депутатам запретили. Такие приемы хорошо работали в Пакистане для закрепления диктатуры Наваза Шарифа⁵⁵.

Из всего вышесказанного напрашивается вывод, что в стране завершился цикл демократических преобразований и она делает попытку вернуться к своей традиционной монархической форме правления. Формирование республиканской формы правления опять стало перспективной задачей будущих поколений, решение которой зависит от возникновения сильного гражданского общества в стране.

54. Фаризова С. *Правые отпраздновали альтернативный юбилей Госдумы // Коммерсантъ*. – М., 2006. – № 76. – С. 3.

55. Плешов О.В. *Пакистан: религия и политика // Восток*. – М., 2000. – № 4. – С. 97.

ТЕРРОР И АНТИТЕРРОР

М.А.Магомедов

ИСТОКИ СОВРЕМЕННОГО МУСУЛЬМАНСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИИ

Магомедов Махач Ахмедович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Дагестанского педагогического университета, заслуженный деятель науки Республики Дагестан.

На современном этапе истории все более очевидно, что мусульманский экстремизм, доходящий до крайних форм терроризма, в возрастающей степени становится все более дестабилизирующим фактором мирового развития. То в одном, то в другом конце мира, в разных по этническому составу странах приходится наблюдать акты террора, вызывающие законную тревогу у людей всех рангов и сословий.

Конечно, на первый взгляд вызывает недоумение вопрос о том, как это религия, связанная с покорностью судьбе и в основе своей призывающая к милосердию, становится знаменем резкого противостояния между народами и ставит мир на грань возможной катастрофы.

Однако это кажется лишь на первый поверхностный взгляд. Для сегодняшних крайних форм активности в мусульманском мире имеются серьезные причины, и они таятся в поведении и действиях самого Запада. Вместе с тем надо иметь смелость признать, что одной из причин была крайне близорукая и безрассудная внешнеполитическая акция советского руководства, связанная с вторжением в Афганистан в декабре 1979 г. оказавшимся роковым для самого СССР. Почему роковым? Да потому, как писал один из зарубежных критиков национальной политики России и СССР, «безудержный голод его до близлежащих территорий должен был рано или поздно привести к тому, что какой-либо кусок мог застрять у него в горле и заставить вырвать все и ранее проглоченное». В этом заявлении был, конечно, оттенок идеологической злости в духе многолетней холодной войны, но, увы, прискорбным для СССР образом, автор оказался прав.

На самом деле, у СССР с Афганистаном всегда были прекрасные добрососедские отношения. Мало того, советская пропаганда, ловко спекулируя на антианглийских чувствах афганцев, связанных с тремя англоафганскими войнами,

всячески создавала контрастную идиллическую картину глубокого уважения СССР к «свободолюбивому и героическому» соседу. И афганцы, в свою очередь, с почтением и уважением относились к северному соседу, который ничего ущербного по отношению к ним никогда ранее не допускал. Это уважение было искренним, несмотря на наличие у них тогда консервативного монархического режима.

Что же заставило брежневское руководство забыть, что афганский народ еще никому не удавалось покорить, и полезть в эту гибельную для себя авантюру? Ответ лежит на поверхности. Правильно говорили еще древние греки: «воистину, когда боги хотят наказать своих рабов, они лишают их ума». Никакими интересами нашей страны не вызывались сначала провозглашение Афганистана республикой в 1973 г., а через пять лет и инспирирование там «демократической» революции. А уж ввод туда в 1979 г. советских войск под надуманным предлогом намечавшейся американской угрозы оказался актом вовсе граничащим с политическим безумием. Надо признать, что если даже такая угроза была бы реальной, зная афганцев, можно было быть уверенным, что та ненависть, которую они обрушили на советских солдат, могла бы обернуться как раз против американцев. Но «мудрые» советские политики, бывшие в плену макарнагульновских бредовых идей «мировой революции», этого не поняли в конечном итоге потерпели фиаско, да еще какое.

И главное, афганцы, как соседи СССР в Центральной Азии, не могли не быть осведомлены о воинственно-атеистическом, а следовательно и антиисламском характере советской политики, и стали видеть свой священный долг в «защите ислама от кяфиров». Причем при современных чрезвычайно развитых информационных коммуникациях весь мусульманский мир хорошо понимал, что делается в Афганистане, и стал прямо или косвенно помогать братьям по вере.

Более того, советским руководством был упущен очень важный фактор приграничной близости к Афганистану проамерикански настроенного мусульманского Пакистана. Любой мало-мальски мыслящий политолог мог бы предсказать его непременное скорое превращение в плацдарм сосредоточения всех антисоветских сил (как оно на самом деле и получилось). Но политология тогда в СССР была не в моде, а монополия на всякий политический прогноз принадлежала только узкому кругу из брежневского окружения. Предугадать все, что вскоре естественным образом произошло вплоть до возникновения движения «Талибан» ему, конечно же, дано не было.

Нужно отметить, что грубую ошибку позже сделали и американцы, стремившиеся заменить СССР везде, где им удавалось его вытеснить. Они легкомысленно взяли на себя эстафету борьбы с талибами, и неприязнь афганцев обрушилась уже на них.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Надо понимать, что фанатичным мусульманам нет дела до разделявших в прошлом СССР и США идеологических и политических противоречий. Они в тех и других видят «неверных», врагов и как могут борются против них. Россия ушла, а американцы остались, отсюда и ненависть к ним бен Ладена и всех тех, кто ударился в терроризм.

Следующая глупость, сотворенная американцами – это вторжение в Ирак. Разумеется, никто не давал им право насаждать везде, где они считают нужным, демократию именно в американском видении, да и мусульманский мир с его менталитетом и вековыми традициями не Америка и не готов к тому, чтобы беспрекословно принимать американские ценности. Кроме того, он не обязан на все события смотреть через призму американских нефтяных интересов.

Таким образом, США, сами того не подозревая, наступили на мусульманский пчелиный рой и теперь имеют «удовольствие» вертеться под «жалами» растревоженных ими пчел.

Свой вклад в эскалацию экстремизма внесла и чеченская война, которая привлекла на Кавказ со всех сторон многочисленных мнимых и добросовестно заблуждающихся «защитников» ислама. Дело в том, что за годы социализма во многих мусульманских странах смотрели на советских мусульман с жалостью и сочувствием. Сведения об их положении приходили за рубеж в гипертрофированном и подправленном идеологическими противниками виде. Да и коммунистическая система сама тоже болезненно воспринимала любую религию (то есть нельзя сказать, что она была особо настроена антиисламски). После перестройки, когда в России была допущена подлинная свобода совести, многие радетели ислама за рубежом сочли своим долгом приехать и учить своих братьев по вере, долго находившихся в мусульманском вакууме, вне связи с единоверцами. Вот откуда поток многочисленных учителей и ваххабитского, и иного толка, хлынувший в начале перестройки в Россию. Хотя в традиционно благополучных исламских странах их не принимали и давали им от ворот поворот. В разгар же чеченской войны многие недоброжелатели России, даже те, которые не симпатизировали исламу, всячески способствовали их проникновению сюда с тем, чтобы осложнить положение России.

Обострение экстремизма в условиях войны дело обычное. Тому наглядный пример – первая Кавказская война XIX в. Как известно, горцы Дагестана в первой четверти века боролись разрозненно, без идеологического руля и ветрил, а со временем сама война вызвала к жизни мюридизм как одну из крайностей оказавшегося в опасности ислама. Вот что писал об этом непосредственный участник войны, начальник штаба Кавказской армии Ростислав Фадеев: «Увлеченные фанатизмом, горцы не думали о завтрашнем дне и без вздоха покидали отцовский дом и маленьких детей, чтобы пойти резаться с русскими... Этот разгар неистового фанатизма начал потом остывать, но в продолже-

ние 15 лет кавказская земля буквально горела под русскими ногами. Мюридизм, как дикий зверь, грыз свою клетку, стараясь вырваться на волю. Если бы русская сила не обхватила его железным поясом, можно быть уверенным, что он разлился бы по мусульманской Азии неудержимым потоком и теперь стремился бы к осуществлению второго мусульманского халифата»¹.

Таким образом, крайности мюридизма были связаны с многолетней войной за свободу и независимость и необходимостью защиты края и веры от наступавших иноверцев. Сам по себе тарикат в любом его проявлении, точнее, как в накшебандийском, так и в кадирийском вариантах, базируется на мирных законах шариата и призывает лишь к беззаветному служению Аллаху. Крайности, как правило, диктуются законами войны. Сегодняшней же разновидности фанатизма, а именно ваххабизму, кстати, тоже порожденному еще в XVIII в. англичанами, «грызть клетку и рваться на мировой простор» легче. Во-первых, коммуникации между народами чрезвычайно развиты и многочисленны, и народы ислама сегодня более тесно связаны между собой. Во-вторых, реальных сил, наносящих ощутимые обиды мусульманам, тоже немало. Прежде всего укажем на американское вторжение в Ирак, попытку США внедриться в Афганистан и диктовать свою волю Ирану, которые вызывают негодование у мусульманских народов и ответную реакцию фанатиков-террористов.

Очень важно понять, что ваххабизм, на протяжении более чем двух веков являющийся главным направлением исповедующегося в Саудовской Аравии ислама, никоим образом не был синонимом и вдохновителем мусульманского терроризма, каким он рисуется в наши дни. Значит, одним из путей борьбы против терроризма является уважение ко всем народам и признание известного горского правила «каждый под своей папайхой мужчина». Короче, дайте исламу мир и спокойствие, не тревожа его во имя насаждения чуждой ему западной демократии и защиты нефтяных интересов западных монополий, и он, уравновешенный и уважаемый, посвятит себя добру и служению Великому Аллаху и ни в каких видах, ни в виде ваххабизма, ни в виде мюридизма, не будет иметь никакого отношения к экстремизму. В этом можно быть уверенным.

Правда есть еще одна специфическая причина появления в мусульманских регионах бывшего СССР крайних форм ислама, значительно осложняющих и без того сложную жизнь постсоветского периода. Дело в том, что казавшаяся небезуспешной попытка коммунистов насильственно искоренить религию из жизни советского общества привела, наоборот, к еще более сильному естественному качку маятника в другую сторону в условиях крутой переоценки ценностей в постсоветский период.

1. Фадеев Р. 60 лет Кавказской войны. – Тифлис, 1860. – С. 36–37.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Тут можно привести пример Дагестана, который относился к регионам, где в критические моменты истории религиозный фактор всегда становился одним из ключевых. Возьмем, к примеру, его роль в долгой эпопее национально-освободительной борьбы горцев под руководством имамов в XIX в. Решающим он был и в кровопролитном восстании горцев 1877 г., и в так называемом писарском движении 1913 г., связанном с безуспешной попыткой царской администрации перевести деловое письмописание в Дагестане на кириллицу. В событиях революции и Гражданской войны 1917–1920 гг. он также был ключевым. Как бы то ни было во всех противостояниях в том или ином плане участвовало мусульманское духовенство.

Характеризуя ситуацию в Дагестане в первые годы Советской власти, бывший секретарь обкома партии, репрессированный в 1937 г. Нажмуддин Самурский, писал о наличии здесь 40-тысячного мусульманского духовенства, что составляло 4% населения. Для сравнения он говорит об одной десятой процента православного духовенства в России «Все эти шейхи, имамы, алимы, муталимы, неизбежно встречавшиеся в каждом ауле, люди высокого арабского образования, изучившие до глубины старую арабскую культуру, науки и философию и постигшие все тонкости магометанской религии. Многие из них являлись знаменитыми на весь мусульманский мир арабистами, до революции к ним съезжались со всех восточных окраин СССР и даже из Турции и Персии тысячи учеников»².

«Собственно, со стороны духовной интеллигенции нет борьбы против советской власти, как носительницы коммунизма, – продолжал он, – наоборот мюридизм, в последнее время заметно распространяющийся в Дагестане, охотно подделывается под коммунизм, но коммунизм религиозный, аскетический, первобытный...»³.

Однако, желая вытравить ислам из сознания народа, советские власти насильственными методами (через тюрьмы, ссылки на Север, а то и прямой расстрел) ликвидировали плеяду блестящих дагестанских алимов (ученых). Коммунистам казалось, что если этой питательной среды не будет, народ быстро отвернется от религии и забудет ее. Глубоко невежественные, далекие от понимания психологии верующих масс, апологеты твердолобого атеизма не осознали, что деятельность подлинных ученых любого мировоззрения способствует мягкости, терпимости, обходительности и гибкости во взаимоотношениях между людьми; что в решении тех бесспорно положительных задач, которые коммунисты ставили перед собой в формировании нового человека, умные алимы

2. Самурский П. Дагестан. – М.Л. 1925. С. 130.

3. Там же. С. 131.

могли бы оказаться весьма полезными. И поскольку религия, как это сегодня стало очевидным, относится к непреходящим, вечным категориям духовной жизни и культуры человека, ясно, что он будет всеми силами тянуться к ней. (Сказанное подтверждается тем, с какой скоростью религия заняла свое старое место, и быстро, как по мановению волшебной палочки, восстановилось прежнее дореволюционное количество мечетей в том же Дагестане, а коммунистическая идеология, вдалбливавшаяся в сознание народа, рухнула как наложенные друг на друга без раствора круглые необработанные камни.) Ученых советская власть уничтожила, а сохранившаяся религия оказалась на попечении и в руках невежественных людей, которые имели лишь отдаленные представления о ее запретах и поверхностных обрядах.

В некоторые похоронные и прочие обряды были внесены даже элементы, граничащие с язычеством. Нет сомнения, что мудрые и глубоко образованные алимь сами нашли бы способы сотрудничества с властями и сохранения ислама во всем богатстве его бытования и проявления. Коммунисты совершили фатальную ошибку, воспитав безыдейных, беспринципных адептов, не пошевеливших и пальцем, когда пришел конец самой советской власти. Ислам же можно было конструктивно использовать. Если бы советская власть дала возможность работать некоторым из лучших умов Дагестана, благородным и глубоко образованным личностям, как иные шейхи, она много выиграла бы в деле воспитания своих граждан.

Казавшаяся небезуспешная попытка коммунистов насильственно искоренить религию из жизни советского общества привела, как уже говорилось выше, к еще более сильному естественному качку маятника в другую сторону в постсоветский период. В Дагестане бурный процесс возрождения ислама оказался связанным с целым рядом острых, граничащих с конфликтами, ситуаций.

В первую очередь прорвалась наружу подспудно тлевшая обида дагестанцев на назначение руководством республики председателем ДУМСКа (Духовное Управление Мусульман Северного Кавказа) балкарца Махмуда Геккиева, Дагестан, который исторически обоснованно считал себя в исламском плане духовным лидером всего Северного Кавказа и который, хотя и не в прежнем количестве, по традиции располагал еще более или менее подготовленными духовными кадрами, был оскорблен подбором «чужака» на эту почетную должность. Конечно, отчасти духовенство Дагестана было право. Да это и понятно, при подборе кандидатуры на такое ответственное место компетентные партийно-государственные органы в то время руководствовались соображениями совершенно иного порядка. Поэтому с началом горбачёвской перестройки стали раздаваться голоса о недостаточной компетентности, коррупции и сотрудничестве с КГБ муфтия Геккиева. В мае 1989 г. последний был смещен и на его место назначили уже дагестанца. В январе 1990 г. Дагестан уже полностью отпочковывается

от ДУМСКа и на первом съезде своих мусульман создает отдельное самостоятельное Духовное управление (ДУМД).

Этот же период характеризуется заметным ростом влияния в Дагестане традиционного здесь тарикатизма (почитания различного толка суфийских шейхов). Дело в том, что в годы коммунистического давления на ислам подлинными тарикатскими объединениями вокруг отдельных шейхов являлись серьезным фактором сохранения религии. Традиционным для Дагестана был накшебандийский тарикат, объединявший горцев на многолетнюю национально-освободительную борьбу в XIX в. в эпоху Шамиля. В постсоветское время сильное влияние приобрели последователь умершего в 1918 г. Шазилийского шейха Сайфулла-Кади Ницовкринского, Саид-Апанди Чиркейский, а также шейхи Бадруддин Ботлихский, Арсланали Гамзатов и Абдулвахид Карамахинский. Пользующийся непререкаемым авторитетом среди большинства верующих, Саид-Апанди имеет особенно большое влияние на ДУМД. Последний является человеком крайне умным и лояльным в отношении светских властей. Разумеется, поскольку и когда те не вмешиваются в дела религиозные и не вызывают напряжение между верующими.

Здесь же кроется и причина проникновения в Дагестан ваххабизма в постсоветское время. Власти в свое время ликвидировали здесь 1500 примечетских школ с 45 тыс. учеников, разрушив традиционную сеть исламского образования, и оторванный долгое время от исламского образования Дагестан стали обучать извне, особенно из Саудовской Аравии, где традиционно сильно влияние ваххабизма. Оттуда шла литература, финансировалось ее издание в самом Дагестане, там обучалась дагестанская молодежь.

Кроме того, проникновению ваххабитских взглядов, связанных с критикой традиционного ислама, способствовал отрицательный настрой дагестанской молодежи, недовольной сотрудничеством официального духовенства с коррумпированными с их точки зрения властями. Свидетельством этого является, например, появление симпатий к ваххабизму в традиционно индифферентном к религии южно-дагестанском лезгинском районе (Белиджи).

В республике сложилось несколько центров ваххабизма. Наиболее радикальными из них были: во-первых, «Исламский Джамаат Дагестана» во главе с Багауддином Магомедовым в Кировауле, Кизил-Юртовского района; во-вторых, джамаат в селении Карамахи, объявившем себя «независимой исламской территорией»; в-третьих, джамаат в селении Кудали во главе с придерживающимся более умеренных и взвешенных взглядов Ахмад Кади Ахтаевым.

На первых порах ваххабиты воздерживались от активной борьбы против дагестанских властей, ограничиваясь их словесной критикой и попытками легализовать свою деятельность. До 1997 г. активных сдерживающих действий против ваххабизма не предпринимали и власти, хотя принципиальное протарикат-

ское духовенство подталкивало их на это. Однако напряженность между властями и ваххабитами постепенно возрастала. В мае 1997 г. в Карамахи произошло первое столкновение между сторонниками и противниками ваххабизма, в результате которого были убитые и раненые. Власти вынуждены были послать в районы значительные силы милиции и ОМОНа. В декабре того же года хаттабовцы напали на воинскую часть в Буйнакске, после чего власти предприняли ряд активных шагов, а Народное Собрание утвердило закон о свободе совести, носивший в значительной мере антиваххабитский характер. Вскоре многие активные ваххабиты во главе с Багаудином переехали в Чечню и объявили себя в состоянии войны с «пророссийскими» властями Дагестана. В мае 1998 г. в Карамахи ваххабиты захватили отделение милиции. После ряда стычек между противниками было достигнуто соглашение о мирном урегулировании, но с этого времени вся Кадарская зона⁴ перешла под контроль ваххабитов. Власти долго проявляли терпение, да и единства во взглядах на происходящее не было.

Вот так обстояли дела до второй чеченской войны, а затем до вторжения ваххабитов в Дагестан в августе 1999 г. Последующий ход событий известен очень хорошо.

Хотелось бы подчеркнуть, что в целом, мусульмане Дагестана придерживаются довольно ортодоксальных и лояльных взглядов на ислам и на все экстремистские отклонения от него смотрели и смотрят критически. Беда, к сожалению, коренится в причинах социального порядка, зависящих от хода дел в России и в мире в целом. Не исключается, что и у движения скинхедов, и у ваххабизма аналогичные социальные и психоментальные корни. В таком случае болезнь может быть вылечена по мере преодоления Россией тех негативных явлений, которые, к сожалению, сегодня еще встречаются в изобилии.

4. Небольшой район сравнительно недалеко от города Буйнакск с аулами Кадар и его выселками Карамахи и Чабанмахи.

В.В.Агаджанов

ТЕРРОР И АНТИТЕРРОР В PR-ПРОСТРАНСТВЕ: СВОЯ ВИРТУАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ?

Агаджанов Владимир Владимирович –
старший научный сотрудник
Волго-Вятской академии
государственной службы
(Нижний Новгород).

Спектакль терроризма требует зрелищного терроризма...

Жан Бодрийяр

Российская череда громких террористических потрясений последних лет, сильно поколебав общепринятое мнение об 11 сентября 2001 г. как о террористическом пике, дала дополнительное основание говорить о катастрофогенности терроризма. Однако выдвигать пессимистическую версию его эсхатологического пришествия нам кажется не вполне корректным: внимательный, сугубо обществоведческий взгляд на анализируемые события позволяет несколько усомниться в столь мрачном их объяснении и склониться к гипотезе радикальной трансформации «классического» терроризма в нечто *Иное* – Иное, детерминированное кардинальными процессами, которые всюду разворачиваются в сфере общественного (вернее, массового) сознания XXI в.

В настоящей статье мы попытаемся описать *коммуникационный аспект терроризма*: поскольку бытие современного человека все более виртуализируется вследствие виртуализации средствами массовой коммуникации всего социума (что, в частности, помогает им управлять), важной составной частью данного процесса становится терроризм, в том числе и как транслируемая, мультиплицируемая СМК виртуальность, как максимально эффективная фикция менеджмента, позволяющая задействовать мифологический «пласт» ментальности в ее качественно ином состоянии¹. При этом необходимо сделать две важные оговорки: во-первых, мы абстрагируемся от сугубо юридических дефиниций терроризма; во-вторых, нами не ставится под сомнение социально-деструктивный (не только преступный, но и однозначно аморальный) характер всех без исключения террористических проявлений.

Разумеется, приоритет в интерпретации современного терроризма как терроризма *нового* не принадлежит нам², однако данная новизна повсеместно описывается трояко: как смена объекта непосредственной террористической атаки (от персонального носителя концентрированной власти к аморфно-безвластному населению), как скачок в технологической оснащенности субъектов терроризма (финансы, мобильность, связь и средства поражения) и как сетевой принцип организации последних. Вместе с тем представляется непродуктивным обсуждать терроризм, игнорируя «кривую призму исключительного суперреализма нашего бытия» (Ж. Бодрийяр), бытия масс-медийного вакуума, насыщенного фактами, изъятыми, вырванными из социального контекста и начавшими свою самостоятельную, наблюдаемую издалека TV-жизнь. Причем порой фактами не реальными, не воображаемыми и даже не юридическими, а массово-коммуникационными – *МК-фактами*, что позволяет произвольно придавать запредельно максимальную, резонансную амплитуду информационно ничтожным событиям³.

Сущность «классического» терроризма, традиционно определяемого в категориях политической борьбы («вопроса о власти»), состоит в системном применении негосударственным субъектом физического принуждения (насилия) или угрозы его применения, которое, будучи прямо не связанным с «каноническими» военными действиями, имеет целью демонстрационно, морально-психологически воздействовать на государственные и общественные институты⁴. Поэтому в террористической деятельности (которая фактически является видом психологической войны в ее марксистской интерпретации⁵) устанавливаются промежуточный (непосредственная и обязательно ритуальная жертва) и отдаленный, истинный объект террора, радикальное влияние на который и является конечной и подлинной его целью⁶. Поскольку атака на первый объект является лишь средством деморализации политических (социальных, этнических, военных и т.п.) оппонентов, терроризм носит *неупорядоченный, неограниченный и тотальный* характер – он может быть направлен на любого социального агента, в том числе в близкой культурной среде, при соблюдении главного условия – жертва (или жертва+палач) должна соответствовать стереотипам массовой коммуникации, быть *коммуникационногеничной*⁷.

Действительно, если террористы черпают силу во внимании к ним общественного мнения, если их «Wunderwaffen», – тот шумный резонанс, который вызывается в массовом сознании их активностью, то они обретают воистину безграничные возможности влияния на последнее с появлением и развитием СМК, особенно в их масс-медийном, электронном виде (TV и Internet)⁸. И если терроризм проник повсюду словно вирус, следуя тенью за системой господства социального⁹, самые благоприятные условия для его существования и размножения – именно в *сети*, причем в сети не только реальной, но и виртуальной: «С появлением глобальной информационной сети террор становится

способом перераспределения коммуникативных потоков, а террористический акт – информационным событием, способным изменить мир в том виде, в каком мы его принимаем из рук всемирных информационных агентств»¹⁰.

Часть исследователей даже склонна связывать жесткой положительной корреляцией эффективность террористической активности и информационную активность СМК: дескать, терроризм, виртуальный сам по себе, актуализируется *электронным резонансом* в сознании аудитории («Нет терроризма без его освещения в масс-медиа») ¹¹. Ведь в современную эпоху, эпоху пропаганды и массовых коммуникаций, дилемма «Быть или казаться?», господствовавшая в эпоху Modernity, все более сводится к выбору «Казаться, а не быть!». Если действительный мир находится вне эмпирической «досягаемости» человека, реальность СМК может стать главным (и даже единственным) его миром. При этом глядящий в МК-зеркало *Homo Sapiens* совершенно незаметно для себя самого превращается в *Homo Visualis*¹², исподволь делая терроризм «зеркалом» социального бытия (или, по Ж. Бодрийяру, «трансполитическим зеркалом Зла» – пусть несколько и кривоватым, но зато с мощным коллективно-бессознательным «усилителем»); терроризм начинает выступать как радикальное средство общения с реальностью. В данных условиях тотальный обман, поднявшись до абсолютности, обращает подавляющее большинство людей в *зрителей* и подвигает их действовать по законам *сцены*, на которой главный критерий успеха – эффективность и эффектность *кажмости*, и на этом поприще вне всякой конкуренции – жанр *шоу*¹³.

Так, обрушение в прямом эфире нью-йоркских башен-близнецов вызвало у искушенных общемировых телезрителей ощущение просмотра очередного и, в общем-то, уже виденного много раз фильма-катастрофы (автор данных строк, оказавшись TV-наблюдателем исторической самолетной атаки на ВТЦ, не стал исключением), а боевики М. Бараева, незвано появившиеся на сцене театрального центра на Дубровке, были посчитаны московской публикой за оригинальную находку режиссера-постановщика мюзикла – Театр и Жизнь так микшированы в сознании совокупного зрителя-реципиента, что реальность с превеликим трудом продирается через пелену ирреальности. К тому же мнение различных групп населения в странах мира о террористах и об их конкретной террористической деятельности не однозначно, а представляет собой сложный комплекс ненависти, восхищения, отчаяния, надежды и страха¹⁴.

В этой связи возникают логичные вопросы – так ли неупорядочен и неограничен терроризм, каким он упорно старается казаться? Ведь достаточно жесткие шоу-законы предъявляют к шоу-участникам вполне четкие требования, не «вписаться» в которые – значит поставить зрелищный высокорентабельный проект на грань провала; и современный терроризм демонстрирует поразительную упорядоченность своих атак в пространстве, во времени и по кругу объектов. Ведь

вопреки существованию тотальной, вездесущей и разнообразной несправедливости, что, по мнению многих экспертов¹⁵, обязательно должно увеличивать террористическую активность, последняя в целом держится в чрезвычайно узких рамках¹⁶, поддерживая требуемую зрелищность на минимально-достаточном уровне. К тому же по какой-то причине субъекты террора принципиально ограничивают географию своей деятельности, притом, что наличествуют иные места и объекты, где ущерб может быть гораздо значительнее. И весьма существенный вопрос: действительно ли СМК – мультипликатор терроризма, а его главное оружие – телекамера?¹⁷

И раньше терроризм проявлялся не только в виде политических убийств, но как системный феномен: как правило, он имел место в «национально-освободительной борьбе», когда оккупант, угнетатель уничтожался не на поле боя, а везде, где он попадал под горячую руку народным мстителям; классические примеры подобного – деятельность *зелотов*, *сикариев* и т.п.¹⁸). Естественно, потерпевшая сторона такие факты трактовала как сугубо уголовные и в ответ применяла соответствующие репрессии. Хотя СМК тогда не существовали, но частично их функции выполняли неформальные каналы коммуникации: необходимая (оперативно значимая) информация достаточно быстро доходила до своих адресатов (в первую очередь до реальных или потенциальных пособников оккупантов) и заставляла их вносить требуемые коррективы в свое поведение, а всем остальным (сочувствующим идеям Освобождения) показывала реальную возможность эффективной борьбы с ненавистным врагом и его уязвимость. И даже сейчас в тех географических местностях, где из-за слабости общей инфраструктуры и низкой представленности СМК (вследствие организационно-технических причин) отсутствуют возможности для электронной публицити (самый близкий нам пример – территория Чечни и ее окрестностей), теракты, тем не менее, там активно используются, поскольку и местное население, и объекты террористических атак неизбежно узнают об их осуществлении (неважно, результативном или нет).

Вероятно, кардинальное отличие современной ситуации от предшествующих эпох существования активного террора состоит в реализации его новой ипостаси – **PR-функции**. *Public Relations* – особая разновидность пропаганды, пока не нашедшая адекватного русскоязычного термина и поэтому повсеместно используемая в английской транскрипции (наиболее внятно она обозначается как управленческая функция по установлению и поддержанию взаимовыгодных отношений между организацией и общественностью, от настроений и мнений которой зависит успех или неудача этой организации)¹⁹. В этой связи нам представляется, что PR – совокупность (пока еще бессистемная) коммуникационных приемов и методов, направленных на убеждение как масс («общественного мнения»), так и отдельного индивида в том, что *частный* по своей

сути *интерес* ее субъекта (инициатора) на самом-то деле является *общим (личным) интересом*²⁰. Тем самым PR, в отличие от плоской, работающей только «сверху» «вниз» пропаганды придает коммуникации объемность, вводя в качестве своей основной зависимости воздействие «снизу» и тем самым повышая роль обратной связи, резко увеличивая эффективность своего воздействия²¹.

Подобная пертурбация вызвана появлением не только формально свободного, но и реально эмансипированного реципиента, на которого «старые» способы управления уже не воздействуют. Ведь объективное условие эффективности рыночной системы хозяйствования – наличие мобильной рабочей силы, категориально воплощенной в эмансипированной *личности* (потенциальном наемном работнике) и юридически и фактически освобожденной от *любой привязанности, от любых обязательств* перед кем бы то ни было с тем, чтобы в любой момент она, эта идеальная рабочая сила, могла быть задействована на требуемом экономическом участке в интересах свободно движущегося капитала. Безо всякого сомнения, элементы мифотворчества с последующим манипулированием при этом не только присутствуют, но и зачастую являются доминирующими: ведь главная задача частного интереса – обязательно реализоваться.

Сила мифа в том, что он, воздействуя на внеличностные структуры сознания, подключает человека к коллективному бессознательному, вследствие чего тот «исчезает», «растворяется» в мифе, безболезненно трансформируясь в «человека толпы»²², а совокупность таких индивидов превращается в обезличенную и легко манипулируемую извне «одинокую толпу», состоящую из «единичных атомов» – маркузианских «одномерных человек», «извне-ориентированных» космополитов и «пожирателей» масс-информации, поведение которых определяется не традициями, принципами и ценностями, а разного рода влияниями, модой, бюрократией, рекламой и т.п.

Назойливый прессинг электронных СМК, активно «создающих» реальность и транслирующих авторитетные мнения, усваиваемые совокупным реципиентом и впоследствии выдаваемые им за свои собственные выводы²³, позволяет говорить о виртуальности не только феномена терроризма, но и об аналогичной виртуальности антитеррора – активной деятельности институтов государства и общества, ему противостоящей. Вероятно, их уже можно рассматривать в неразрывной связи, в некоем диалектическом единстве противоположностей: СМК, выступая в качестве виртуальной среды, соединили позитивные (Власть, абсолютное Добро, Порядок, Героя) и негативные (Анархия, абсолютное Зло, Хаос и Злодея) термины современного социального бытия в целях упрощения универсально-глобального манипулирования им. Террор и Антитеррор посредством СМК слились в один мощный поток, в единый, набирающий обороты PR-процесс, где сами акты терроризма нередко выступают уже не только и не

столько бесчеловечной формой протеста, сколько его имитацией – актами политического перформанса²⁴.

Форма такого процесса – *клип*, его содержание – *шоу*. В этой связи характерна трансформация МК-ряда «Нью-Йорк, 2001 – Лондон, 2005»: от трагической цельности нью-йоркской картины неподдельно-вселенского обрушения до плоской клип-лоскутности лондонских картинок шоу-имитации (полицейские неопределенного возраста и пола, экипированные в средневековые шлемы и странные жилеты, картинно охраняющие натянутые пестрые ленточки, непрерывно что-то жующие и озабоченно разговаривающие по мобильникам с неведомым начальством); объемная содержательность назначенного «сверху» суперзлодея (миллиардера-саудита) сворачивается в пустую оболочку безликого, но тоже назначенного «сверху» квазизлодея (бразильского гастарбайтера).

Зато инструментальные возможности «Terror – Antiterror PR» процесса (ТАТ-PR) даже сейчас представляются впечатляющими – кроме вышеупомянутого манипулирования обывателем (в том числе посредством конструирования разнообразных *угроз*, без которых сложно сформировать потребность в убедительном Герое)²⁵, придания обыденности эксклюзивным правовым режимам (чрезвычайного, военного и «особого» положения, административного режима, режима полицейской операции и пр.) он, несомненно, расширяет границы террористического воздействия в самых разных частных (и не только политических) целях (для нейтрализации экономических конкурентов, для целенаправленной «игры» на бирже с целью получения экономической выгоды и т.п.)²⁶. При этом виртуальный терроризм так же разительно отличается от своего реального оригинала, как отличаются современные электронные деньги от своих далеких серебряных и золотых предшественников.

Так, сущностные изменения претерпел *субъект* террора: канули в Лету пламенные романтики кинжала и динамита, идейные поборники «самозабвенной работы в терроре» а la Борис Савинков: Е. Che Guevara, С. Magigella, члены немецкой *RAF*, итальянских *BR* и легендарный «Шкал» – даже не вчерашний, а уже позавчерашний его день. Их сменили виртуальные невидимки глобального (бен Ладен) и регионального (Басаев) масштабов, а также безликие, неопрятные рядовые террористических отрядов, известные лишь в узких кругах подельников и заказчиков. Современный террор – это серьезный бизнес с неизбежной узкой специализацией и рутинизацией «производственных процессов», и в нем, как в любом дорогостоящем шоу, гораздо больше участников трудятся за кадром, чем работают в самом кадре.

И *объект* террора, особенно отечественный, уже «не тот». Нижеприведенный тезис может показаться кощунственным, но для большинства россиян террористическая тема потеряла свою былую остроту как в сфере массового сознания, так и в сфере уголовной статистики. Если обратиться к массовому сознанию,

можно увидеть, что значительному сегменту общества не до терроризма – активная его часть озабочена заработком (многие – пытаются хоть как-то свести концы с концами), а пассивной части уже не до чего дела нет. К тому же статистическая вероятность серьезно пострадать, лишиться здоровья и самой жизни от каких-то очень далеких и неведомых террористов на многие порядки ниже, чем от локальной преступной среды и даже своих собственных близких на почве бытовых неурядиц. Хотя в ощущении россиянами опасности своего бытия в последнее время терроризм стал играть заметную роль²⁷, немалый вклад в формирование такого отношения внесли именно СМК, постоянно накаляющие и без того накаленную 20-летием реформ российскую атмосферу.

Вдобавок рядовые обыватели, не слишком искушенные в процессах ТАТ-PR, могут рассматривать террористов как доведенных до крайности людей, действующих вынужденно, под давлением непреодолимых обстоятельств, как марионеток в чужой игре или даже как жертв «системы» («они не виноваты, виновата Система»). В этой связи не исключены пронизанные аффектом враждебного недоверия к официальным инстанциям и плохо поддающиеся рациональному обоснованию мнения о правильности действий террористов, об их вынужденной жестокости и беспощадности вследствие «несправедливости Власти»²⁸; об оправданности действий террористов стоящими перед ними высокими целями борьбы за социальную справедливость (освобождение своего народа); о «виновности Власти в жертвах» в случае удачных действий сил правопорядка по подавлению террористических атак и освобождению заложников и т.п. (массовый «стокгольмский синдром»)²⁹.

И можно догадываться, почему: ведь в реальности рядовые граждане измучены отнюдь не террористами, а не поддающимися никакому учету мелкими преступлениями, в своей массе безнаказанными и отнимающими у них самое последнее (тотальный обман в торговле и в кредитно-финансовой сфере, квартирные кражи и кражи с садовых участков, и т.п.), ненавязчивым постсоветским сервисом (который рынку никак не удается регулировать), а также нестигаемостью представителей бюрократии на местах, свято верящих в свое эксклюзивное право *на владение государством*. И такая ситуация усугубляется тем, что при возникновении каких-либо проблем и ЧП у ординарного налогоплательщика получить действенную помощь соответствующих госструктур ему очень трудно, а иногда и совершенно невозможно³⁰.

Однако, включив телевизор, все тот же совокупно-потерпевший гражданин в качестве измученного зрителя видит прямо противоположные примеры – примеры трогательной заботы институтов исключительно *социального* государства о своих подопечных; и вряд ли он может испытывать при этом что-либо, кроме раздражения, и объяснить это чем-нибудь иным, кроме как плановой или внеплановой PR-акцией. А поскольку пострадавшие от других, сугубо «уголов-

ных» преступлений остаются в проигрыше, то возникает вопрос: почему потерпевшие от террора должны быть в более привилегированном положении, чем иные; ведь в стране ежегодный счет жертв уголовных преступлений и дорожно-транспортных происшествий идет на десятки тысяч – какой теракт по «результативности» может сравниться с таким ущербом? Но эти люди не получают никакой компенсации, к ним, за редким исключением, не привлекается общественное внимание³¹, и совершенно понятно, почему – они не годятся на роль сакральных жертв и тем самым участников PR-шоу.

Отвечая на вопрос о существовании объективной основы массово-девиантной активности, в частности, террористической, и анализируя российские реалии, необходимо честно признать, – да, подобная основа существует. Во-первых, набирают силу агрессивные мини-идеологии «освобождения» (религиозные, этносепаратистские, социальные). Во-вторых, российская Власть как защитник Подвластных пока еще недостаточно активно функционирует, хотя себя-то она защищает вполне успешно (из представителей высшего эшелона российской военно-политической элиты жертвой целевого теракта стал лишь заместитель Председателя Правительства РФ В. Поляничко в 1993 г.³²). В-третьих, разнообразнейших недовольных в России – легион. Другое дело, что подавляющее их большинство, лишившись своей *Vis Vitalis*, по самым разным причинам не артикулируют своего недовольства, не облачают его в конкретные антисоциальные действия, в том числе в террористическую деятельность, тем самым обратившись в типичное «молчаливое большинство».

В этой связи представляется некорректным анализировать иностранный опыт противодействия терроризму с целью его возможной адаптации к российским условиям; в случае апелляции к израильским антитеррористическим работам (весьма популярной ныне) тотчас же становится очевидной явная несопоставимость финансовых, военных и кадровых ресурсов, территории, населения, инфраструктуры, политических и идеологических систем обеих стран. К тому же современное израильское общество, формировавшееся в условиях террористического насилия, во враждебной этнокультурном окружении³³, уже изначально, видимо, психологически было готово к жесткой, жесточайшей конфронтации с ним, и неутомимые близнецы-братья (связка «террор – антитеррор», вернее, *единый* террор двух разновидностей – протестный и охранительный) на Святой земле – логически неизбежное следствие той далекой первичной конфронтации.

Представляется, что при складывающихся обстоятельствах глобализации масс-медиа в России, более чем где бы то ни было, терроризм может обрести в значительном объеме виртуальную PR-форму, форму гносеологического *симулякра* или даже дополнить ряд социальных *фантомностей*³⁴. Разумеется, без подозрения в циничном безразличии нельзя отрицать отрезвляющую реаль-

ность его существования; но вместе с тем нельзя игнорировать и тот упрямый факт, что на современном этапе социального бытия именно ТAT-PR обеспечивает неизменно высокий зрелищный рейтинг террористического *шоу-мортеле*, политического перформанса *on-line*. А непреложный PR-закон – «*The show must go on!*» – никто не отменял, и PR ужаса здесь не исключение: терроризму присуща четкая логика ускорения в пустоте (Ж. Бодрийяр). А ведь со времен Стагирита известно, что природа не любит и боится пустоты – поэтому на современном этапе социального бытия обороты ТAT-PR вряд ли снизятся.

Так что же это такое терроризм в современном коммуникативном облики? Кризисный менеджер в виде эффективной управленческой фикции, Тьма, наносящая завершающий удар Социальному и норовящая втянуть его в черную дыру небытийного Ужаса, или социальный фантом, чьи болевые импульсы продолжают терзать весь общественный организм, разрезая его душу напополам?

Примечания

1. Тезисно этот подход нами изложен в: *Агаджанов В.В., Калинин Э.Ю.* Терроризм и конфликты в России через призму глобализации коммуникаций // Россия: Тенденции и перспективы развития: Ежегодник. Вып. 1. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – С. 158–163.

2. *Добаев И.П.* Современные подходы к определению «нового терроризма» // Социально-гуманитарные знания. – 2005, № 4. – С. 145–155; *Иванов В.Н.* Феномен терроризма // Социологические исследования. – 2005, № 5. – С. 63–71; *Кудрявцев В.Н.* Предупреждение терроризма // Общественные науки и современность. – 2004, № 1. – С. 89–95; *Федотова В.Г.* Терроризм: От старого к новому // Философские науки. – 2003, № 2. – С. 5–26; *Beck U.* The Silence of Words: On terror and war // Security dialogue. – Oslo, 2003. – V. 34, № 3. – P. 255–267; *Laqueur W.* The New Terrorism. Fanatism and the Arms of Mass Distraction. – Oxford, 1999; *Sageman M.* Understanding Terror Networks. – N. Y., 2004.

3. Так, в программе новостей беременность поп-звезды *Бритни Спирс* информационно затмила 90-летие геноцида в Турецкой Армении, а история потерявшей кошки *Эмили*, счастливо найденной европейцами и торжественно отправленной через океан к ее американским хозяевам, по важности вполне могла конкурировать с осенними парижскими погромами 2005 г.

4. См.: *Авдеев Ю.И.* Терроризм как социально-политическое явление // Современный терроризм. – М., 2000. – С. 36–53; *Василенко В.И.* Терроризм как социально-политический феномен. – М., 2002; *Витюк В.В., Данилевич И.В.* Терроризм как политический феномен и как теоретическая проблема // Терроризм в современном мире. – М., 2003. – С. 7–40; *Дмитриев А.В.* Социальный конфликт. – М., 2002. – С. 133–190; *Дмитриев А.В., Залысин И.Ю.* Насилие: Социополитический анализ. – М., 2000. – С. 52–54; *Літкан В.А. та інші.* Боротьба з тероризмом. – Київ, 2002. – С. 17–44; *Ольшанский Д.В.* Психология террора. – М., 2002. – С. 11–36; *Хоффман Б.* Терроризм – взгляд изнутри. – М., 2003. – С. 5–48.

5. *Волкогонов Д.А.* Психологическая война. – М.: Воениздат, 1984. – С. 78.
6. *Дмитриев А.В., Залысин И.Ю.* Указ. соч. – С. 53.
7. Появление и «раскрутка» «шахид-клипа» И. Шаповалова с участием некой *Nato* неслучайно.
8. Апофеоз этой практики – работа части отечественных СМК по освещению захвата заложников в октябре 2002 г. (Москва). Вместе с тем уже освещение событий 13–14 октября 2005 г. (Нальчик) отличалось скупой сдержанностью и видеоряда, и закадрового комментария.
9. *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма // Геополитика террора. – М., 2002. – С. 31.
10. *Медведев В.А.* Террор как основание коммуникативной культуры XXI века: От понимания к интерпретации // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора. – СПб. (Восточно-Европейский институт психоанализа), 2004. – С. 123.
11. См.: Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма. – М., 2004. – С. 185–234; *Хоффман Б.* Указ. соч. – С. 159–190; *Wilkinson P.* The Media and Terrorism: A Reassessment // *Terrorism and Political Violence.* – L., 1997. – V. 9, N 2. – P. 51–64.
12. По меткому замечанию сатирика *М. Задорнова*, «ТВ *имеет* большую аудиторию».
13. Показательный пример: ОРТ-проект «*Фабрика звезд*» – фабрика вовсе не звезд, а мифов, индустрия массового неререфлексивного сознания, кузница телезрителей (под конкретный имидж кумиров целенаправленно «куется» именно совокупно-специализированный зритель).
14. См.: *Чаликова В.А.* Современный терроризм // Терроризм в современном капиталистическом обществе. – М.: ИНИОН АН СССР, 1980. Вып. 1. – С. 178.
15. Например, см.: *Горичева Т. и др.* Ужас реального. – СПб., 2003; *Лунеев В.В.* Политическая, социальная и экономическая несправедливость в мире и терроризм // Общественные науки и современность. – 2004, № 3. – С. 82–89.
16. От тривиального гепатита (как следствия некачественной питьевой воды) в мире страдает во много раз больше людей, чем от всех террористических атак, вместе взятых.
17. *Информационное агентство «Росбалт».* Информационные аспекты террористических актов // Психология и психопатология терроризма... – СПб., 2004. – С. 205.
18. Социально-психологическую атмосферу в оккупированном Иерусалиме как результат террора сикариев точно передает его современник: «...паника, воцарившаяся в городе, была еще ужаснее, чем сами несчастные случаи, ибо всякий, как в сражении, ожидал своей смерти с каждой минутой» (*Иосиф Флавий.* Иудейская война. – Минск, 1991. – С. 167).
19. *Катлин С.М. и др.* Паблик рилейшенз. – М., 2005. – С. 25.
20. Неспроста в отечественных PR-кругах профессиональные жаргонизмы «впирать» и «впаривать» используются как синонимы.

21. *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. – М., 2001. – С. 216.
22. *Цуладзе А.* Политическая мифология. – М., 2003. – С. 366.
23. См.: *Харрис Р.* Психология массовых коммуникаций. – СПб., 2002. – С. 238–266; *Фромм Э.* Бегство от свободы. – Минск, 1998. – С. 249.
24. В этой связи любопытным и не лишним основанием кажется психоаналитическая триада смыслов терроризма *В.А. Медведева* (акт устрашения; запрос на подчинение; коммуникативное послание) притом, что первичным и единственно значимым он считает именно последнее. По его мнению, «симптоматическим языком террористических актов с нами говорит некое общечеловеческое ЭГО, т.е. сила, стремящаяся защитить всех нас, живущих на этой планете, от нас самих, подпавших под власть Танатоса и стремительно продвигающихся по пути планетарного самоубийства». – *Медведев В.А.* Указ. соч. – С. 119–122.
25. Пример такого конструирования – недавняя кампания в СМК вокруг ситуации в Панкисском ущелье (Грузия): российской аудитории настойчиво пытались внушить, что *главная угроза* национальной безопасности России исходит именно из этих 30 км² иностранной территории. – *Цуладзе А.* Указ. соч. – С. 372.
26. О влиянии террористической активности на состояние туристического бизнеса см.: *Хоффман Б.* Указ. соч. – С. 181–187.
27. *Левашов В.К.* Безопасность и терроризм // Социологические исследования. – 2005, № 7. – С. 72–77.
28. *Пуховский Н.Н.* Психотравматические последствия чрезвычайных ситуаций. – М., 2000. – С. 83–88.
29. О «стокгольмском синдроме» подробнее см.: *Агаджанов В.В.* Терроризм: К вопросу взаимодействия власти и общества // Современное состояние военно-гражданских отношений и государственное управление сектором безопасности в России. – М., 2005. – С. 205–212.
30. Симптоматично, что сами представители власти не питают на этот счет особых иллюзий; так, лишь 3% опрошенных сотрудников милиции полагают, что отношение к ним населения хорошее, 58% – характеризуют его как настороженное, 32% – как негативное, а 7% считают, что милиции боятся (*Коленникова О.А. и др.* Коммерциализация служебной деятельности работников милиции // Социологические исследования. – 2004, № 3. – С. 80).
31. См.: *Лунев В.В.* Права человека и преступность в глобализирующемся мире // Общественные науки и современность. – 2004, № 3. – С. 117.
32. Для сравнения: только с февраля 1905 по май 1906 г. в Российской Империи террористами были убиты и ранены 1273 представителя власти, в том числе 13 – высшего ее звена (Борьба с терроризмом в России (втор. пол. XIX – нач. XX вв.): Сб. документов и материалов. В 2-х ч. – М.: Академия ФСБ России, 2000. – Ч. I. – С. 294–295).
33. *Хоффман Б.* Указ. соч. – С. 54–64.
34. О фантомности см.: *Тощенко Ж.Т.* Фантомы общественного сознания и поведения // Социологические исследования. – 2004, № 12. – С. 3–15.

Джонстон Р.Б., Неделеску О.М.

**ВЛИЯНИЕ ТЕРРОРИЗМА НА ФИНАНСОВЫЕ РЫНКИ
(Реферат)**

Johnston R.B., Nedelescu O.M.

The impact of terrorism on financial markets. - N. Y.: IMF, 2005. - 22 p. - (IMF working paper). - Bibliogr.: p. 21-22.

В основу публикации положен доклад сотрудников департамента валютных и финансовых систем МВФ, представленный ими на международной конференции «Финансовые и экономические аспекты борьбы против терроризма», состоявшейся в октябре 2004 г. в Риме и организованной NATO Defense College.

Финансовые институты могут выступать в различных преступлениях в качестве жертв (как это произошло в результате террористической атаки 11 сентября 2001 г.), участников или инструментов. Они прямо или косвенно могут быть субъектами преступлений или злоупотреблений разного типа, выступая в качестве одной из опор терроризма. Кроме того, они могут использоваться как каналы для перевода средств террористических организаций. В данной работе финансовые институты рассматриваются как жертвы террористических актов.

Недавние террористические атаки оказали влияние на национальную и глобальную экономику и финансовые системы. Их последствия имеют кратко-, средне- и долгосрочный характер. Прямой экономический ущерб от терроризма, вызывающего гибель людей и уничтожение имущества, включает расходы на восстановление инфраструктурных и иных объектов и помощь пострадавшим, которые имеют краткосрочный характер. Прямой экономический ущерб от терроризма пропорционален интенсивности террористической атаки и масштабам соответствующей национальной экономики. Прямой экономический ущерб от террористического акта 11 сентября 2001 г. составил, по оценке ОЭСР, 27,2 млрд. долл., в том числе потери частного сектора 14 млрд., местных организаций – 1,5 млрд., федерального правительства – 0,7 млрд. и чистые убытки от нереализованных финансовых операций – 11 млрд. долл. Вместе с тем он равнялся около 0,25% ВВП США (с. 4).

Косвенные убытки от терроризма сказываются на состоянии экономики в среднесрочном периоде, проявляясь в снижении уровня доверия со стороны

потребителей и инвесторов. Это уменьшает склонность последних к инвестициям, что вызывает замедление темпов роста национальной и глобальной экономики. Более того, снижение уровня доверия инвесторов может привести к общему падению цен на активы и к «бегству в качество», что выражается в стремлении инвесторов перевести свои средства в первоклассные ценные бумаги с минимальным риском (обычно в правительственные облигации), что повышает цены на рискованные заимствования. Масштабы и распределение этих издержек между странами и отраслями зависят от таких факторов, как природа террористической атаки, ее эффекты, тип политики, проводимой в ответ на атаку, и эластичность рынков (т.е. их способность к быстрому восстановлению). Террористическая атака 11 сентября 2001 г. оказала влияние на многие промышленно развитые страны через снижение общего спроса вследствие уменьшения доверия к экономике, повлиявшего на объем выпуска продукции. Развивающиеся рынки также были затронуты через снижение внешнего спроса и «бегство в качество» на финансовых рынках. Несмотря на материальные разрушения, вызванные атакой 11 сентября, финансовые рынки в целом продемонстрировали свою способность быстро восстанавливаться до нормального состояния и осуществлять свои главные функции.

Долгосрочные последствия террористической атаки сводятся к негативно-му влиянию на производительность, которое проявляется в повышении транзакционных издержек, связанных с обеспечением безопасности, ростом страховых премий, а также финансовых и иных расходов на меры антитеррористической политики.

Значительное число операторов финансового рынка США вели свои операции в зданиях подвергшегося террористической атаке Всемирного торгового центра (ВТЦ) или неподалеку от них. Именно поэтому атака послужила причиной временного прекращения операций на финансовых рынках Нью-Йорка. Наибольший ущерб был нанесен коммуникационной системе крупнейшего кастодиального и расчетного банка Bank of New York. Хотя Bank of New York и J.P. Morgan Chase – два главных клиринговых банка для расчетов по правительственным ценным бумагам – смогли перевести свои операции в другие подразделения, значительное замедление клиринговых расчетов вызвало усиление неопределенности в области завершения торговых сделок по ценным бумагам и увеличение спроса на ликвидность. Рынок правительственных ценных бумаг также был затронут потерей посреднических брокерских фирм, расположенных в ВТЦ. Невозможность использования телефонной связи заставила трейдеров обратиться к интернет-платформам, работающим в режиме онлайн. Террористическая атака отрицательно повлияла и на другие финансовые рынки, например, на рынок РЕПО и услуг банкоматов. Потери страховых компаний оцениваются в более 50 млрд. долл., что в первую очередь объясняется значительным увеличением страховых премий (с. 6).

Поскольку террористическая атака 11 сентября 2001 г. завершилась в 9 часов утра по местному времени, Нью-Йоркская фондовая биржа (NYSE) и NASDAQ в этот день не открывались. Они возобновили свою работу 17 сентября, после консультаций между представителями частного сектора и Комиссией по ценным бумагам и биржам (Securities and Exchange Commission, SEC). Биржевые индексы в первые дни после теракта снизились: с 17 по 21 сентября 2001 г. индекс Standard and Poor's снизился на 11,6%, а индекс NASDAQ – на 16,1%. За тот же период европейский индекс Dow Jones Euro STOXX снизился на 17,1%. Для сравнения: после теракта в Испании 11 марта 2004 г. этот индекс снизился на 3% и до конца марта повысился до прежнего уровня (с. 4). Различие последствий двух терактов (11 сентября 2001 г. и 11 марта 2004 г.) для рынков ценных бумаг может объясняться следующим образом: во-первых, атака в Нью-Йорке нарушила стабильность глобальной финансовой системы, тогда как ее последствия в Испании имели региональный эффект; во-вторых, атака 11 сентября имела место в условиях, когда американская и мировая экономика находилась в состоянии спада, тогда как события в Испании происходили в период начавшегося экономического подъема; в-третьих, теракт в Испании в отличие от событий в Нью-Йорке не был непосредственно нацелен на нанесение ущерба финансовым рынкам и на разрушение систем их коммуникаций.

Как показывают исследования, террористическая атака 11 сентября оказала негативное воздействие на состояние глобального финансового рынка. При этом, однако, финансовый рынок США испытал меньшее отрицательное влияние теракта и быстрее других восстановил средний уровень доходности до докризисного уровня. Одно из объяснений этого факта заключается в том, что Федеральная резервная система (ФРС) США стала быстро предпринимать необходимые меры, чтобы успокоить и стабилизировать экономику через поддержку финансово-банковского сектора.

В целом события 11 сентября 2001 г. продемонстрировали критическую роль органа, отвечающего за здоровье финансовой системы, каким оказалась ФРС, осознавая, что для восстановления доверия как на финансовых рынках, так и за их пределами, необходимы немедленные и решительные ответные меры. Чтобы противостоять хаосу и панике, ФРС оставалась действующей, открыв «учетное окно» (discount window) для вливания средств, чтобы удовлетворить потребности банков в ликвидных средствах. Для предоставления необходимых ликвидных средств были использованы различные инструменты открытого рынка: от временной задержки выплат процентов за овердрафт до снижения учетной процентной ставки. В результате объем вливания ликвидных средств оценивался в 100 млрд. долл. ФРС стимулировала федеральные резервные банки более гибко работать с потребителями, пострадавшими от теракта.

SEC также помогала преодолевать кризис путем смягчения правил предоставления кредитов в форме ценных бумаг и скупки корпорациями собственных акций для поддержания их рыночной цены (share buy-back). В то же время другие экономические и финансовые органы с целью обеспечения финансовой стабильности предложили ввести налоговые льготы для поддержания промышленных предприятий, пострадавших от теракта. Страховые и авиакомпании получили прямую финансовую помощь от государства. Администрация и конгресс США объявили о своем намерении действовать как «страховщик в последней инстанции», чтобы удовлетворить требования, предъявляемые к частным страховым компаниям, которые они не в состоянии обеспечить. Через год после 11 сентября 2001 г. в США был принят закон о страховании связанного с терроризмом риска «Terrorism Risk Insurance Act», предусматривающий создание прозрачной системы разделения между государственной и частной компенсацией ущерба застрахованных лиц, потерпевших от теракта. Помимо этого были предприняты меры кратко- и среднесрочного характера, направленные на преодоление экономического спада, усилившегося в результате теракта. К ним, в частности, относится снижение учетной ставки ФРС.

Стремясь быстрее вернуть финансовые рынки в нормальное состояние, ФРС тесно сотрудничала с органами финансового регулирования других стран. На международном уровне были приняты меры для поддержания глобальной платежной системы, повышения уровня доверия и обеспечения стабильности финансовых рынков. Монетарные органы ведущих стран – Канады, зоны евро, Швейцарии, Японии и Великобритании – по примеру ФРС осуществили вливание значительных масс ликвидных средств и снизили уровень процентных ставок. Несколько позже подобные меры приняли Дания, Гонконг, Южная Корея, Новая Зеландия и Швеция. Чтобы помочь решить проблему нехватки валютных средств у иностранных институтов, ФРС осуществила операцию своп с Европейским центральным банком (ЕЦБ) и Банком Англии на сумму в 80 млрд. долл., а также повысила потолок по ранее заключенному соглашению об операции своп с Банком Канады (с. 15). В отличие от масштабных экономических мер, принятых в США и других странах после террористической атаки 11 сентября 2001 г., после теракта 11 марта 2004 г. в Испании не осуществлялось широких мер (в частности, ЕЦБ не менял процентную ставку), за исключением оказания прямой финансовой помощи пострадавшим.

Драматические эпизоды, связанные с терактами, позволяют извлечь ряд уроков, касающихся преодоления последствий финансовых кризисов. Во-первых, опыт свидетельствует о важной роли центральных банков в обеспечении стабильности финансовой системы в условиях кризиса. Действуя как кредитор в последней инстанции и поддерживая открытый и прозрачный диалог с регулирующими органами, ФРС сыграла важнейшую роль в восстановлении дове-

рия к рынку и помогла ему осуществлять свои функции, предоставив банкам необходимые ликвидные средства и предотвратив тем самым публичную панику. Во-вторых, критическое значение для быстрого и эффективного восстановления нормального функционирования финансовых рынков имели кооперация и координация американских и иностранных органов регулирования.

Не следует думать, что террористические атаки нацелены только на коммерческие банки и другие финансовые институты. В 1996 г. атаке местных террористов подвергся Центральный банк Шри Ланки, в результате чего были повреждены база данных и компьютерная система банка. МВФ оказал помощь в восстановлении базы данных банка. Совсем недавно появились сообщения о том, что целью террористических атак могут быть МВФ и Всемирный банк.

Для преодоления последствий террористических атак органы финансового регулирования должны предусмотреть некоторые превентивные меры. С точки зрения этих органов влияние терроризма на финансовые рынки ставит их перед двумя вызовами, связанными с: а) учетом возможности совершения террористических актов при расчете операционного риска; б) принятием адекватных мер по предотвращению финансирования терроризма.

1. Базельский комитет по банковскому надзору (Basel Committee on Banking Supervision) определил терроризм как событие, повышающее уровень операционного риска, и отметил роль органов финансового надзора в снижении операционного риска, являющегося результатом террористического акта. Органы надзора должны следить за тем, чтобы все банки разработали эффективные методы идентификации, определения, мониторинга и контроля за операционным риском, связанным с терроризмом, и включить их в общую систему управления рисками. Сами банки должны предпринять меры, обеспечивающие их способность действовать и ограничивать потери в случае серьезного разрушения бизнеса, в основном благодаря разработке сценарных бизнес-планов.

В совместном докладе ФРС и других органов регулирования финансовых рынков, опубликованном в 2002 г. в США, отмечалось, что для минимизации отрицательных последствий широкомасштабного разрушения финансовых рынков и для быстрого восстановления финансовых систем необходимы: 1) идентификация критических видов деятельности в области клиринговых и расчетных операций, необходимых для поддержания стабильности финансовой системы; 2) определение способов восстановления и возобновления этих видов деятельности; 3) обеспечение достаточной географической диверсификации названных видов деятельности для их скорейшего восстановления; 4) регулярное тестирование способов такого восстановления.

2. По мнению Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), между терроризмом и другими преступными методами использования финансовых систем существуют незначительные различия. Финанси-

рование терроризма имеет много общих черт с отмыванием денег с точки зрения источников получения средств, способов их использования и перевода в места, где они не привлекают особого внимания. Террористы используют финансовую инфраструктуру для мобилизации и перевода средств, которые они получают от совершения таких преступлений, как похищение людей, вымогательство, контрабанда, торговля наркотиками, грабежи и воровство. Таким образом, считает ФАТФ, террористы, как и другие преступные элементы, нуждаются в отмывании денег, используя различные способы межбанковского перевода средств, операции с кредитными и дебетовыми картами, неформальные связи и т.д. Кроме того, террористы используют доходы от торговли драгоценными металлами и камнями, проводят операции с благотворительными и неприбыльными организациями. Финансовые сети терроризма имеют глобальный характер, проникая в финансовые системы промышленно развитых и развивающихся стран.

Несмотря на значительное сходство между преступным отмыванием денег и финансированием терроризма, последнее обладает рядом специфических черт, связанных с тем, что террористы, помимо нелегальных источников финансовых средств, используют и легальные фонды. Кроме того, часто суммы, переводимые в связи с финансированием терроризма, невелики по сравнению с суммами отмываемых денег, связанных, например, с торговлей наркотиками. Так, суммы, снимавшиеся со счетов террористов накануне 11 сентября 2001 г., не превышали 10 тыс. долл., что позволяло их рассматривать как простые переводы денежных средств (с. 14). Все это осложняет борьбу с финансированием терроризма, так как требует комплексного междисциплинарного подхода к выявлению и доказательству преступного использования средств.

Первые попытки разработать единый подход к борьбе с финансированием терроризма были предприняты ФАТФ, которая еще десять лет назад разработала 40 рекомендаций правительствам отдельных стран по организации борьбы с отмыванием денег и разработке соответствующих национальных программ. В декабре 1999 г. Генеральная ассамблея ООН приняла Международную конвенцию по устранению финансирования терроризма (UN International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism). В первое время после принятия эту конвенцию ратифицировали всего четыре страны. После событий 11 сентября 2001 г. ее ратифицировали 117 стран. По данным доклада министерства финансов США «Прогресс в борьбе с финансированием терроризма» (Progress in the war on terrorist financing), опубликованного в 2003 г., после 11 сентября 2001 г. 173 страны приняли решение о блокировании или замораживании активов террористов, 100 стран приняли новые законодательные акты, усиливающие их защиту от операций по финансированию террористов, и более 100 стран создали органы финансовой разведки (с. 16).

К концу 2001 г. полномочия ФАТФ были расширены за счет включения в ее компетенцию вопросов борьбы с финансированием терроризма. На пленарном заседании ФАТФ в октябре 2001 г. были приняты «Восемь специальных рекомендаций» правительствам по организации борьбы с финансированием терроризма (в октябре 2004 г. эти рекомендации были дополнены еще одной – теперь их девять). ФАТФ считает, что эти рекомендации должны дополнять 40 ранее сформулированных рекомендаций по борьбе с отмыванием денег. Новые рекомендации, направленные на выявление, предупреждение и устранение операций по финансированию терроризма, включают следующие требования к странам (с. 15):

- предпринять немедленные шаги по ратификации и использованию инструментов и мер, предложенных ООН;
- считать преступным финансирование терроризма, террористические акты и террористические организации;
- заморозить и конфисковать активы террористов;
- сообщать о сделках, подозреваемых в связях с терроризмом;
- обеспечивать широкие возможности для оказания правовой помощи другим странам и регулирующим организациям, проводящим расследования финансирования терроризма;
- выявлять потребности отмывающих деньги в использовании альтернативных систем денежных переводов;
- усилить меры по идентификации клиентов местных и международных систем электронных связей по переводу денежных средств и передачи информации;
- следить за тем, чтобы любые организации, особенно бесприбыльные, не могли использоваться для финансирования терроризма;
- выявлять пути и средства международной транспортировки наличных средств и обращающихся инструментов на предъявителя.

В 2002 г. МВФ и Всемирный банк одобрили рекомендации и стандарты ФАТФ, а также создание региональных и национальных органов «в стиле ФАТФ». В 2003 г. ФАТФ пересмотрела свои 40 рекомендаций, включив в сферу их действия новые нефинансовые сектора, организации и профессиональные группы, среди которых: казино, агентства недвижимости, дилеры, занимающиеся торговлей ценными металлами и камнями, адвокаты, нотариусы, аудиторы, сервисные компании и трасты.

Как показывают результаты исследований, успех борьбы с финансированием терроризма во многом зависит от охвата всех потенциальных сфер террористической деятельности, включая все возможные источники их финансовых ресурсов. Большое значение при этом имеет быстрая и точная идентификация лиц, посылающих и получающих денежные переводы через международные фор-

мальные и неформальные сети, что требует межстрановой координации деятельности соответствующих органов. В апреле 2004 г. в Абу-Даби состоялась вторая международная конференция по проблемам неформального перевода денежных средств иностранными рабочими на родину, организованная МВФ и Центральным банком ОАЭ. На конференции отмечалось, что эти неформальные сети могут использоваться для отмывания денег и сбора средств для финансирования терроризма. Через неформальные каналы в развивающиеся страны поступает от 10 до 50% денежных средств от мигрантов, общая сумма которых в 2001 г. составляла 72,3 млрд. долл. (с. 17).

Введение регулирующих мер, направленных на борьбу с отмыванием денег и финансированием терроризма, сопряжено с ростом расходов на содержание соответствующих институтов и подразделений (главным образом в банках), следящих за нарушением требований, правил и норм. Как показывает опыт, регулирующие органы промышленно развитых стран берут на себя функции надзора за соблюдением банками и другими финансовыми институтами требований, связанных с борьбой с отмыванием денег и финансированием терроризма. В 2004 г. по решению Управления контролера денежного обращения США (US Office of the Controller of the Currency) банк Riggs Bank после тщательного изучения счетов закрыл счета некоторых правительств и политических деятелей на сумму в 25 млн. долл. В том же году Японское агентство финансовых услуг (Japan Financial Services Agency) закрыло отделение Citigroup, занимавшееся управлением частными активами, обнаружив многие нарушения в регистрации клиентов. ABN Amro и Union Bank of California вынуждены были прекратить деловые отношения с 550 банками стран Восточной Европы, бассейна Карибского моря и России, которые были связаны с высоким риском несоблюдения требований по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма (с. 19).

Наряду с прямыми потерями, связанными с расследованием органов надзора, банки и другие финансовые институты могут утратить свою деловую репутацию из-за огласки фактов расследования, что повлияет на их клиентскую базу и рыночную капитализацию. Так, курс акций одного из крупнейших международных банков снизился на 3% на следующий день после публикации отчета о результатах анализа его деятельности, в котором были отмечены некоторые этические проблемы.

Включение мер, связанных с предупреждением и борьбой с отмыванием денег и финансированием терроризма, способствовало росту издержек служб комплаенс (compliance officer) – контролеров в банках, отвечающих за выполнение действующих и новых правил и норм. Эти издержки были в основном обусловлены использованием новейшей информационной технологии. В «Обзоре глобальной борьбы с отмыванием денег в 2004 г.» (Global Anti-Money

Laundering Survey – 2004), подготовленном «KPMG International», были приведены данные опроса 209 банков из 41 страны, большая часть которых входила в число 1000 крупнейших банков мира. 83% респондентов указали, что за последние три года расходы их комплаенс – служб, связанные с усилением мер против отмывания денег и финансирования терроризма, возросли в среднем на 61% (с. 16–17).

Несмотря на рост издержек, главные выгоды внедрения стандартов и требований борьбы с финансовыми злоупотреблениями в систему управления банковскими рисками связаны с обеспечением большей стабильности и целостности финансовой системы, что способствует более эффективному распределению ресурсов в целях повышения темпов экономического роста. Главной задачей при этом является достижение правильного баланса между издержками и выгодами политики усиления регулирующих мер, направленных против отмывания денег и финансирования терроризма, что позволяет избегать сегментации финансовых рынков.

Л.А. Зубченко

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

В.Н.Бабенко

К ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИИ

Бабенко Василий Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской правовой академии Министерства юстиции РФ, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

Органы политической юстиции возникали на различных этапах развития многих государств особенно в годы революционных событий или в переходные периоды. Тем не менее проблема политической юстиции сохраняет свою актуальность и в наше время, хотя условий для ее существования и развития становится все меньше. Как юридический институт политическая юстиция формировалась в основном в странах с тоталитарными режимами. Правовое регулирование деятельности органов политической юстиции носило в основном подзаконный и закрытый характер, а нормативная база содержала много положений, предназначенных для оправдания борьбы руководства страны с политическими противниками.

В многочисленных работах общеисторического и историко-правового характера, опубликованных в последние два столетия довольно сложно найти определение политической юстиции. Отсутствует оно и в большинстве юридических энциклопедий. Исследователи рассматривали, как правило, отдельно вопросы становления и развития конкретных государственных учреждений, а также соответствующей нормативно-правовой базы, направленных непосредственно против противников политического режима.

В зависимости от вида судопроизводства в юриспруденции различают административную, гражданскую, уголовную, конституционную, военную, международную и ювенальную юстицию. Имеет право на существование и понятие политической юстиции. В общем виде политическую юстицию можно рассматривать как совокупность государственных органов, сформированных для подавления политических противников. В.Н. Кудрявцев и А.И. Трусов дают этому институту следующее определение: «Политическая юстиция – это часть юридической системы, специально созданная или используемая для подавления поли-

тических противников путем применения правовых и противоправных средств»¹. В целом данное определение содержит основные характеристики этого юридического института. Тем не менее оно требует некоторого уточнения. Политическая юстиция представляет собой прежде всего совокупность государственных органов и правовых норм, созданных для борьбы с противниками политического режима в условиях абсолютной монархии, тоталитаризма и крайней формы авторитаризма. В этом случае к политической юстиции можно отнести следующие учреждения: опричнину Ивана Грозного как систему государственных органов и мер, направленных против измены бояр в России в 1565–1572 гг.; Приказ тайных дел (1654–1676), осуществлявший контроль за деятельностью всех государственных органов и рассматривавший важнейшие политические дела; Преображенский приказ (1695–1729); Тайную канцелярию, учрежденную Петром I в 1718 г. для рассмотрения дел, связанных с государственной изменой; Канцелярию тайных розыскных дел, являющуюся высшим органом политического сыска в России в 1731–1762 гг. и др. Однако можно согласиться и с известным юристом И.Я. Фойницким, который отмечал: «Подле этого ординарного порядка суда уже в княжеский период возникает и постепенно развивается порядок экстраординарный, сыска, и прежде всего в делах политического свойства». Он ссылается при этом на опыт Новгорода и Пскова, когда, «не дожидаясь истца, всем составом своим шли на своих внутренних врагов, расправлялись с ними, бросали их в Волхов или вешали, а имущество их разграбляли»². Конечно и в XII–XV вв. в древнерусских княжествах и феодальных республиках уже существовали отдельные виды внесудебной расправы и некоторые элементы политической юстиции. Однако они начали приобретать определенную организационную форму только в годы правления Ивана IV.

Как известно, опричнина Ивана Грозного представляла особую территорию, войско и государственный аппарат. В контексте данной темы мы рассматриваем ее и как государственный аппарат, и как систему политических мер, предпринятых в 1565–1572 гг. и направленных против измены в среде боярской знати: тогда широко применялись массовые репрессии, казни, конфискации земельных угодий и т.п. Так, отвечая на обвинения князя А.М. Курбского в массовых репрессиях против бояр, Иван IV писал: «А всеми родами мы вас не истребляем, но изменников повсюду ожидает расправа и немилость: в той стране, куда ты поехал, узнаешь об этом подробнее. А за ту вашу службу, о которой говорилось выше, вы достойны многих казней и опалы; но мы еще милостиво вас наказали, – если бы мы наказали тебя так, как следовало, то ты бы не смог

1. Кудрявцев В., Трусов А. *Политическая юстиция в СССР*. – М., 2000. – С. 14.

2. Фойницкий И.Я. *Курс уголовного судопроизводства*. – СПб., 1996. – Т. 1. – С. 33.

уехать от нас к нашему врагу...»³. Оправдывая далее массовые репрессии, Иван Грозный подчеркивал: «Убитые и заточенные, как я сказал выше, получили наказание по своей вине»⁴. Всесторонне рассматривая характер опричнины, Р.Г. Скрынников отмечает, что она была «политической мерой», а ее задачи, «будучи узкими сами по себе, сводились к утверждению неограниченной единодержавной власти монарха»⁵. Эти акции не были регламентированы в действовавшем в то время законодательстве. Поэтому мы в полной мере можем отнести опричнину к институту политической юстиции, который начал оформляться именно в годы правления Ивана Грозного. Этим вопросам посвящено значительное число исследований общеисторического и историко-правового характера⁶.

Приказ тайных дел был учрежден в 1654 г. в период правления царя Алексея Михайловича и функционировал до 1676 г. Он располагался в царском дворце и к его ведению относилось решение важнейших государственных вопросов без привлечения Боярской думы к их рассмотрению. На первом этапе приказом руководил тайный дьяк. В его подчинении находилась коллегия из 6–7 подьячих, которая затем расширилась до 15 человек. К компетенции Приказа тайных дел относился контроль за деятельностью государственного аппарата, в первую очередь, за приказами и воеводами.

Приказ тайных дел рассматривал дела различной государственной важности. К ним следует отнести дело патриарха Никона, дело Степана Разина и его сподвижников. Деятельности данного приказа уделяется определенное место в работах общеисторического характера⁷.

Преображенский приказ (1695–1729) первоначально занимался охраной порядка в Москве и рассмотрением некоторых особо важных политических дел. Данный приказ находился под постоянным контролем монарха. В 1697 г.

3. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. – М., 1981. – С. 148.

4. Там же. – С. 155.

5. Скрынников Р.Г. Царство террора. – СПб., 1992. – С. 404.

6. См.: Григорьев Г.Л. Кого боялся Иван Грозный?: К вопросу о происхождении опричнины. – М., 1998. – 127 с.; Зимин А.А. Опричнина. – М., 2001. – 448 с.; Скрынников Р.Г. Царство террора. – СПб., 1992. – 573 с.; Хорошкевич А.Л. Опричнина и характер русского государства в советской историографии 20-х – середины 50-х годов // История СССР. – М., 1991. – № 6. – С. 85–100; Юрганов А.Л. Опричнина и Страшный Суд // Отечественная история. – М., 1997. – № 3. – С. 52–75 и др.

7. См.: Воскобойникова Н.П. Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI – начала XVII веков (РГАДА. Ф.141. Приказные дела старых лет). – М., 1999. – 327 с.; Князьков С.Е. К определению границ понятия «судебно-следственное дело» // Мир источниковедения. – М.; Пенза, 1995. – С. 67–71; Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. – М., 2000. – 271 с.; Павлов А.П. Приказы и приказная бюрократия (1584–1605 гг.) // Исторические записки. – М., 1988. – Т. 116. – С. 187–227 и др.

приказ получил право проводить следствие и суд по делам, связанным с политическими преступлениями. Такого рода дела рассматривались Главной канцелярией Преображенского приказа во главе с князем Ф.Ю. Ромодановским. Кроме того, в период с 1698 по 1706 г. при ней функционировала Судебная боярская коллегия, состоявшая из шести членов Боярской думы. Следует отметить, что не все дела, поступавшие в Преображенский приказ в большом количестве, принимались к рассмотрению. Из них отбирались только политические, а остальные передавались в другие приказы. Для проведения следствия создавались так называемые «майорские канцелярии», которые широко применяли пытки. В данный период получила распространение «обязанность извета», т.е. доноса. В годы правления Петра I все подданные должны были непременно доносить о следующих видах преступлений: измена, бунт, незаконный переход границы, «шатания» и «смута», «умышление на государево здоровье», «неистовые речи» и «негожие слова» о царе⁸. «В целом сыском по “слову и делу государеву” решались, – отмечает В.И. Власов, – одновременно три задачи: а) уяснить, виновно ли лицо в том преступлении, о котором на него извещают; б) не виноват ли изветчик в ложном доносительстве; в) виноваты ли близкие родственники обвиненного в том, что знали и не известили»⁹.

После учреждения в 1718 г. Тайной канцелярии большая часть политических дел передавалась ей. Однако после ее ликвидации в 1726 г. прежние функции Преображенского приказа были восстановлены. И в том же году он рассмотрел 691 дело, связанное с политическими преступлениями. Преображенский приказ был ликвидирован в 1729 г., а вопросы, относившиеся к его ведению, были переданы в Сенат. Месту и роли Преображенского приказа также уделяется значительное внимание в общеисторических исследованиях.

Тайная канцелярия была создана в Петербурге, а в Москве было учреждено ее отделение. Первоначально она была образована для рассмотрения дела царевича Алексея, а затем разрешала и другие политические дела. Тайная канцелярия находилась в Петропавловской крепости в Петербурге. Дела, относившиеся к ее ведению, рассматривала коллегия, состоявшая из ближайших сподвижников Петра I. В своей деятельности она руководствовалась прежде всего Указом царя от 24 января 1715 г., который обязывал всех подданных доносить монарху о государственной измене, о злом умысле против персоны государя, о бунтах, о похищении казенных денег. Кроме дела царевича Алексея Тайная канцелярия рассматривала дело бывшей царицы Евдокии Лопухиной и А. Кикина, дело фаворитки Петра I Марии Гамильтон, дело о злоупотреблениях в Астрахани и др. Рассматривались также дела о «непристойных выражениях» против особы

8. См.: Власов В.И. *История судебной власти в России*. – М., 2003. – Кн. 1. – С. 342.

9. Там же. – С. 346.

царя, самозванстве, о раскольниках, казнокрадстве, взяточничестве, колдовстве и др. В рассмотрении дел часто лично принимал участие сам царь. Во время допросов широко применялись пытки.

В первой половине 20-х годов XVIII в. «Тайная канцелярия становится самой могущественной из розыскных учреждений»¹⁰. В 1726 г. Тайная канцелярия была упразднена, а ее функции были распределены между Верховным тайным советом, Сенатом и Преображенским приказом. Проблемы деятельности Тайной канцелярии нашли отражение преимущественно в работах общеисторического характера.

Созданная императрицей Анной Иоанновной в 1731 г. Канцелярия тайных розыскных дел (1731–1762) рассматривается как центральное государственное учреждение политического сыска и суда. Канцелярия организовала крупные политические процессы в 1730–1750-е годы. К ним относятся прежде всего дела членов упраздненного Верховного тайного совета (князей В.В. и В.Л. Долгоруких, Д.М. Голицына), дело А.П. Волынского и др. Кроме того, Канцелярия тайных розыскных дел рассматривала дела об оскорблении монарха, членов его семьи и фаворитов, высших государственных чиновников, дела о бунте, взяточничестве, злоупотреблении властью и др. В целом Канцелярия тайных розыскных дел в значительной степени восприняла компетенцию Преображенского приказа и «представляла собой высший орган политического сыска»¹¹. В годы правления Анны Иоанновны по ее приговорам было сослано «свыше 20 тыс. человек, причем 5 тыс. пропали бесследно»¹². В 1762 г. Канцелярия тайных розыскных дел была упразднена императором Петром III. Следует отметить, что данный институт политической юстиции не получил необходимого освещения в специальных историко-правовых исследованиях.

Тайная экспедиция Сената (1762–1801) являлась центральным государственным учреждением в России, органом политического сыска и суда в годы правления Екатерины II и Павла I. Она, как и Тайная канцелярия Петра I, располагалась в Петербурге, а ее отделение – в Москве. Общее руководство Тайной экспедицией осуществлял генерал-прокурор Сената, а также его помощник. Руководил повседневной работой экспедиции обер-секретарь. Необходимо отметить, что Тайная экспедиция Сената находилась под постоянным контролем Екатерины II, которая утверждала приговоры по важнейшим политическим делам. Тайная экспедиция рассматривала большое количество дел, связанных с оскорблением монарха, с преступлениями против государства, веры и др. Осо-

10. См.: Власов В.И. *История судебной власти в России*. – М., 2003. – Кн. 1. – С. 320.

11. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. *Судебная власть в России: История, документы*. – М., 2003. – Т. II. – С. 214.

12. Там же.

бое место в ее деятельности занимали политические процессы над А. Мацеевичем (1763), В.Я. Миновичем (1764), над участниками чумного бунта в Москве (1771), над А.Н. Радищевым (1790), Н.И. Новиковым (1792) и др. В следственном производстве Тайной экспедиции широко применялись пытки.

Для расследования отдельных дел в Тайной экспедиции Сената создавались специальные секретные следственные комиссии, которые получили право выносить окончательные приговоры, не подлежащие обжалованию. Такая комиссия расследовала дела Е.И. Пугачева и его соратников.

Следует отметить, что в период правления Павла I (1796–1801) Тайная экспедиция сохранилась в качестве самостоятельного структурного подразделения Сената и занимала особое место в государственном аппарате Российской империи. Она была упразднена императором Александром I в 1801 г., а ее функции были распределены между первым и пятым департаментами Сената, а также учрежденным в 1802 г. Министерством внутренних дел. Деятельность Тайной экспедиции Сената нашла отражение как в работах общеисторического характера, так и в специальных исследованиях.

Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии (1826–1880) являлось органом политического надзора и сыска в Российской империи. Оно опиралось в своей деятельности на Отдельный корпус жандармов, который непосредственно подчинялся руководителю Третьего отделения. В общеисторических и историко-правовых работах уделяется значительное место деятельности Третьего отделения и Жандармского корпуса в XIX в. Особое внимание отводится также деятельности тайной полиции¹³.

Верховный уголовный суд создавался как высший чрезвычайный судебный орган Российской империи для проведения политических процессов над декабристами в 1826 г. Затем он рассматривал дела Д.В. Каракозова (1866) и А.К. Соловьева (1879) о покушениях на императора Александра II и др. Начиная с 1906 г. к его компетенции были отнесены важнейшие уголовные дела, которые он решал в качестве первой судебной инстанции. Большое количество работ посвящено деятельности данного высшего судебного органа, среди которых следует выделить издания, опубликованные в последние годы¹⁴.

Особое присутствие правительствующего Сената (1872–1917) представляло собой специальный орган, рассматривавший политические дела. Так, за пе-

13. См.: Иванов О. Тайная полиция в Москве в начале XIX века // *Московский журнал*. – М., 1993. – № 4. – С. 11–17; Троицкий Н.А. Тайная полиция при Александре III: (Нормативные документы) // *Отечественные архивы*. – М., 1998. – № 4. – С. 88–91; Чукарев А.Г. Тайная полиция России, 1825–1855 гг. – М., 2005. – 704 с. и др.

14. См.: *Восстание декабристов: Документы / Федер. арх. служба России; Гос. арх. Рос. Федерации; Под ред. Козлова В.П., Мироненко С.В.* – М., 2001. – Т. 19–20; Слободянюк И.П. *Верховный уголовный суд над декабристами*. – М., 2005. – 148 с. и др.

риод с 1873 по 1878 г. в данном судебном учреждении слушалось 37 из 52 политических процессов¹⁵.

Охранные отделения впервые появились в Петербурге в 1866 г., а в 1880 г. – в Москве. Они подчинялись Департаменту полиции МВД и действовали до февраля 1917 г. К их компетенции относились прежде всего вопросы политического сыска. Для выполнения данной задачи они широко использовали агентов наружного наблюдения (филеров) и секретных агентов, которых они направляли для сбора информации и организации различного рода провокаций в политические партии и рабочие объединения. Так, в соответствии с «Положением об охранных отделениях» от 9 февраля 1907 г. начальникам охранных отделений предписывалось, что «собираение сведений о замышляемом или совершенном преступлении политического характера производится способами, указанными в 251 ст. Уст. Угол. Суд., т.е. путем розысков (секретная агентура), словесных расспросов и негласного наблюдения (через секретных сотрудников и филеров)»¹⁶. Значительное число работ посвящено деятельности данных учреждений¹⁷.

Особое совещание при министре внутренних дел России (1880 – февраль 1917 г.) было учреждено в соответствии с Указом императора Александра II 6 августа 1880 г. министру внутренних дел поручалось рассматривать политические дела на особых совещаниях на тех же основаниях, которые были предложены 12 февраля 1880 г. Верховной распорядительной комиссии по охране общественного порядка и спокойствия. Одна из главных задач, которую ей необходимо было решить: «положить предел беспрерывно повторяющимся в последнее время покушениям дерзких злоумышленников поколебать в России государственный и общественный порядок»¹⁸.

15. См.: Троицкий Н.А. *Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма, 1866–1882 гг.* – М., 1978. – С. 77.

16. *Агентурная работа политической полиции Российской империи: Сб. документов. 1880–1917.* – М.; СПб., 2006. – С. 89.

17. См.: *Агентурная работа политической полиции Российской империи: Сб. док. 1880–1917.* – М.; СПб., 2006. – 384 с.; Брачев В.С. *Заграничная агентура Департамента полиции (1883–1917).* – СПб., 2001. – 184 с.; Джанибекий В.Г. *Провокаторы и охранка.* – М., 2005. – 480 с.; «Охранка»: *Воспоминания руководителей политического сыска.* – М., 2004. – Т. 1–2; Перегудова З.И. *Политический сыск России (1880–1917).* – М., 2000. – 431 с.; *Политическая полиция и политический терроризм в России (вт. пол. XIX – нач. XX вв.).* – М., 2001. – 520 с.; Прайсман Л.Г. *Террористы и революционеры, охранники и провокаторы.* – М., 2001. – 431 с.; Реент Ю.А. *Общая и политическая полиция России (1900–1917 гг.).* – Рязань, 2001. – 286 с.; Щеголев П.Е. *Охранники и авантюристы: Секретные сотрудники и провокаторы.* – М., 2004. – 459 с. и др.

18. См.: *Министерство внутренних дел, 1802–1902: Исторический очерк. Репринтное издание.* – М., 2002. – С. 110.

После Февральской революции 1917 г. Временное правительство 9 марта 1917 г. приняло «Положение о Чрезвычайной следственной комиссии» для рассмотрения дел о должностных преступлениях, многие из которых носили политический характер, бывших царских министров, главноуправляющих и других высших государственных лиц. Примером тому может быть дело бывшего военного министра Сухомлинова, обвинявшегося в государственной измене, злоупотреблении и превышении должностных полномочий. Кроме того, рассматривались также дела бывшего военного министра Беляева, бывшего жандармского генерала Комиссарова, начальника полиции Трусевича и др. 14 апреля 1917 г. были созданы Особые следственные комиссии для рассмотрения дел о злоупотреблениях в военном и морском ведомствах. Начиная с 10 июня 1917 г. права Чрезвычайной следственной комиссии и Особых следственных комиссий были существенно расширены. В частности, им теперь разрешалось рассматривать дела не только должностных лиц свергнутого царского режима, но и действовавших уже при новом режиме. Необходимо отметить, что данные чрезвычайные комиссии были ликвидированы советской властью только в январе 1918 г.

20 декабря 1917 г. была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК), являвшаяся чрезвычайным органом, направленным на борьбу с политическими противниками советской власти. В губерниях и уездах создавались соответствующие Чрезвычайные комиссии, а в Красной Армии и на Флоте – Особые отделы. ВЧК вскоре сосредоточила в своих руках розыск, следствие, вынесение и исполнение приговора. И.Б. Усенко справедливо отмечает, что «написать правдивую историю органов государственной безопасности (от ВЧК до КГБ) невозможно без ответа на кардинальный вопрос: какой политический и правовой механизм привел к перерождению органов защиты революции в орудие, направленное в печально известные времена непосредственно против собственного народа»¹⁹.

В соответствии с декретом ВЦИК РСФСР от 6 февраля 1922 г. ВЧК была преобразована в Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. Первоначально в отличие от ВЧК органы ГПУ не наделялись чрезвычайными полномочиями. Однако в соответствии с декретом ВЦИК от 10 августа 1922 г. учреждалась Особая комиссия при НКВД РСФСР под председательством наркома внутренних дел и с участием представителей НКВД и НКЮ, получившая право применять административную высылку в определенные местности РСФСР на срок до трех лет или за границу за контрреволюционные выступления. Затем 16 октября 1922 г. эта комиссия по декрету ВЦИК получила право отправлять в лагеря на срок до трех лет членов политических партий,

19. Усенко И.Б. *Внесудебная репрессия. Как это начиналось // Коммунист Украины*. – Киев, 1990. – № 2. – С. 43.

выступавших против советской власти, и дважды осужденных по определенным 14 статьям Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. В соответствии с данным декретом ГПУ было предоставлено право внесудебной расправы, включая и расстрел в отношении тех лиц, которые были взяты с поличным на месте преступления в ходе бандитских налетов и вооруженных грабежей.

2 ноября 1923 г. ЦИК СССР учредил Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР. В союзных республиках ОГПУ имело своих уполномоченных, а в армии и на флоте – особые отделы. В соответствии с Постановлением ЦИК СССР от 15 ноября 1923 г. коллегии ОГПУ предоставлялось право рассматривать дела с применением любых репрессивных мер.

28 марта 1924 г. издается Особое совещание при ОГПУ, состоявшее из трех членов коллегии ОГПУ при участии Прокурора СССР. Аналогичные совещания создавались и при ГПУ союзных республик. Однако только Особому совещанию при ОГПУ СССР принадлежало исключительное право высылки за границу и заключения в концлагеря. Если же такое решение принимало Особое совещание при ГПУ союзной республики, то оно могло вступить в силу лишь после утверждения Особым совещанием ОГПУ СССР. «Тройки» сыграли свою положительную роль в 20-е годы, например в борьбе с фальшивомонетничеством. При очередной реформе органов безопасности 6 февраля 1922 г. «тройки» были ликвидированы, – указывает О. Мозохин, «но постепенно с 1923 г. они воссоздаются и продолжают функционировать вплоть до 1938 г. включительно»²⁰.

13 августа 1926 г. Президиум ЦИК предоставил ОГПУ право запрещать отбывшим срок административной высылки въезд в Москву и Московскую губернию. 4 апреля 1927 г. Президиум ЦИК СССР предоставил ОГПУ право рассматривать во внесудебном порядке дела, связанные с диверсиями, поджогами, взрывами и повреждением машинных установок, с применением в отношении совершившим такого рода преступления высшей меры наказания. 9 июня 1927 г. были предоставлены такие же права и в отношении бывших белогвардейцев, бандитов и шпионов.

В соответствии с решением Президиума ЦИК СССР от 3 февраля 1930 г. ОГПУ было предоставлено право в связи с проведением кампании по «ликвидации кулачества» делегировать свои полномочия по внесудебному рассмотрению дел краевым и областным органам ОГПУ при условии, что в состав «троек» обязательно включались представители краевых и областных комитетов ВКП(б). ОГПУ было упразднено в соответствии с постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 г., когда был создан общесоюзный Народный комиссариат

20. Мозохин О. *Вся страна – концлагерь (Правовое регулирование внесудебных полномочий ГПУ-ОГПУ // Закон и право. – М., 1999. – № 10. – С. 42.*

внутренних дел (НКВД). В его состав было включено ОГПУ СССР, преобразованное в Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). ГУГБ играло важную роль в структуре НКВД СССР, занимаясь разведывательной деятельностью, вопросами политического контроля и политического розыска. Хотя оно и подчинялось Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с И.В. Сталиным, в основу его деятельности были положены не нормы права, а административный произвол. Так, в 1934 г. при наркомате внутренних дел было создано Особое совещание, которому было предоставлено право применять в административном порядке ссылку и заключение на срок до пяти лет. Затем в соответствии с Инструкцией НКВД СССР от 27 мая 1935 г. при органах внутренних дел республик, краев и областей создавались «тройки» с правами Особого совещания. В инструкции, в частности, подчеркивалось: «Решение тройки, при отсутствии возражений прокурора, приводится в исполнение немедленно, а протокол направляется на утверждение ОС НКВД»²¹. Причем в последнем параграфе данного документа настоятельно рекомендуется «тройкам» при рассмотрении дел руководствоваться соответствующей инструкцией ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Следует отметить, что руководители партии и правительства активно участвовали в проведении политических репрессий и в вынесении конкретных приговоров. Об этом красноречиво свидетельствует Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О троцкистах» от 20 мая 1936 г. В нем указывается следующее: «Ввиду непрекращающейся контрреволюционной активности троцкистов, находящихся в ссылке и исключенных из ВКП(б), предложить НКВД:

1) 583 человека троцкистов, находящихся в ссылке, срок высылки которых истекает не ранее чем через 2 года, а также 23 человека, находящихся в режимных пунктах, изъять и решением Особого совещания НКВД заключить в отдаленные концлагеря на срок от трех до пяти лет;

2) исключенных из ВКП(б) троцкистов, проявляющих враждебную активность, проживающих в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Днепропетровске, Одессе, Свердловске, Тифлисе, Баку, Минске, Смоленске, Саратове, Сталинграде, Ярославле, Горьком, решением Особого совещания НКВД СССР заключить в отдаленные концлагеря на срок от трех до пяти лет;

3) всех арестованных НКВД троцкистов, уличенных следствием в причастности к террору, предать суду Военной Коллегии Верховного Суда с применением к ним в соответствии с законом от 1.XII.1934 г. – расстрела»²². Это

21. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семизин Г.Ю. Судебная власть в России: История, документы. – М., 2003. – Т. V. – С. 332.

22. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. – М., 2003. – С. 756.

позволяет нам полностью согласиться с утверждением о том, что в 30-е годы «приговоры в действительности выносились не судом, а Политбюро (или лично Сталиным), суд же их только озвучивал»²³.

30 июля 1937 г. «тройкам» в республиках, краях и областях в составе первого секретаря партийного комитета, начальника управления внутренних дел и прокурора предоставлялось право выносить приговоры без ограничений. Затем в соответствии с Приказами НКВД СССР от 11 августа и 20 сентября 1937 г. рассмотрение дел по спискам обвиняемых предоставлялось право осуществлять уже «двойками» без участия прокурора. 26 ноября 1938 г. «тройки» и «двойки» были упразднены.

Деятельность ВЧК, ГПУ, ОГПУ и НКВД по борьбе с противниками политического режима нашла отражение в многочисленных работах²⁴. Следует особо выделить работу А.Г. Звягинцева и Ю.Г. Орлова, в которой на основе архивных материалов и обширных документальных публикаций рассматривается деятельность российских и советских прокуроров в 1937–1953 гг., в период массовых политических репрессий²⁵.

«В СССР политическая юстиция, как особая система государственного принуждения, стала изживать себя, — отмечают В. Кудрявцев и А. Трусов, — после Второй мировой войны — к середине XX в.»²⁶. Меры по закреплению ряда демократических принципов в новом уголовном законодательстве, принятые во второй половине 50–60-х годов, свидетельствуют об этом. Однако в сфере политических преступлений эти меры были достаточно ограниченными и непоследовательными. Так, в 1966 г. в Уголовный кодекс РСФСР была вне-

23. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. *Судебная власть в России. История, документы*. — М., 2003. — Т. V. — С. 372.

24. См.: ВЧК-ГПУ: *Документы и материалы* / *Ред.-сост. Фельштинский Ю.Г.* — М., 1995. — 272 с.; Епифанов А.Е. *Карательная практика Особого совещания НКВД-МВД-МГБ СССР по делам лиц, обвиняемых в военных преступлениях* // *История органов внутренних дел России*. — М., 2002. — Вып. 5. — С. 99–108; *Красный террор в годы гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии* // *Вопросы истории*. — М., 2001. — № 7–9; Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ, 1917–1960: *Справочник* / *Сост.: Кокурин А.И., Петров Н.В.* — М., 1997. — 349 с.; Лубянка. *Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД: Архив Сталина: Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936* / *Сост.: Хаустов В.Н., Наумов В.П., Плотникова Н.С.* — М., 2003. — 912 с.; Мозохин О.Б. *Вся страна — концлагерь: Правовое регулирование внесудебных полномочий ГПУ-ОГПУ* // *Закон и право*. — М., 1999. № 10. — С. 40–44; Петров М.Н. *ВЧК-ОГПУ: первое десятилетие: (На материалах Северо-Запада России)*. — Новгород, 1995. — 162 с. и др.

25. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. *Приговоренные временем: Российские и советские прокуроры. XX век. 1937–1953 гг.* — М., 2001. — 536 с.

26. Кудрявцев В., Трусов А. *Политическая юстиция в СССР*. — М., 2000. — С. 319.

сена новая статья (193-1), в соответствии с которой уголовному преследованию подвергались лица за систематическое распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй²⁷.

Таким образом, система политической юстиции в СССР стала трансформироваться после смерти И.В. Сталина, когда начали упразднять ее отдельные функции и полномочия, передавая их в ведение органов общей юстиции. Тем не менее «организационный распад этой системы произошел уже в 90-х годах при ликвидации КГБ, провозглашении независимости “третьей власти” – судебной, а также в процессе многолетнего изменения уголовного и уголовно-процессуального законодательства»²⁸.

В целом исторический опыт свидетельствует о том, что в условиях абсолютной монархии и тоталитарных режимов, в годы революций, гражданских и мировых войн, а также на этапе перехода от одного общественно-политического строя к другому в России непременно возникали органы политической юстиции, наделявшиеся функциями внесудебной расправы и полностью игнорировавшие действовавшие в стране законодательные акты. В тех случаях, когда государство ослабляло контроль за их деятельностью, разворачивались массовые политические репрессии, жертвами которых становились сотни тысяч ни в чем не повинных людей, как это было в СССР в 30-е годы.

Политическая юстиция не является чисто российским явлением. Она имела место и в зарубежных государствах на различных этапах их развития. Так, например, в годы Великой французской революции был учрежден Революционный трибунал с правом ускоренного судопроизводства, приговоры которого считались окончательными, а единственной мерой наказания в отношении осужденных была смертная казнь. Кроме того, особую роль в период якобинской республики играли комиссары Конвента, наделявшиеся чрезвычайными полномочиями. Они направлялись в наиболее опасные департаменты страны для подавления мятежей и обеспечения населения продовольствием. За невыполнение их распоряжений полагалась смертная казнь. В 1933 г. в Германии было создано гестапо, представлявшее собой тайную государственную полицию, которая развернула в стране, а после начала Второй мировой войны и на оккупированных территориях массовый политический террор.

Изучение данного явления в истории отечественного государства и права имеет важное значение. С одной стороны, оно позволяет открыть неизвестные ранее страницы прошлого, так как архивные документы по данной теме в течение длительного времени были недоступны широкому кругу исследователей. С другой стороны, усвоение исторического опыта, выявление места и роли пред-

27. Кудрявцев В., Трусов А. *Политическая юстиция в СССР*. – М., 2000. – С. 323.

28. Там же. – С. 346.

ставительных органов власти, правительства России и их отношения к учреждениям политической юстиции должно способствовать тому, чтобы в будущем, основываясь на трагических уроках прошлого, была бы исключена сама возможность восстановления политической юстиции. В связи с этим возникает ряд аспектов данной темы, которые требуют углубленного исследования. К ним следует прежде всего отнести:

- отношение Сената и Юстиц-коллегии к таким органам политической юстиции, как Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Канцелярия тайных розыскных дел;

- место и роль Тайной экспедиции Сената в системе представительных органов власти России (1762–1801);

- Министерство юстиции Российской империи и Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии (1826–1880);

- Министерство юстиции России и Особое совещание при министре внутренних дел (1880 – февраль 1917 г.);

- правовые основы становления и развития органов политической юстиции в России (2-я половина XVI – начало XX в.);

- социалистическое правосознание и правовые основы политической юстиции в СССР (1917–1941) и др.

На развитие современных государств в последние годы оказывают большое влияние серьезные глобальные вызовы (международный терроризм, техногенные катастрофы, угроза распространения оружия массового поражения и др.), требующие нового осмысления и адекватных противодействий. Принятие соответствующих мер, способных обеспечить безопасность своих граждан, может подтолкнуть руководство некоторых стран к созданию особых органов с наделением их чрезвычайными полномочиями. Ослабление контроля за деятельностью этих органов со стороны государства и гражданского общества неизбежно приведет к перерождению их в органы политической юстиции.

В современной Российской Федерации прямой угрозы для такой трансформации в настоящее время нет. Тем не менее в соответствии с утвержденным президентом РФ 6 марта 2006 г. Федеральным законом «О противодействии терроризму» специальные службы получили право прослушивать телефонные переговоры, а войска ПВО – сбивать самолеты, захваченные террористами. Кроме того, незадолго до этого В.В. Путин подписал указ о создании Национального антитеррористического комитета (НАК) во главе с директором ФСБ. По данному указу в руках НАК концентрируются большие полномочия. Отныне спецслужбы, основываясь на необходимости введения режима контртеррористической операции, получили право без дополнительных санкций прослушивать или отключать телефоны, объявлять закрытыми зонами улицы и целые кварталы, беспрепятственно проникать в любые жилые помещения и организации. В дан-

ном случае мы являемся свидетелями появления в нашей стране фактически чрезвычайного органа, ставшего теневой структурой по отношению к силовому блоку правительства, нормативных правовых актов, в результате применения которых будет приостановлено действующее российское законодательство. Будем надеяться, что необходимость повышения эффективности взаимодействия силовых структур в борьбе против терроризма не приведет к применению Национальным антитеррористическим комитетом огромных полномочий не по назначению.

Говоря о главных задачах, стоящих перед правоохранительными структурами страны, Президент РФ В.В. Путин подчеркивал, что «мотивация сотрудников этих органов должна быть прежде всего связана с качеством защиты прав и свобод граждан»²⁹.

Для нас очевидно, что только сбалансированное функционирование законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, а также их постоянное взаимодействие с организациями гражданского общества позволят избежать в современной России возрождения органов политической юстиции.

29. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию. 2005. – М., 2005. – С. 10.

Е. Г. Плимак

ПОЧЕМУ УДАЛСЯ ЛЕНИНСКИЙ НЭП И ОКОНЧИЛАСЬ КРАХОМ ПЕРЕСТРОЙКА ГОРБАЧЁВА

Плимак Евгений Григорьевич –
доктор исторических наук,
научный сотрудник ИКСИ РАН.

Нэп как «самотермидоризация» по Ленину

Еще в 1966 г. историк-методолог М.Я. Гефтер «открыл» для современного ему отечественного читателя интереснейшее воспоминание французского коммуниста Жака Садуля. В те времена любой сравнительный анализ событий во Франции 1789–1794 гг. и Октябрьской революции 1917 г. в России, тем более анализ событий 1937–1938 гг. в СССР был историкам строжайше запрещен: какое еще сравнение может быть между «буржуазной» и «социалистической» революциями? В «советской исторической науке» насаждались те же, что и Кратком курсе «концепции», сохранялся сталинский Главлит. Задумали даже заводделом науки ЦК Трапезников и его «родственничек» генсек Брежнев само понятие «культы личности» на XXIII съезде КПСС отменить, но почему-то затея сорвалась¹.

Приведем слова, сказанные в 1921 г. Лениным Жаку Садулю: «Рабочие-якобинцы более пронизательны, более тверды, чем буржуазные якобинцы и имели мужество и мудрость сами себя термидоризовать!»². Именно от этого высказывания и произойдет в эпоху «гласности» Горбачёва категория «самотермидоризации» Гефтера.

Творя в 1921–1923 гг. концепцию нэпа (по Гефтеру – «самотермидоризацию»), Ленин постоянно занимался **сравнительным анализом** именно Термидора во Франции XVIII в. и событий в Советской России 1921 г.; тогда такое сравнение было естественным. В их совокупности ленинские важнейшие наметки-сравнения и были приведены в 1989 г. автором данной статьи:

1. См. об этом: Плимак Е. *На войне и после войны. Записки ветерана.* – М., 2005. – С. 124–155.

«1. Общеполитическое значение этого вопроса: = вопрос о *крестьянской* (мелкобуржуазной) *контрреволюции*

Такая контрреволюция стоит уже против нас

2. Теоретический экскурс

(а) буржуазная или социалистическая революция? *Решит борьба...*».

И еще: «Политическая сторона:

Скинет мелкобуржуазная стихия...

«Образец» французская революция...»

И еще: «Стихия»

C'est le mot (Вот слово. – Е.П.)

1794 versus 1924» (выделено мной. – Е.П.)

И еще: «Термидор»? *Трезво может быть, да? Будет? Увидим! Не хвались, едучи на рать*»³. С тех пор вышло множество работ о нэпе, но нэп в **международном контексте** почти никто не рассматривал!

Определение «самотермидоризация» в книге Гефтера «Из тех и этих лет», аргументированно им обоснованное⁴, почти не привилось ни у нас, ни в мировой науке. С настороженностью его принял Эрик Хобсбаум⁵. Упоминает о «самотермидоризации» как-то мимоходом в книге «Большевики-якобинцы и призрак Термидора» Тамара Кондратьева (перевод с французского), но ставит некую псевдопроблему: «Был ли нэп термидором?»⁶. В книге венгерского историка Тамаша Крауса «Советский Термидор: Духовные предпосылки сталинского поворота (1917–1928)» мы не находим никаких ссылок на работы Гефтера⁷. В книгах Троцкого «Преданная революция» и «Сталин» (т. 1–2), написанных во второй половине 30-х годов и вышедших у нас в начале 90-х, есть главы о сталинском «Термидоре», но ничего о «самотермидоризации». Так что нам придется начать разговор заново.

Известный специалист по «военному коммунизму» Е.Г. Гимпельсон незадолго до своей кончины издал книгу «НЭП. Новая экономическая политика

2. См. «Иностранная литература». – М., 1966. – № 4. – С. 236.

3. Плимак Е. *Политическое завещание Ленина. Истоки, сущность, выполнение.* – М., 1989. – С. 192; Его же. *Политик переходной эпохи. Опыт Ленина.* – М., 2004. – С. 248 и далее (у самого Ленина см. Полн. собр. соч., т. 43, с. 371, 385, 386, 403).

4. Гефтер М.Я. *Из тех и этих лет.* – М., 1991. – С. 61–62, особенно с. 252–259, 414 и др.

5. Хобсбаум Э. *Эхо «Марсельезы». Взгляд на Великую французскую революцию через двести лет.* Дейгер И. *Незавершенная революция. Россия 1917–1967.* – М., 1991. – С. 81 и др.

6. Кондратьева Т. *Большевики-якобинцы и призрак Термидора.* – М., 1993.

7. Краус Т. *Советский Термидор: Духовные предпосылки сталинского поворота (1917–1928).* – Будапешт, 1997.

Ленина-Сталина». Удивительно то, что в заголовке автор объединил воедино Ленина, который был **творцом** нэпа и Сталина, который был **«похоронщиком»** нэпа, ведь в итоговой части он констатирует: «сталинский “антинэповский” курс был направлен против ленинского курса на переход к нэпу и его развитию»⁸. О «самотермидоризации» мы у него ничего не находим; не упоминает он и о двух новых важных работах – «Россия нэповская. Исследования» (М., 2002, руководитель авторского коллектива С.А. Павлюченков) и «Другой социализм» Ю.Г. Буртина, опубликованной в сборнике «Красные холмы» (1999) и включенной в вышедшую уже посмертно книгу «Исповедь шестидесятника» (2003) с подзаголовком «Октябрь, НЭП и “Завещание” Ленина в исторической перспективе». Неловко полемизировать с ушедшим в мир иной историком, но поскольку, во-первых, его книга увидела свет лишь два года назад, а во-вторых, важно сравнить позиции двух покойных авторов, чтобы читатель сориентировался относительно того, какой из них следует довериться, укажем, что Е.Г. Гимпельсон не отделяет работы Ленина первых лет нэпа с их принципом: *жесткость в политике, либерализм в экономике* от ленинского «завещания», которое Ю.Г. Буртин великолепно исследовал. После решения экономических проблем Ленин задумался о переменах в «нашем политическом строе», говорил даже о некоем «другом социализме» – эту его концепцию Бухарин будет детально разбирать в 20-е годы. Хорошо известно, что первой и главной мерой нэпа была замена продразверстки продовольственным налогом, который был *почти вдвое меньше*, а затем был *снижен до 10% урожая* и заменен *денежным налогом*. Радикальнейшие изменения происходили в городах – к концу 1922 г. около 90% промышленных предприятий были объединены в 421 трест, 40% осталось в центральном подчинении, 60% отдала в местное. Тресты сами решали, что производить и где реализовывать продукцию, как находить финансовые ресурсы. Тресты охватывались рамками концернов, но входящие в них заводы после взносов в госбюджет сами распоряжались прибылью, а ВСНХ стал неким общероссийским координационным центром, не вмешиваясь в дела предприятий⁹. Именно так появился хозрасчет. Ленин прямо писал: «Государственные предприятия переводятся на так называемый хозяйственный расчет, то есть по сути дела в значительной степени на коммерческие и капиталистические (!) начала»¹⁰. Можно утверждать, что на XI съезде партии он чуточку хитрил – успокаивал нетерпеливых коммунистов, привыкших все решать насильем, методами «военного коммунизма», мол, скоро все это «нэповское» кончится!

8. См.: Гимпельсон Е. *Новая экономическая политика Ленина-Сталина. Проблемы и уроки (20-е годы XX в.)*. – М., 2004. – С. 300.

9. См.: *Россия нэповская. Исследования*. – М., 2002. – С. 9–11.

10. Ленин В.И. *Полн. собр. соч.* – Т. 44. – С. 32.

Введенный Лениным в России в условиях тяжелейшей Гражданской войны «военный коммунизм» (1918–1920), с одной стороны, диктовался необходимостью – как-то надо было кормить население в условиях блокады и чрезвычайной ситуации; с другой стороны, в нем проявились ошибочная поспешность РКП(б), стремление сразу ввести насильственным путем в стране совершенно новые коммунистические порядки. Весь этот «военный коммунизм» был решительно отвергнут крестьянством после того, как РККА победила «белых» генералов в жесточайших схватках Гражданской войны¹¹.

Начавшаяся «крестьянская контрреволюция» (это термин Ленина), более опасная, чем все белые генералы вместе взятые, одновременно с восстанием недовольных матросов в Кронштадте с их лозунгом «Советы без коммунистов!», делали ситуацию в стране просто отчаянной. Ленин созывает срочно X съезд РКП(б). Непосредственная угроза Термидора – делегаты съезда участвовали в подавлении мятежного Кронштадта – заставила его объявить «новую экономическую политику», НЭП. Вернее объявить поиск нового решения в обстановке, уже лишенной серьезных помех. И через год выход был найден (после ряда неудач и окончания страшного голода в Поволжье и на юге). Оставшийся у крестьян хлеб разрешили свободно продавать (что ранее беспощадно каралось), на вырученные деньги они стали поднимать свое хозяйство, разоренное в годы Гражданской войны.

Суть нэпа состояла в допущении двух, казалось бы, взаимоисключающих укладов, причем капитализм (его возрождала крестьянская продажа хлеба в деревне и «нэпманы» в городе) ставился на службу «социализму» – на деле госкапитализму, представленному крупными национализированными предприятиями. Средние и мелкие стали денационализировать – возникла запрещенная ранее частная промышленность, пришлось открыть биржи, допустить участие «нэпманов» в товарообороте. В «осередняченной» постоянными разделами деревне рождалось «мелкобуржуазное» хозяйство, наиболее рачительные крестьяне превращались в «сельских буржуа», пользовались разрешенным «наемным трудом» бедноты, хотя в общем-то появившиеся «кулаки» составляли ничтожную часть деревенского населения.

«Хозрасчетные» капиталистические отношения проникли в «социалистическую» крупную промышленность; благодаря внедрению хозрасчета промышленность стала приносить куда большую прибыль, чем было до этого, рабочих перевели с натуральной оплаты на сдельную, денежную зарплату. Учитесь «оживлять капитализм», учитесь «торговать» – призывал коммунистов Ленин. Для многих из них все это, как и богатеющие «нэпманы», стояло поперек горла,

11. См. лучшее пособие по истории Гражданской войны: Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 1: 1917–1918 гг.; Т. 2: 1919–1920 гг.; переиздано: М., 1990.

коммунисты совершали самоубийства и выходили из РКП(б), но Ленин от нэпа ни на пядь не отступал!

К 1925–1926 гг., уже после смерти Ленина, страна, благодаря нэпу, стала выходить на довоенный уровень развития (1913), ожило население в городе и деревне, измученное Первой мировой и Гражданской войнами.

Партия видела это, но разными глазами. Бухарин, как известно, выступал против взятия какой-либо «дани» с крестьян; Преображенский, напротив, стоял за ужесточение налогов на сельское хозяйство. Как подчеркнул Ю.Г. Буртин, Ленин сумел ввести нэп благодаря своему *непререкаемому авторитету в партии* – она пошла за ним. Тот же Буртин предположил в работах конца 90-х годов, что нэп должен был стать *конвергентной (т.е. лишенной резких социальных антагонизмов) системой*, объединив тем самым тезис о конвергенции, отстаивавшийся еще в конце 60-х годов академиком Сахаровым, с ленинским Завещанием. Но это можно было сделать только на бумаге, да и то в условном наклонении. На Западе конвергенционистские посылки стали озвучиваться еще в годы Второй мировой войны, которая свела в один лагерь США и Советский Союз, но затем, по мере усиления холодной войны, позиции конвергенционистов стали ослабевать. В СССР же, с началом горбачёвской «перестройки», напротив, идеи сближения социальных систем получили новый импульс. Этому импульсу последовали Юрий Буртин, Михаил Гефтер, Григорий Водолазов, Евгений Плимак, Игорь Пантин, некоторые другие обществоведы. В своей работе о Бухарине известный советолог Стивен Коэн справедливо отмечал, что при Ленине «к концу 1923 года в Советской России сложилась одна из современных тогда (да и потом. – Е.П.) экономических систем»¹². Брли кое-что из ленинского наследия времен нэпа на Западе и социал-демократы, Швеция в 1932 г. здесь стала образцом.

Вопрос о том, был ли нэп вообще пригодным для строительства социализма в СССР, остро встал в связи с предстоящим переходом к периоду реконструкции, восстановления и модернизации промышленности и сельского хозяйства. А в годы «перестройки» стали появляться многочисленные работы на тему о том, надо ли было ломать нэп ради разрушительной для деревни насильственной коллективизации (сопровождавшейся забоем скота крестьянами, падением урожайности) и сверхспешной со страшными рывками (от 45% взлета до 5% спада в первую пятилетку) индустриализации.

Нет никаких свидетельств, что под нэпом и «термидором» Ленин имел в виду возврат к капитализму в масштабах всего общества; напротив, он подчеркивал, что «из России нэповской будет Россия социалистическая» (последняя

12. Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. – М., 1988. – С. 158.

публичная речь на Пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г.). Но при этом методы действия партии мыслились исключительно как «реформаторские», «постепеновские». Сам переход крестьянства к новым порядкам, подчеркивал Ленин, должен быть совершен «путем возможно более *простым, легким и доступным для крестьянина*»¹³. Говоря о том, что назрел «ряд перемен в нашем политическом строе», а не только в экономике, он планировал **целую эпоху** «мирного культурничества» (*минимум одно-два десятилетия*). Сумеет ли, однако, РКП(б) верно провести перемены? Здесь его одолевали большие сомнения: «нам бы для начала достаточно буржуазной культуры, нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур добуржуазного порядка, т.е. культур чиновничьей и крепостнической». Увы! Не обошлось!

Волновала Ленина недорешенность национального вопроса в России, ведь наш пример мог определить «завтрашний день» пробуждающегося Востока при появлении подобия «социального мира» на Западе¹⁴.

Мы бы сказали вслед за Гефтером, что это была оставленная РКП(б) Лениным открытая модель. «Самотермидоризация» как ленинский «*выбор*» и «*выход*», «*нэповская альтернатива Октябрю, как новая мировая политика* – это не только заключительный аккорд, но и лейтмотив его (Ленина. – Е.П.) прикидок, решений, расхождений и столкновений с близкими. Мысль, разраставшаяся в одиночестве, предшествующем безмолвию»¹⁵.

Термидор по Сталину

Сработала ли ленинская идея «самотермидоризации» в России? Только на некоторое время. Поскольку нэп дал возможность большевикам удержать власть в руках в критическое время 1921–1923 гг. и произвести быстрое восстановление хозяйства страны до довоенного уровня к середине 1920-х годов, идея оказалась содержательной и верной. Но в целом стратегия постепенного, реформистского продвижения к социализму не выдержала испытания – «аппарат», находившийся целиком в руках Сталина с его «необъятной властью» (Ленин) развивался в сторону сверхцентрализации, тоталитарного государства с абсолютным единоначалием «вождя». Насильственно проведенная поголовная коллективизация и частичная (при сохранении до 50% ручного труда) и ультра-спешная – с рывками индустриализация, решавшая прежде всего проблему создания ВПК, оказались совершенно несовместимыми с подъемом благосостояния широких масс населения. А борьба за власть в верхушке РКП(б) развер-

13. См. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 45. – С. 370, 376, 389–406 и др.

14. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 45. – С. 309, 343, 362, 389 и др.

15. Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. – М., 1991. – С. 252, 254.

нулась еще при жизни Ленина и привела к совершенно иному термидору – термидору 1927–1938 гг. и последующих лет, к физическому уничтожению Сталиным всех ленинских соратников в Политбюро, избиению почти всей ленинской партийной гвардии, невиданному разгулу террора в стране.

В интересной статье «Ленин – большевизм – русская революция» И.К. Пантин приходит к выводу, что «переход к социализму, поскольку он был продуманной стратегией, включал в себя... различия, разные подходы... не говоря уже об учете местных особенностей в отношении к труду, собственности и т.д.». Словом, единой универсальной формулы перехода России – «Мира миров» – к современной цивилизации не существовало. Ленинская идея «самотермидоризации» как отхода от военного, казарменного коммунизма/социализма, оказалась чуждой для большевиков, чей менталитет сложился именно в эти годы. Они по-прежнему верили в созидательную роль насилия. За это страна заплатила другим кровавым термидором, который под флагом продолжения революции смел с политической арены прежнюю партию идейных функционеров и заменил ее партией державной номенклатуры. Сталинский – антиленинский, антинэповский термидор не был случайностью, но и не вытекал с неизбежностью из условий постоктябрьского развития. «Сталин явился представителем не рассудка победившей пролетарско-якобинской революции, а ее суеверий, не трудного, но трезвого понимания вещей, а ее опьянения от завоевания власти путем насилия». Сталин выражал в политике интересы привилегированной номенклатуры, хотя и невероятно помыкал ею¹⁶.

«Перестройка» как вторая «самотермидоризация»

«Перестройка», полагает Н.И. Рыжков, началась не в 1985, а в 1982 г.¹⁷, когда новый генсек Андропов привлек его и Горбачёва к выработке плана модернизации страны. Затем, после быстро последовавшей смерти Андропова и Черненко, оба реформатора – не без труда – стали во главе государства: Горбачёв – генсеком, Рыжков – председателем Совмина. Коренные преобразования сферы экономики и политики были неизбежны, и дело было пошло на лад: Рыжков ликвидировал сверхцентрализацию Совмина, начался рост производства. Но тут случилось страшное землетрясение в Армении, произошел взрыв на АЭС в Чернобыле, и стали бурно разгораться националистические страсти из-за конфликта между Нагорным Карабахом и Азербайджаном, затем в Прибалтике. Эти катастрофы и провалившаяся антиалкогольная кампания привели

16. См.: *Вопр. философии*. 2005. – № 4.

17. Рыжков Н. *Перестройка: История предательства*. – М., 1992. – С. 33.

к огромному бюджетному дефициту, который мог быть покрыт только с помощью иностранных займов.

Упоминавшаяся выше ленинская тактика проведения нэпа – *жесткость в политике, либерализм в экономике* – была вообще неизвестна Горбачёву. Да и Запад предоставлял ему займы в порядке обмена на либеральные реформы СССР в политике (демократизация, свобода печати, соблюдение прав человека, выборы в парламент и проч.). Изменить условия этого негласного обмена Горбачёв не мог. Вместо объявленной им «революции сверху», поддержанной «революцией снизу», «наверху» нарастали разногласия и склоки, а «внизу» обнаружился настоящий хаос. Мастер блестящих речей, но предельно нерешительный политик, неспособный решить проблему национальных отношений, снявший с себя ответственность за тбилисский погром, нападение на литовское телевидение и т.п., Горбачёв пытался выехать на «компромиссах» внутри страны и постоянных обращениях к Западу. На поездки на Запад время всегда находилось, а вот на реорганизацию КПСС, в которой прогнила вся «верхушка» и были безгласными, лишёнными всех прав члены партии, времени не хватило.

Посол США в Москве Мэтлок, который за всеми перипетиями перестройки следил пристально и готовил каждую встречу Горбачёва сначала с Рейганом, затем с Бушем, заметил: «Если свобода слова, печати и собраний действительно будет гарантирована, если будут дозволены выборы со многими кандидатами и тайным голосованием, если принципы судебной независимости будут закреплены в законе, тогда я не сомневался – вскоре придет конец монополии Коммунистической партии на власть», а затем на волне растущего национализма наступит и «смерть Империи» (чему он, кстати, и сам немало поспособствовал, постоянно принимая и одобряя действия прибалтийских политиков и общественных деятелей)¹⁸.

Н.И. Рыжков в своей книге «Перестройка: история предательств» предельно осторожен, рисуя возникший в стране хаос, он не называет никаких имен и сил, на этом хаосе спекулировавших, но развал страны описывает точно: «Сепаратистские движения, густо замешанные на национализме, борьба демократических сил с Центром, которому приписывались имперские устремления, привели к распаду государства... Разрушительные действия оказались сильнее созидательных... Между тем, что задумывалось вначале, и тем, к чему мы пришли, – дистанция огромного размера. Мы сдавали идею перестройки национальным амбициям, забастовочным требованиям, «популистским обещаниям странствующих и путешествующих», крикам оппозиции, проклятой необходи-

18. См.: Мэтлок Дж. Ф. *Смерть Империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза* – М., 2003. – С. 12, 46–47, 56, 60, 61, 76–77, 84, 85–86, 91, 92, 93, 100, особенно 101, 123–127, 141–144 и др.

мости эмиссии денежной массы, всяким нехваткам и недостаткам, плановым корректировкам, митинговым страстям... И что осталось в итоге... Все это можно назвать мелкими уступками конъюнктурного времени, но я **называю это предательством тех постулатов... под которыми готов подписаться и сегодня**¹⁹. Кто совершил это предательство, кого имеет в виду Рыжков, конечно же, ясно – тех, кто срывал попытки Горбачёва предотвратить раскол СССР. Была достигнута, к примеру, договоренность обсудить так называемую «Программу 500 дней» – Рыжков считал ее негодной и не щадящей населения, но главным было – сберечь СССР. У меня сохранился экземпляр «Программы...», на титульном листе все обозначено: «Рабочая группа, образованная совместным решением М.С. Горбачёва и Б.Н. Ельцина». Но что сделал Ельцин? Не дожидаясь никаких встреч и обсуждений, в качестве Председателя Верховного Совета России приказал премьеру Российской Федерации Силаеву начать проведение Программы в жизнь на российской территории. А от имени кого выступали три политика, тайком принимавшие решение в Беловежской Пуще (оно было почти все всякого ГКЧП)? – Сговор Ельцина, Шушкевича, Кравчука был сговором за спиной народа, допущены были только ближайшие изготовители бумаг – Бурбулис, Козырев, Шахрай и Гайдар; последний обессмертил свое имя, написав в книге «Дни поражений и побед»: **«Мне идея (раскола единого экономического организма СССР; выделено мной. – Е.П.) показалась разумной»** – можно было «отстраивать государственность» теперь уже независимых стран²⁰. Да ведь большинство из них сразу же откатились на последние по всем показателям места в мире, что тут было «отстраивать» и каким образом?

Объективно: какой бы строй ни восторжествовал в России, раскол единого экономического организма на «суверенные» куски был предательством перед народами СССР, на референдуме подтвердившими свою приверженность единому государству. Но можно и должно сказать пару слов о моменте субъективном – прямом и несомненном сговоре Ельцина с Бушем. Итальянский историк Джузеппе Боффа, сообщая о единоборстве Ельцина с ГКЧП, пишет: «Ельцин даже наладил связь с Бушем, который на базе получаемых с американских спутников сведений, информировал его о военных передислокациях, осуществляемых противником (!?)»²¹; оказывается, Ельцин-Буш вели совместную борьбу!

Под заголовком «С 1983 Горбачёв вел двойную игру» во французском журнале «Figaro Magazine» 22 февраля 2001 г. было опубликовано интервью с

19. Рыжков Н. Указ. соч. – С.

20. Гайдар Е. Дни поражений и побед. – М., 1996. – С. 149.

21. Боффа Д. От СССР к России. История неоконченного кризиса 1964–1994. – М., 1996. – С. 241.

одним из, как выразился журнал, «могильщиков Советского Союза» Александром Яковлевым.

Корр. Что Вы скажете об эволюции России после распада Советского Союза?

Яковлев. Я продолжаю удивляться тому, что в стране, где насилие является традицией, падение прежнего режима произошло без кровопролития. Я не ожидал, что изменения произойдут так быстро: свобода слова, свобода печати, окончание холодной войны и политических репрессий, реабилитировано 4,5 млн. человек. Но мы платим дорого и за мирную контрреволюцию: все та же номенклатура на своих местах, за исключением крупных деятелей, слишком старых или слишком скомпрометированных... Парадоксально: никогда чиновники в России не обладали такой властью как ныне.

Корр. Но Вас не беспокоит демократическое будущее вашей страны?

Яковлев. Конечно, беспокоит, ибо эти люди делают что хотят. Наша власть – не результат борьбы политических партий, а результат борьбы кланов, объединенных общностью интересов. Не существует противовеса власти... В 1985 г. Горбачёв и я надеялись привести к власти людей искренних. Мы думали, что гражданское общество будет контролировать номенклатуру. Мы переоценили политическую культуру русского народа... В одно и то же время высказывают желание вернуть царя и коммунистическую партию. Но голосуют за Путина. Эта политическая незрелость тревожит. В России публикуются сотни фашистских и антисемитских изданий.

Корр. Встречаетесь ли Вы с Михаилом Горбачёвым?

Яковлев. Почти каждый месяц. Мы все еще питаем надежду организовать широкое социал-демократическое движение, которое обеспечило бы демократическое равновесие. Мне 77 лет, я рассчитываю: молодые покажут нам дорогу, их будет много...

Корр. Будучи советским руководителем, Вы никогда не были ленинцем?

Яковлев. Я бы солгал Вам, что никогда не верил Ленину. Я всегда признавал его громадный масштаб и гениальность. Но мне стали безразличны его идеи, когда я стал студентом. В 1983 г., когда я встретился с Михаилом Горбачёвым, мы решили сделать все, чтобы разрушить ленинскую систему. Социал-демократизм считался зазорным. Мы вели двойную игру. Мы говорили черное, но думали – белое, а фактически мы пытались сделать серое. «Иногда церковь, иногда девки», – гласит старая русская поговорка.

Трагедия (но с видимыми элементами фарса) антисталинистов в среде партийных реформаторов второй половины 80-х годов заключается в том, что, ведя праведную борьбу со сталинским тоталитаризмом во имя гуманных идеалов, они подготовили почву для распада единого государства, социальной деградации, воцарения режима, характеризующегося господством бюрократии, оли-

гархии и криминальных структур. «Перестройка» стала «катастрофой» (воспользуемся термином А. Зиновьева). И это, как ни парадоксально, вдохновляет некоторых политиков и исследователей не на углубленное изучение ленинских идей и проектов, а на реабилитацию Сталина. Дело доходит до абсурда: некая Елена Прудникова в серии «ВОЖДИ» издала книгу «Иосиф Джугашвили. Самый человечный человек. Сосо из Гори» (М., 2005). «Самый человечный человек, уничтоживший 60–70 миллионов россиян! Комментарии здесь излишни, но процитируем умного и честного, увы уже покойного историка В.П. Данилова: «В нашем общественном сознании последнего времени появилась тенденция к оправданию и даже прославлению сталинизма. Она вызвана ответной реакцией, во-первых, на разрушительный характер постсоветских реформ и, во-вторых, на авторитарные устремления правящих ныне слоев... В действительности – и это убедительно доказывается фактами – все достижения советского общества были следствием мощного социалистического импульса, полученного в результате революции и на многие годы определившего направления и содержание экономического строительства, придавшего этому строительству характер народного подвига. Индустриализация страны, всеобщее образование и здравоохранение, мощный подъем науки и культуры, другие достижения советского времени были заложены не только в идеях, но и в практике первых советских лет. Они стали реальностью не благодаря сталинизму, а несмотря на препятствия и потери, созданные сталинизмом. Больше того, происшедшее на наших глазах падение советского строя – непосредственное следствие сталинизма»²².

Итак, ленинская «самотермидоризация» не удалась из-за кончины Ленина и триумфа Сталина, совершившего собственный термидор; «самотермидоризация» начального этапа «перестройки» обернулась термидором антилиберального для народа капитализма. Независимо от объективных системных факторов оба поворота показали значимость фактора субъективного. Где найти руководителя государства мудрого и твердого как Рузвельт или Ленин, мы, право, пока не знаем...

22. 50 лет без Сталина: Наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX в. Материалы круглого стола 4 марта 2003 г. (Институт российской истории РАН).

Е.Б.Рашковский

**МЕЖДУ УНИВЕРСУМОМ И ЗЕМЛЕЙ
(О «еврейских мотивах» в российской
философской мысли XX столетия)¹**

Рашковский Евгений Борисович –
доктор исторических наук, главный
научный сотрудник ИМЭМО РАН.

*Но кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остались пересуды,
А нас на свете нет?*

Борис Пастернак, «Свидание»

Будь на то моя воля, точнее, будь на то мой произвол, – я написал бы эту статью без единого имени собственного, без единой сноски, без единой фактографической отсылки. Только о судьбе и динамике философских смыслов. Но боюсь, что традиционное историческое образование, а также и некоторая вежливость не только историка, но и *историка мысли* не позволят мне это сделать. Философские смыслы, при всей содержательной их универсальности, не даны нам вне связи с конкретными историческими ситуациями и конкретным внутренним опытом людских душ и мышлений. И всё же, история философии не есть некая суммарная «жизнь замечательных людей», а история философских смыслов в еврейском народе не есть некая суммарная «жизнь замечательных евреев» (хотя Всевышний – да будет Он благословен! – не обидел нас таковыми)... История философии есть прежде всего *жизнь замечательных человеческих смыслов*, да к тому же и облеченных в концептуальную форму. Хотя и замечательные смыслы XX столетия пробивали себе путь в условиях перманентного человекоубийства, гонений, варварских идеологических кампаний.

1. Приношу искреннюю благодарность Евгению Борисовичу Пастернаку, Марии Аркадьевне Рашковской, Иосифу Львовичу Бельенькому и Юрию Иосифовичу Левину за некоторые важные подсказки в ходе работы над этим текстом.

Но именно о смыслах, а не о персоналиях пойдет речь в дальнейшем нашем рассуждении.

К постановке проблемы

Постановка вопроса о некоторых общих темах «еврейского присутствия» в российском философском пространстве прошлого века – от М.О. Гершензона и Л. Шестова до ныне здравствующих М.С. Кагана, Г.С. Померанца или Л.Н. Столовича – может показаться дискуссионной². Тем более дискуссионной, что речь пойдет не только и даже не столько об этнонациональных «вопросах» и переживаниях, наложивших столь мощный и – я бы сказал фатальный – отпечаток на всю историю российского философского дискурса, сколько о материях собственно философских. Точнее даже, религиозно-философских, т.е. о тех материях, где пересекаются общие темы как дискурсивно-философского, так и интуитивно-духовного опыта: темы Бога, Бытия, Вселенной и человека в их неразрывной взаимосвязи.

Далее, это «присутствие» связано не только с деятельностью профессионально-философской, но и – как дань особому, обусловленному стечением исторических обстоятельств, «литературоцентризму» российской культуры – с литературным творчеством (Пастернак, Мандельштам, Вас. Гроссман, Бродский).

К этому следовало бы добавить и указание на одну характерную как для еврейства, так и для глубоко укорененной в иудео-христианской традиции русской культуры черту: на веками бытовавшее представление о писании и чтении как о сакральной, почти литургической практике³.

Конечно, нельзя пройти и мимо серьезных философских обертонов в трудах столь не похожих друг на друга ученых-гуманитариев (историк М.Я. Гефтер, социолог И.С. Кон, культуролог А.С. Ахиезер, филолог Ю.М. Лотман, правовед А.А. Пионтковский и др.).

Если в контактах с миром словесного творчества философская мысль акцентирует свои традиционные истоки и связи, то в контактах с миром рационального научного знания она акцентирует свой изначально критический и об-

2. Сама проблематика этого исследования отчасти подсказана статьями Л.Н. Столовича «Феномен русского еврейства» (*Евреи в меняющемся мире*. Т. 2. – Рига, 1998) и «Евреи и русская философия» (*Там же*. Т. 3. – Рига, 2000). Центральными фигурами последней статьи выступают М.О. Гершензон и А.З. Штейнберг.

3. См.: Гаврюшин Н.К. «Избирая сладость словесную...» (*Круг чтения древнерусского писателя*). – «Лит. учеба», М., 1987, № 6; Е.Б. Рашковский. *Книжная культура в эпоху постмодерна: Из записок российского книжника // Общество и книга: От Гутенберга до Интернета*. – М.: Традиция, 2000.

новляющий потенциал. И этот двоящийся лик философской мысли поразительным образом коррелирует двойственному духовному складу еврейского народа, постоянно приводящему в замешательство не только окружающий евреев мир, но и самих евреев. Я имею в виду характерную для еврейской мысли и психеи амбивалентную связь традиционализма и новаторства, утверждения и вопрошания, благоговения и протеста. Связь, которую библейский исследователь легко прослеживает и у Псалмопевцев, и у Пророков, и в Книге Иова.

Едва ли в кратком рассуждении можно всерьез проанализировать и – тем паче – решить поставленную в заголовке проблему. Мы находимся лишь в самом начале, на самых первых подступах к ее осмыслению. Я уверен, что в будущем (с той, однако, талмудической оговоркой – «если будущее будет» – *им еш хе-ахарит*) об этом будут писаться монографии. Но пока, на самых предварительных стадиях исследования, я позволил бы себе свести наше рассуждение лишь к двум последующим позициям.

Позиция первая. Философствование на разломах, или проблема Метамира

Если выявлять и анализировать сквозные идеи и смыслы, определяющие «еврейское присутствие» в российской философской мысли XX столетия, то я позволил бы себе определить одну из характерных его черт как *философствование на разломах*. На разломах прежде всего несхожих культурных ареалов и мыслительных традиций: европейского и еврейского миров, западной и российской интеллектуальных стилистик. Благо, российский интеллектуально-философский контекст, с его особым упором не столько на проблематичность Бытия как такового или на проблематичность личности, сколько на проблематичность истории и культуры, и в русско-еврейских философах также поддерживал эти мощные культурно-исторические акценты. Чисто философскую транспозицию этих перекрещивающихся противоречий и неизбежных внутренних разломов можно представить себе как сталкивающиеся во внутреннем опыте самого философа антитезы теоретического, дискурсивного познания и самопознания, с одной стороны, а с другой – проникновенного речения и медитации-мидраша. Если вспомнить Льва Шестова, – то это настойчивая антитеза «Афин» и «Иерусалима», иными словами – «умозрения» и «откровения».

К кому бы из философствующих евреев-россиян ни присмотреться, эта дилемма «Афин» и «Иерусалима» присутствует у каждого из них, хотя часто она выступает под различными, подчас и усложненными, культурно-историческими и ареальными, но всегда условными псевдонимами: «нееврейское-еврейское», «славянское-еврейское», «Запад-Восток», «Запад-Россия-Восток» и т.д. Но, так или иначе, взаимная неразменность и взаимная нераздельность опыта

теоретического дискурса и – в той или иной мере осознанного – опыта веры образует ту смысловую коллизию, на которой строится вся европейская философская традиция и которую герои нашего с вами разговора всегда переживали с особой, *личной* остротой.

Любой серьезный мыслитель не только несет, но и осознаёт в себе самом множественность внутренних предпосылок своего существования и мышления. И, может быть, даже попытки монистического философствования отчасти объясняют стремление как-то заковать, внутренне иерархизировать и подчинить предпочтениям собственной мысли эту множественность⁴.

Надобно заметить, что еврейскую мысль эта проблема волновала издревле: как соотносить друг с другом идею Единого Бога и головокружительную много-составность мира? Разумеется, задача такого соотнесения решалась в форме мидраша – пропикновенного назидательного речения на библейские темы. В начале первой мишны пятого наставления трактата «Пиркей авот» читаем:

Десятью Сефирами сотворен мир.

Что же говорит об этом Учение?

Неужто одною Сефирую (бэ-мамар эхад)⁵ можно сотворить мир⁶...

Философская экспликация этого отрывка очевидна: ни Бытие⁷, ни Вселенная не могут быть сведены к какому-то одному тварному первоначалу, к одной тварной предпосылке.

И всё это вполне согласуется с нарративом первых страниц Книги Бытия о Шести днях Творения и о Седьмом дне Покоя и Созерцания: именно такой многосоставной – во многообразии несхожих природных и человеческих форм,

4. См.: Столович Л.Н. *Плюрализм в философии и философия плюрализма*. – Tallinn: Ingrid, 2005.

5. Буквально – речением (*saying*). Так переводят крупнейшие знатоки этого трактата Р. Треверс Херфорд и рав Р.П. Булка. Расхождение в переводах понятия *мамар* не должно смущать читателя. Общий строй Универсума мыслится как живое взаимодействие Сефир – проявляющихся в становлении живых речений-проектов.

6. Даю этот отрывок по своему переводу: *Наставления отцов (Пиркей авот)*. Пер. Е.Б. Рашковского, комм. И.В. Медведева и Е.Б. Рашковского «Народы Азии и Африки», М., 1990, № 3, с. 104.

7. Отдаю себе отчет в том, что «Бытие» – категория не «иерусалимская», но, скорее, «афинская», т.е. спекулятивно-философская. Но уйти от нее нам уже невозможно. Скорее всего, некоторым библейским эквивалентом понятия Бытия является понятие многоединой Жизни (Хаййим), отчасти и Мира (Шалом) как ее идеального задания.

во многообразии природной динамики и внутреннего покоя созерцающего и самосозерцающего духа – и дана каждому из нас Вселенная.

Как же отвечает философская мысль на этот вызов скрестившихся и спутавшихся проблем единства и многосоставности, интуитивно-духовного восприятия и дискурсивного рассмотрения? – На мой взгляд, один из интереснейших и проникновенных ответов на этот вопрос попытался дать оригинальный и толком еще не изученный и не оцененный российский философ Иосиф Давыдович Левин (1901–1984)⁸. А философским стержнем наследия Иосифа Давыдовича является развернутая концепция «метамира», которую я позволю себе кратко изложить ниже.

Итак, воссоздание Бытия в человеческой душе – эту насущную для всех времен общекультурную задачу – философия разделяет с иными формами символического творчества людей: с религией, с поэзией, с наукой⁹. Но философско-символическое воссоздание происходит не в словах и образах Откровения (как это свойственно религиозной сфере) и не в формах интуитивно-стихийной медитации, свойственной лирической поэзии¹⁰. Словесная форма философии иная: теоретическая, понятийная, логически обоснованная. Здесь она больше сходится с теоретическим символизмом науки. Но и с наукой она, в конечном счете, неслиянна. Идеал науки – теоретическая формализация тех или иных конвенциональных аспектов объективного мира. Но коль скоро для философии особо важен процесс непрерывного соприсутствования объективного и субъективного, и характер этого соприсутствования остается принципиально бесконечным и недосказанным, – то, в конечном счете, философии не дано найти лучше-

8. Два тома философского наследия Левина на русском языке см.: И.Д. Левин. Соч. Тт. 1 и 2. – М.: Радикс, 1994. К сожалению, нет никаких исследований о философском творчестве Иосифа Давыдовича за исключением двух моих статей – «Философия метамира. Введение в труды Иосифа Давыдовича Левина» (Е.Б. Рашковский. Профессия – историкограф. Материалы к истории российской мысли и культуры XX столетия. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001) и «Из философской археологии XX века; Иосиф Давыдович Левин» (Еврейская и христианская экзегеза в Античности. Еврейская философия Нового и Новейшего времени. – М.: Сэфер, 2005, с. 22–27).

9. Понятие о сродстве и взаимной неразменности различных форм символического творчества отчасти сближает философско-теоретические взгляды И.Д. Левина со взглядами его старших современников, скажем, таких, как свящ. Павел Флоренский или Эрнст Кассирер. Нечто подобное можно было бы сказать и об учении о символической сфере как об «имагинативном абсолюте», обоснованном в посмертно изданных трудах Якова Эммануиловича Голосовкера (1890–1967).

10. Согласно эстетике И.Д. Левина, сердцевина поэзии, равно как и любой другой формы художественного творчества, – примиряющая устремленность человеческого духа к природе (см.: И.Д. Левин. Указ соч., т. 2, с. 512).

го средства для своих символических прозрений и обобщений помимо пусть отработанного, пусть строгого, пусть отрефлектированного, – но всё же *обычного языка* (подчас даже обыденного языка), связанного, по определению, с элементарными структурами сознания и, следовательно, со здравым смыслом.

Процесс философской символизации неотторжим от стихий и внутренних закономерностей обычного языка – только б не оказаться ей у них в рабстве, только б не захлебнуться в их потоке¹¹. Стало быть, не потерять в языковых стихиях свое самосознание, а вместе с ним – свою идентичность и свободу.

Согласно И.Д. Левину, забота философа о своей внутренней свободе во многом подсказывает стремление к постоянному осмыслению и переосмыслению статуса философского знания.

Его автономия была для Иосифа Давыдовича непреложна. Но коль скоро эта автономия заявлена и утверждена, тут-то мы и получаем особые – широкие и плодотворные – возможности соотнесения философской сферы с иными сферами символического творчества. В отношении к сфере религиозной И.Д. Левин, как правило, выдерживает некоторую почтительную дистанцию¹², но вот вопросу о философском знании как о некоем посреднике между двумя мирами – миром поэзии и миром научного знания – уделяется немало места в его текстах. Вообще, мотив обреченности философской мысли на некое вечное посредование – мотив, восходящий к Платону, к Сократову рассказу о Диотиме из диалога «Пир»...

Через содержание и историю философии с особой наглядностью прослеживается некое глубинное сродство лирической поэзии и теоретической науки: во всех трех случаях человеческий дух осознаёт – хотя и по-разному – свое присутствие в Бытии и, более того, свое соучастие в его динамике.

Почти вся жизнь И.Д. Левина протекла в те десятилетия, когда у нас в России квазифилософские притязания «марксистско-ленинских» идеологов постулировали особое, царственное, или, точнее, диктаторское место философии в отношении иных областей интеллектуального творчества. Однако ничего подобного диктаторским или директивным притязаниям философского адепта в идеях Иосифа Давыдовича на было. И уж если допускалась за философским знанием какая-то привилегия, – то разве что привилегия заведомой открытости, заведомой и принципиальной сообщаемости с другими областями челове-

11. Здесь, быть может, кроется, одна из причин неприязненного отношения Иосифа Давыдовича к эпидемически модному в XX в. внесению в философский дискурс элементов филологической игры.

12. В одном из разговоров со мной, незадолго до кончины, Иосиф Давыдович говорил: «Я не *homo credens*, но, скорее, *homo cogitans*».

ческого духа. Положение, однако, обязывает, так что подобная привилегия обрывается нелегким долгом *знать* о том, что творится в сопредельных областях духа и пытаться осмысливать, какими путями являет себя в этих областях меняющееся Бытие, какими путями претворяются эти области в общую ткань Бытия...

А если так, то, следовательно, никакая робинзонада для философа невозможна, и от собственных предпосылок – не уйти. Предпосылки, и в особенности те конкретные предпосылки культуры или, точнее, культур, в рамках которых обретает себя на этой Земле философ, – неотвратимы. Но неотвратимость взаимоотношающихся, взаимооспаривающих и пронизывающих разные уровни существования философа предпосылок не означает рабствования у детерминистских трактовок человеческого духа.

Итак, философу не дано ни уединения в свою абстрактную «сущность», ни отрешения от своих же собственных предпосылок. Между крайностями такого рода отрешения (т.е. крайностями гносеологического индетерминизма) и крайностями отождествления с собственными предпосылками (т.е. крайностями гносеологического детерминизма) И.Д. Левин как бы прорубает некий срединный, царский и притом – сверхгносеологический, хотя и удерживающий в себе всю сложность гносеологической проблематики, путь. Номо cogitans призван выявить и осмыслить свои предпосылки, приняв их на себя. Но при одном существенном условии: при условии их проверки собственной интуицией и рефлексией. И, в конечном счете, совестью. Но такой акт многозначного дистанцирования в отношении собственных предпосылок и наличных данных своего сознания и превращает философа в некоторый исторически осмысленный, но не растворимый в истории «метамир». И лишь только при таких условиях возможны дальнейшие зрелые рассуждения об ориентации философа в мире.

Любопытно, что в этом срезе своей мысли И.Д. Левин отчасти повторяет – но притом на гораздо более высоком уровне философского самосознания – одну из важных тез плеяды старых русских мыслителей, которую по недоразумению принято прямолинейно именовать «субъективными социологами» (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Н.К. Кареев): ценнейший ингредиент человеческой личности и мысли – тот сознательный ее остаток, который не может быть растворен в детерминациях места, времени, социальности и культуры; нерастворимость в испытаниях внешних обстоятельств и есть, по сути дела, дар человеческого достоинства.

...Итак, учение о статусе философа как о статусе неоднозначно соотносимого со своими предпосылками «метамира» – едва ли не центральное в круге философских идей Иосифа Давыдовича. Более того, идея «метамира» очерчивает и подход к пониманию статуса философии как особой формы знания о

предметах, открывающих некоторую бытийственность (или сопричастность Бытию) нашей внутренней свободы¹³.

Итак, через наше собственное самосознание и самопознание нам должна быть вживлена и придана свобода. Последняя – совсем не «осознанная необходимость», но, скорее, осозанный и притом глубоко личный, нетривиальный ответ на вызов необходимости. Так что свобода – персоналистична, иначе она не свобода.

Можно вспомнить в этой связи мишну из «Пиркей авот» – любимого Иосифом Давыдовичем памятника:

Всё – пред Божьим взором,
выбор – предоставлен,
и во благе вселенная судится.
Но всё решается по большинству
*деяний наших*¹⁴.

Здесь, в признании личностных основ свободы, парадоксально сходятся друг с другом несхожие духовно-психологические типы: homo credens (разумеется, в иудео-христианском понимании этого словосочетания) исходит из внутреннего опыта предоставленности свободы как изначального факта своего существования; homo же cogitans вынужден подходить к проблеме свободы через трансцензус логически необходимого – трансцензус, который рано или поздно назревает в сознании, когда исчерпывается очевидное и анализируемое и вступает в свои права постоянная нерешенность и недосказанность «метамира».

Иосиф Давыдович возводил свою собственно философскую генеалогию к Платону и Декарту. Имя Платона знаменовало для него процесс исследования человеческим духом самопревозмогающих структур данного нам Бытия; имя же Декарта связывалось с представлением о человеке как об активном сопричастнике Бытия; интересна такая запись Иосифа Давыдовича, сделанная летом 1981 г.: «Cogito ergo sum надо восполнить sum ergo cogito. Для человека бытие включает сознание»¹⁵.

13. Еще одна параллель с историей русской философской культуры: если вспомнить лекцию Вл. Соловьева «Исторические дела философии» (1880), философия как знание, связавшее с теоретическим постижением внутреннего и притом несводимого ко внешним предпосылкам смыслового человеческого пространства, есть тем самым и обоснование его свободы.

14. 3:19 (даю в своем переводе: «Народы Азии и Африки», М., 1990, № 2, с. 109).

15. И.Д. Левин. Соч. Т. 1, с. 206.

Иной читатель, может быть, и готов в этой точке нашего разговора подступить ко мне, равно как и к героям моего исследования, со злорадным упреком: вот он, мол, неизбежный еврейский субъективизм! – Однако в этой переформулировке Левин исходит из наличия в знаменитом декартовском речении глагола *быть*: не «существую», как это принято у нас переводить, но именно *есмь*. А за сказуемым *есмь* угадывается представление о творческой взаимной включенности мира и человеческой личности. По крайней мере, о такой взаимной включенности как о задании Свыше. Сама грамматическая и смысловая структура Декартова речения, не говоря уже об огромном содержательном его пространстве, неизбежно, как полагает И.Д. Левин, возводит мышление к Бытию и укореняет Бытие в мышлении.

Так, философский логос непреложно, но интимно связан с «метамиром»: он проникает собою «метамир», взращивает его и обогащается им. Между обоими – если вспомнить Мартина Бубера – воистину складывается отношение «Ты и я». Посредуя между детерминациями и свободой, «метамир» философа вольно или невольно участвует в развитии и усложнении тонких и многозначных пространств Бытия.

* * *

Некую, хотя и в ином философском ключе, параллель левинской концепции «метамира» можно обнаружить в трудах Якова Семеновича Друскина (1902–1980) двадцатых-сороковых годов, т.е. в эпоху, казалось бы, предельной и безоглядно торжествующей социальной и духовной безнадежности. «Сдохший мир» – плоский, однообразный, автоматичный, сам на себе замкнувшийся – проходя через горнило страдания, забвения, сомнения, припоминания, осмысления (именно во внутреннем опыте чувствующего и философствующего человека) – получает возможность быть по-новому названным и, следовательно, воссозданным.

Nota bene: для Друскина не «Бог умер», но именно «мир сдох»¹⁶. Невообразимое для еврейской ментальности речение Ницше («Бог умер») представляет собой парафраз одного из пассажей гегелевской «Феноменологии духа», относящегося к переживанию средневековым европейцем своей ущербности и греха во дни Страстной седмицы¹⁷. Что же касается более трезвого и критичного подхода к ницшеанской максиме, то, по существу, речь идет не столько о

16. «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: «Чинари» в текстах, документах и исследованиях / Сост. В.Н. Сажин. Т. 2. – М.: Ладомир, 2000, с. 474.

17. См.: Рашковский Е.Б. Осознанная свобода. Материалы к истории мысли и культуры XVIII–XX столетий. – М.: Новый хронограф, 2005, с. 65–67.

«смерти Бога», сколько об омертвлении человека в определенных обстоятельствах социальности и истории, о том, что обезбожение мира знаменует собой обезчеловечение человека. Так что приходится лишь удивляться смысловой емкости максимы Якова Друскина...

Но, так или иначе, воссоздание мира через воссоздание страдающей, мыслящей и ищущей человеческой души оказывается одним из призваний философии. Здесь – явная переключка с определяющим тезисом экзистенциальной философии Европы: страдание есть одна из непреложных предпосылок мышления.

Надобно заметить, что характерную для российско-еврейских философов идею бытийственной ответственности мысли никоим образом нельзя отождествлять с лидерскими или авангардистскими претензиями. Ибо идея эта реализуется лишь в процессе, а не в конечных результатах, а библейская и талмудическая добродетель скромности (*шфал-руах*)¹⁸ является неременным условием серьезного противления хаотизации, отчуждению и смерти.

Позиция вторая. Экзегеза Вселенной

Это – не более, чем одно из уточнений позиции предшествующей. Но ее выделение особо важно именно в плане культурно-историческом – в плане понимания специфики «еврейского присутствия» в философском ландшафте России XX столетия.

То, что так волновало российских (а с ними – и российско-еврейских) философов прошлого столетия – это особый статус высокоиндивидуализированного, но открытого другим *философского чтения мира*. Сам автор этих строк, чье мышление строится – опять-таки! – *на разломах* классического религиозно-философского наследия и философского постмодернизма, в своих работах определяет эту проблему как проблему *Миротекста*¹⁹. Концепция Миротекста, хотя она отчасти и подсказана мне трудами Ю.М. Лотмана, но по существу коренится прежде всего в изучении как еврейской, так и русской и – шире – славянской духовной словесности и поэзии: от библейских до нынешних времен.

Согласно этой концепции, человеческая личность – не только «мыслящий тростник» (т.е. некое исключение в порядке природы), но и некое условное

18. См.: Притч./Мишлей 16:19; Пиркей Авот, наставление 4, мишна 12. Библейско-талмудическому принципу скромности соответствует и евангельская заповедь «нищеты духа» (Мф. 5:3).

19. Наиболее развернутое обоснование этой проблемы см.: Е.Б. Рашковский. Постмодерн: Культурная революция или культурная контрреволюция? // Постиндустриальный мир: Центр, Периферия, Россия. Сб. 4 (Мировая политика на пороге XXI века). – М.: МОНФ/ИМЭМО РАН, 1999.

исключение в порядке культуры. Живое, по определению, неповторимо, а уж живое и мыслящее – тем паче. Этот парадоксальный статус личности связан с тем, что она может быть описана как *мыслящий знак, мыслящая литера*, отчасти определяющая и самое себя, и некоторые особенности своего «жизненного мира»²⁰, а через свой коммуникативный «жизненный мир», – пусть даже в самой минимальной, почти ускользающей мере, – и облик Универсума.

Мыслящая литера, вживленная в исторически подвижные структуры и содержания человеческого смыслообмена и смысловых эволюций, может быть моментом сознательных трансляций человеческих эстафет и инноваций, а может быть – случается и так – тенденций самого регрессивного и разрушительного свойства...

Иными словами, речь идет, если угодно, об *эксегезе Бытия* как необходимо распадающегося в индивидуации, но отчасти отгадываемого, сообщаемого людям и тем самым отчасти собираемого в усилиях человеческого духа. В культуре же российской, где вопрос об испытании человеческого духа проблематичностью пронизывающего его Бытия усугубляется вопросами о проблематичности истории (прежде всего как истории национальной или региональной), – эта, по существу, экзегетическая задача – задача уяснения несовпадений «хроноса» и «логоса» – набирает особую силу²¹.

Работы Л.Н. Столовича – философа тонкого и искушенного – над собиранием и интерпретацией русскоязычных еврейских анекдотов²² является, на мой взгляд, как раз одним из пусть экстравагантных, но всё же несомненных образцов осознанной работы философа над Миротекстом. В смеховой пестроте и «мидрашной» краткости, в «наперченности»²³ этой формы городского фольклора *вычитываются* огромные вселенские и человеческие смыслы. В частности, и смыслы библейские, талмудические, каббалистические²⁴.

Другое дело, что исторически у этой «наперченности» мышления мог быть и показной, «рыночный» и властный аспект. Но здесь как раз ничего особо еврейского и нет. Еще со времен Первой софистики «гимнастика ума», искус-

20. Гуссерлианская категория «*Lebenswelt*».

21. См.: Рашковский Е.Б. *Осознанная свобода...*, с. 16.

22. Книга Л.Н. Столовича «*Евреи шутят*» выдержала несколько изданий: в России, в Эстонии и в Чехии.

23. Вспомним: талмудический принцип «пилпул» как требование смысловой остроты и насыщенности, парадоксальной заостренности речений, теоретических формулировок и дискуссий имеет своим корнесловием «пилпел»: *перец*.

24. См.: Рашковские Б.Е. и Е.Б. Рабинович – *сквозь века: К метапоэтике еврейского анекдота в России*. – «Межд. еврейская газета», М., 2005, июнь, № 23–24, с. 7.

ство публичного диспута, искусство словесного нокаута²⁵ было формой борьбы за внешнее признание, статус и, следовательно, за благосостояние²⁶.

Но не это важно для нашего разговора. Важно другое. Исторически спрессованная во всём духовном и ментальном складе российского философа-еврея XX века, эта «наперченность», эта «гимнастика ума» служила иным и далеко не корыстным и далеко не индивидуалистическим целям, но скорее целям всеобщим: целям восстановления мышления-в-Мире и Мира-в-мышлении через процессы самопонимания и коммуникации. Целям не только достойного индивидуального или национального, но и всечеловеческого выживания в этом, казалось бы, «сдохшем» мире...

Во всяком случае, российско-еврейское философствование, в общем-то не выходя из русла российской философской культуры, оказалось насыщенным своеобразным экзистенциальным, историческим и духовным опытом, позволившим с особой настоятельностью акцентировать вопрос *об опосредованном личностью философа и особым символизмом философского языка диалоге мысли и Мира*, о взаимности присутствия Мира-в-мысли и мысли-в-Мире.

А ежели обратиться к философскому языку Владимира Соломоновича Библера, – то речь идет о человеческой стороне, или, если угодно, о человечности *диа-логики* мысли и Универсума.

* * *

В этой связи всплывает еще один – сугубо исторический – вопрос, ставший притчею во языцех и тихим услаждением для антисемита: вопрос о еврейском философском присутствии в российском марксизме XX века.

Однако ничего сенсационного и усладительного на сей счет мне сказать нечего.

Ибо большое количество лиц с еврейским background'ом в истории советского идеологического аппарата, включая и кафедры «основ марксизма-ленинизма», и внутренний строй философской культуры, – что называется, «две большие разницы».

Что же касается именно философской культуры, то мне посчастливилось встречаться с двумя такими достойными, одаренными и «пассионарными» представителями российского философского марксизма, как Михаил Александрович Лифшиц (1905–1983) и ныне здравствующий Карл Моисеевич Кантор.

25. Вспомним соответствующие рассуждения Фрасимаха из платоновского «Государства» (338с и сл.).

26. См.: Марек П.С. Кризис еврейского самоуправления и хасидизм // Еврейская старина. Т. 12. – Л., 1928, с. 85–86.

Для обоих этих мыслителей характерна чрезвычайно сильная эстетическая доминанта, акцентированная, однако, совершенно несхожим образом. Ибо в первом случае эта доминанта строилась на европейской просветительской эстетике, а также на романной прозе XIX века, а во втором – на мессианистской эстетике российского авангарда начала XX века.

Однако в обоих случаях философствование, в конечном счете, сводилось к апологетике, к развернутым секулярным «мидрашам», к сочинениям марксистских классиков; при всей тонкости и множественности культурфилософских и культурсоциологических наблюдений, подлинного прорыва к проблематике Мира-в-мысли и мысли-в-Мире так и не свершилось. Проблема «сдохшего», но восстанавливаемого прежде всего в человеческом сердце и мышлении Мира была поставлена, но вольно или невольно оказалась сведенной к социальной критике и к апологии социалистического переустройства²⁷... Судьбы обоих философов, чье творчество имело некоторый общественный резонанс в 60–70-е годы, но не было признано советским начальством – главными «социалистами» по должности – трагические философские судьбы, обусловленные истматовской редукцией Бытия к социальной сфере.

В данном случае ни социально-критическим «Афинам» (теоретическому дискурсу), ни социалистическому «Иерусалиму» (общественному профетизму) не хватило свободного философского накала, который обуславливается прежде всего не социологическими, но *антропологическими* предпосылками философствования.

Воистину, «Рай Возвращенный», «Рай Новообретенный», если вспомнить заглавие поэмы Мильтона – «Paradise Regained», вовсе не обязательно предстоит человеку в некоем новом, запредельном, эсхатологическом зоне, в «будущем веке» (*бэ-олам ха-ба*). Он может являться нам и сейчас, сегодня – пусть даже в кратких, но всё же несомненных актах Божественного Присутствия во внутреннем мире мыслителя, поэта или художника. Или просто – живого, чувствующего и любящего человека²⁸. И эти акты, опосредованные языком и символикой человеческого мышления, способны иной раз необратимо вливаться в общую динамику человеческой Вселенной.

27. Проблема различения «реального» или же «идеального» социализма в данном случае не имеет значения. А вообще-то, сотериологический подход к проблеме социального переустройства, к проблеме социального заклатья неполноты, смысловой недостаточности, моментов мзоничности тварного мира уходит в глубинную историю европейской культуры – не только что к Марксу или Руссо, но к хилиастическим исканиям Средних веков.

28. См.: Шестов Л. Мартин Бубер // Л. Шестов. Умозрение и Откровение. – Париж: УМСА, 1964, с. 124.

Думается, такой ход мысли – вполне в духе российских философских исканий конца XIX–XX вв. Ибо для общероссийской философской традиции важно было не только вопрошание «что есть cogitatio?», но и «кто есть cogitans?». То есть вопрошание о бытийственном статусе субъекта мысли.

Не отказываясь от проблемы автономности философского знания, российские мыслители были озабочены его общедуховным контекстом. И здесь приходила им на помощь великая подсказка Вл. Соловьева, обосновавшего категорию «положительного всеединства» как философскую идиому Царства Божия и его ненавязчивого Присутствия в индивидуальном, коллективном и универсальном опыте людей²⁹. Того неизреченного, но вечно требующего искать и называть себя Присутствия, которое составляет одну из важнейших духовных забот религий, философских и художественных традиций библейского корня.

Разумеется, российские философы знали, что суть философствования – в процессах осмысления самой мысли, а не в рецептурах спасения или в моральных назиданиях. Но знали они и другое: мышление – нечто гораздо большее, нежели процедура или пропись, оно не живет в человеке и в коммуникациях людей в отрыве от вечного процесса осмысления и переосмысления духовно-нравственных проблем. Более того, понимание этого обстоятельства возвращает нас (или, если угодно, ведет нас вперед) к сократо-платоновскому изначалию философской культуры: философствование кровно связано с искусством жить и с искусством умирать; мысль автономна и не тождественна поступку, но в критических обстоятельствах они могут сойтись в опыте и судьбе человека³⁰.

«Афины» и «Иерусалим» (толкуемые как философские метафоры) не тождественны друг другу, не размениваются друг в друга, но, скорее, находятся в состоянии биполярной связи взаимного отталкивания и притяжения.

И это обстоятельство в полной мере относится к жизни и творчеству героев нашей статьи.

29. Подробнее об этой проблеме см.: Рашковский Е.Б. *Осознанная свобода...*, с. 114–136.

30. См.: Федон, 64b–65a.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Д. Хайнциг

ГУЛАГ И ЛАОГАЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДВУХ СИСТЕМ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА

Хайнциг Дитер – немецкий политолог.

На первый взгляд может показаться, что лагерные системы Гулага и Лаогай схожи, если не одинаковы. Действительно, в обоих случаях тоталитарное государство засадило без всякого суда миллионы своих граждан в лагерь, где в течение десятилетий они трудились за крайне низкую оплату в столь жалких жизненных условиях, что многие умирали от голода и болезней, а иные не выдерживали истязаний или были казнены. Однако при более глубоком анализе двух систем обнаруживаются различия, которые заслуживают рассмотрения. Сравнительный анализ как раз и помогает выявить в них общее и особенное, следуя определенным критериям.

Исторический бэкграунд двух систем

Принудительный труд и ссылка – явления, имеющие давнюю традицию и в России, и в Китае. В царской России уголовников ссылали на каторгу с XVII в. Сталин восхищался Петром I, использовавшим крепостных и заключенных для осуществления гигантских строительных проектов, примером чего может служить основание Санкт-Петербурга. Система применения принудительного труда, помимо каторги, включала высылку на поселение, часто вместе с семьями, в неосвоенные области, большей частью на Севере и в Сибири. Ссылка же была наказанием, выносимым не судом, а административным органом и считавшимся сравнительно мягкой мерой, которая применялась к оппозиционным общественным и политическим деятелям. Пушкин и Достоевский, декабристы, большевистские вожди (Ленин, Троцкий, Сталин) – все они прошли через ссылку разных видов. Им разрешалось писать книги, а Ленин даже смог выписывать «*Neue Zuercher Zeitung*»¹.

1. См. об этом, а также об изложенном в следующем абзаце: Applebaum A. *Gulag: A history*. – L., 2004. – P. 3, 15–17, 68–69; Rossi J. *The Gulag handbook*. – N. Y., 1989. – P. 429; *Словарь русского языка*. Т. 3. – М., 1959. – С. 428; Couling S. *The Encyclopedia Sinica*. – Shanghai, 1917. – P. 292–293; Domenach J.-L. *Der vergessene Archipel: Gefangnisse und Lager in der Volksrepublik China*. – Hamburg, 1995. – P. 28–31; Williams Ph. and Yenna Wu. *The Great Wall of confinement: The Chinese prison camp through contemporary fiction and reportage*. Berkeley. – Los Angeles; London, 2004. – P. 17–49.

В императорском Китае многие крупномасштабные строительные проекты вроде Великой Стены в эпоху Циньской династии и системы каналов при династии Сюйю также выполнялись руками крепостных; знал Китай и принудительный труд, и ссылку заключенных. В соответствии с Уголовным кодексом в структуре законов и уложений Маньчжурской династии, ссылка на принудительный труд была мерой наказания средней тяжести; самой мягкой мерой считалась порка бамбуком, а крайней – удушение или обезглавливание. Опять же, и ссылки делились на два вида: заключение в пределах провинции проживания на сроки до трех лет за неспровоцированное нападение или аборт и пожизненную высылку в далекие места за попытку совершения убийства или похищение людей. Чистосердечное признание своей вины считалось важным, и для того, чтобы его добиться, разрешалось пытаться подсудимых.

Итак, видно, что история наказаний в двух странах выявляет нечто общее. Что касается Китая, необходимо также иметь в виду, что коммунистический террор и политические преследования начались не в 1949 г., когда образовалась КНР. Они наблюдались и ранее – впервые на юге провинции Цзянси, где была установлена советская власть, и принудительный труд стал обычным наказанием; больше того, в период с 1927 по 1934 г. там были ликвидированы почти 200 тыс. заключенных. По мере совершенствования системы репрессий в Янани после 1936 г. Мао Цзэдун и его сторонники развернули так называемое «исправительное движение», выдвинули идею «реформы мышления» и применили метод выбивания признаний, тем самым подготавливая почву для разнообразных форм психологического террора, получивших известность как «перевоспитание» и игравших существенную роль в лагерях Лаогай в КНР. Есть немало свидетельств того, что ОГПУ, НКВД и МГБ помогали «китайским товарищам» в совершенствовании их собственной системы репрессий².

Преследования по принадлежности к социальной группе

Вместе с изгибами и поворотами социально-политической истории двух стран менялись социальные группы, которые существующий режим выделял в качестве своих врагов. После большевистского путча 7 ноября 1917 г. (вошедшего в историю под именем Великой Октябрьской революции) новые правители изобрели новую категорию преступности – принадлежность к «классовому

2. См.: *The black book of communism: Crimes, terror, repression.* – Cambridge (Mass) and London, 1999. – P. 470–476, passim; *Domenach J.-L. Op. cit.* – P. 35–45 (passim), 74–77, 96–97; *Heinzig, D./ The Soviet Union and Communist China 1945–1950: The arduous road to the alliance.* – Armonk; New York; London. – P. 9–10.

врагу» (в собирательном смысле слова) или «врагам революции». Юридического определения этих терминов не было, тут просто отражалась специфика большевистского мышления в терминах «друзей» и «врагов» («кто кого»). Классовым врагом мог быть бывший царский офицер или чиновник, аристократ, «буржуй», «спекулянт», священник, политик-оппозиционер – практически любой, кого можно было заподозрить в «ненадежности» (по выражению Ленина в августе 1918 г.). В ходе осуществления политики «красного террора» таких людей могли убить, посадить в тюрьму или, опять же по выражению Ленина, «засадить в концлагерь за городом»³.

В 1929 г. появились новые категории политических узников – «вредители», «саботажники», «социально чуждые элементы», обнаруживаемые среди инженеров, техников, предпринимателей, владельцев магазинов, ремесленников. Но самую тяжелую цену пришлось заплатить крестьянству: 6 млн. крестьян умерли от голода, более 2 млн. были депортированы, причем сотни тысяч из них погибли. Хотя их преследовали как кулаков, большинство принадлежали к середнякам и даже беднякам, выступавшим против насильственной коллективизации и раскулачивания. Именно они составили основную массу пленников Гулага в 30-х годах. Среди жертв «Большого террора» в 1936–1938 гг. огромное количество людей разного социального происхождения были партийцами и представителями военной элиты, которых причислили к «троцкистам» или «правым уклонистам». После 1939 г., в военные и послевоенные годы, все новые группы лиц стали пополнять Гулаг: поляки, прибалты, молдаване, украинцы, поволжские немцы, чеченцы, крымские татары, солдаты и офицеры, попавшие во вражеский плен, а перед смертью Сталина еще и евреи. Большинство заключенных принадлежали не к интеллигенции, а к рабочим и крестьянам⁴.

В Китае политзаключенные в лагерях большей частью были отнесены к «контрреволюционерам», среди которых в 50-е годы можно было увидеть чиновников Гоминьдана, владельцев фабрик и магазинов, богатых крестьян, христиан, «шпионов» (чаще всего это были иностранцы), «правых уклонистов» (после 1957 г.), правозащитников (в конце 70-х годов), студентов движения площади Тянаньмынь (в 1989 и последующие годы), последователей движения Фалун Гонг. Другие ярлыки – «идеологических реакционеров» (перед культурной революцией) и «антисоциалистических элементов» (после нее) навешивались на людей, выразивших несогласие с официальной политической линией в кругу

3. Applebaum A. *Op. cit.* – P. 31.

4. См. об этом: Conquest R. *The Soviet deportation of nationalities.* – L., 1960; Naimark N. *Fires of hatred: Ethnic cleansing in twentieth-century Europe.* – Cambridge; London, 2001; *The black book...* – P. 146, 169–170, 193; Applebaum A. *Op. cit.* – P. 29, 35, 63–64, 103–104, 270.

близких и знакомых. Их действия рассматривались как менее опасные⁵. Доля политзаключенных по сравнению с обычными преступниками была наиболее высокой в середине 50-х годов (около 80%); в 60-х годах она упала до 50%, а в начале 70-х до одной трети. Согласно официальной информации (не очень заслуживающей доверия), в начале 80-х годов, в результате инициированных Дэн Сяопином реформ, эта доля практически упала до нуля⁶.

В целом можно сказать, что хотя социальные группы, представители которых подвергались заключению и ссылке, различались в обеих странах в разные периоды (как различались и термины, обозначающие этих людей), фундаментальное сходство заключалось в том, что все они считались врагами режима или по крайней мере ненадежными лицами. Все же на два различия следует указать особо. Во-первых, хотя от 4 до 6 млн. китайских крестьян были сосланы в лагеря Лаогай в качестве «кулаков» в результате аграрной реформы между 1949 и 1952 гг., в последующее время крестьянство избежало этой участи – и это было важным отличием от положения в Советском Союзе, где, вероятно, более 70% населения Гулага и в 30-е годы, и позднее составляли крестьяне⁷.

Во-вторых, как уже упоминалось, в СССР, помимо стандартной категории «классовых врагов», преследованиям подверглись представители определенных национальностей. Это было связано с советской оккупацией зарубежных территорий в начале Второй мировой войны и сотрудничеством, реально имевшим место или мнимым, нерусского населения на территориях, оккупированных германской армией. В Китае не существовало подобной ситуации; больше того, неханьские национальности насчитывали всего 6% населения Китая; в СССР же нерусские составляли около половины населения страны. Репрессиям в Китае подверглись главным образом тибетцы. Как следствие массового террора, связанного китайцами после восстания 1959 г., сотни тысяч тибетцев были сосланы в более чем полторы сотни лагерей Лаогай в самом Тибете и примыкающих к нему провинциях; возможно, не более 2% из них остались в живых. В этой связи следует упомянуть также уйгуров, проживающих в Синцзяне⁸.

5. Об этом и фактах, изложенных далее см.: Wu H., *Laogai: The Chinese Gulag*. – Boulder (Colorado) etc., 1992. – P. 23–26.

6. *The black book...* – P. 498; Domenach J.-L. *Op. cit.* – P. 139, 221, 249, 455–57.

7. Domenach J.-L. – P. 445; *The black book...* – P. 479.

8. *The black book...* – P. 545; Domenach J.-L. *Op. cit.* – P. 442–443; ср. с показаниями выжившего очевидца: Ama Adhe. *The voice that remembers*. – Sommerville (Massachusetts), 1997.

Категории заключенных и типы лагерей

После прихода к власти в России большевики бросали всех заключенных в обычные тюрьмы, оставшиеся от царской системы и находившиеся в юрисдикции наркомата юстиции. Но уже летом 1918 г. было решено помещать политических заключенных в концлагеря. Их не судили в обычных судах, а то и вообще не судили. Концлагеря зачастую образовывались из бывших лагерей для военнопленных, переданных в ведение ЧК. С этого фактически и начался Гулаг⁹. Официально лагеря именовались в 1919 г. лагерями принудительных работ¹⁰, а позднее особыми или специальными лагерями. Когда в 30-х годах возникла угроза бойкота советских товаров на Западе в знак протеста против использования в СССР принудительного труда, концлагеря переименовали в исправительно-трудовые лагеря¹¹. В то же время вследствие роста числа такого рода заведений в ОГПУ, наследовавшем ЧК, был создан новый отдел, сокращенно именовавшийся ГУЛагом и отвечавший за большинство исправительно-трудовых лагерей и поселений, где использовался принудительный труд ссыльных¹².

Хотя две тюремные системы – обычная и «особая» для политзаключенных – существовали бок о бок еще в 20-х годах, не всегда можно было с легкостью отличить одну от другой. Скажем, в первом огромном «архипелаге» Гулага, коим были Соловки на островах Белого моря, уже в 1923–1925 гг. находились не только политзаключенные, но и обычные уголовники¹³. По мнению Энн Эпплбаум, различия между ними оставались до конца непроясненными вплоть до распада Советского Союза. Когда властям показалось, что соловецкий опыт сулит большую экономическую выгоду, было принято решение (1929) устранить эти различия и создать единую лагерную систему под началом ОГПУ¹⁴.

Одновременно возникла идея посредством административных и экономических мер заставить отбывших сроки наказания заключенных осесть в тех районах, где располагались лагеря¹⁵, что можно расценить как попытку непрямо-

9. См.: Applebaum A. – *Op. cit.* – P. 30–35.

10. Stettner R. «Archipel GULag»: *Stalins Zwangslager*. – Paderborn; Munchen; Wien; Zurich, 1996.

11. Applebaum A. – *Op. cit.*, p. 75.

12. Полным названием было «Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений». В данной работе ГУЛаг означает Главное управление, а Гулаг – всю систему использования принудительного труда заключенных, как в лагерях, так и за пределами лагерей.

13. Applebaum A. *Op. cit.* – P. 44.

14. *Ibid.* – P. 65–66.

15. *Ibid.* – P. 66.

го расширения лагерной системы. В этой связи следует упомянуть существование еще одной категории репрессированных – «спецпереселенцев» или «спецпоселенцев»¹⁶. В большинстве ими были кулаки в 30-х годах и представители наименьшинств в 40-х годах, размещенные в слабонаселенных местах с крайне тяжелыми жизненными условиями. В период с 1934 по 1944 г. эти поселения находились под юрисдикцией ГУЛага, а затем перешли в ведение другого отдела НКВД. В 50-х годах число спецпоселенцев и узников лагерей было примерно одинаковым.

В Китае политзаключенные и обычные преступники содержались вместе и в тюрьмах, и в концлагерях Лаогай с самого начала. «Лаогай» – это аббревиатура от «лаодонг гайцзао», что означает в буквальном смысле «реформирование (или “реконструкцию”) посредством труда». В широком смысле слова Гарри Ву различает три главные категории Лаогай: собственно «Лаогай» и то, что в латинской транскрипции можно обозначить как «laojiao» и «jiuye»¹⁷.

Лаогай (Laogai) в указанном смысле – изначально наиболее распространенная форма принудительного труда в коммунистическом Китае, всегда связанная с попытками перевоспитать заключенного (как, впрочем, две другие категории). Практически любой, считающийся оппозиционером по отношению к режиму или по меньшей мере ненадежным, мог стать узником «laogai». По закону он должен быть судим и приговорен обычным судом. Но зачастую приговор выносился в его отсутствие, а то и вовсе без слушания – судьи просто подтверждали решение органов госбезопасности¹⁸.

Laojiao (аббревиатура от laodong jiaoyang) означает «воспитание посредством труда», введено в августе 1957 г. Эта мера наказания вначале предназначалась в основном для сотен тысяч «правых», критически воспринявших кампанию Мао под лозунгом «пусть расцветает сотня цветов», но стала применяться также в отношении обыкновенных воров и мошенников. По словам бывшего узника этой категории Жана Паскуалини, под «laogai» попадали те, кто совершил «преступления», а под «laojiao» – те, кто совершил «ошибки». Все находилось под контролем органов госбезопасности, не требовалось легального судебного приговора, достаточно было решения самих этих органов. Заключенных распределяли по различным лагерям, которые со временем все более сливались с лагерями «laogai» (70–80% в 1980 г.). Но в отличие от приговоренных к «laogai» арестованные по категории «laojiao» обычно получали зарплату за свою

16. См. об этом: Stettner R. *Op.cit.* – P.129, 146–148, 156–157, 205, 211–212, 224, 384; Rossi J. *Op. cit.* – P. 418, 454; Applebaum A. *Op. cit.* – P. 12–13, 94–95, 403, 416, 517–518.

17. Wu H. *Op.cit.* В данной работе термин «Laogai» используется в широком смысле, а «laogai» в узком.

18. См. об этом: *Ibid.* – P. 54–80; Domenach J.-L. *Op. cit.* – P.166–170.

работу, хоть и мизерную. Срок заключения для них поначалу не определялся; лишь после 1961 г. он был определен в три года. Тем не менее освобождали не всех. Теоретически за узниками «laojiao» сохранялись гражданские права. Практически обе категории использования принудительного труда постепенно сближались друг с другом¹⁹.

«Jiuye» – аббревиатура от «liuchang jiuye», означающая «гражданскую повинность», которая составила третью главную категорию принудительного труда, наиболее либеральную, но все же оборачивающуюся заключением достаточно репрессивного характера. Сюда подпадали лица, которые ранее были заключенными по первым двум категориям, отбыли свои сроки наказания и должны были быть освобождены, но тем не менее задерживались в лагерях или близлежащих местах в качестве «свободных рабочих». Согласно одному из решений на правительственном уровне в 1953 г., примерно 70% из них надлежало продолжать задерживать, а 30% освобождать, но на деле первых было гораздо больше²⁰. Их доля стала уменьшаться в 80-х годах и, по некоторым данным, упала до порядка 10%²¹. Заключенные со статусом «jiuye» имели некоторые привилегии – жилье и оплата труда у них были получше, чем у «laojiao», они могли выходить из лагеря в деревню за покупками. Некоторым даже позволялось раз или два в году посещать семьи, либо принимать семьи в лагере; были случаи бракосочетания в лагерях. В целом, однако, они находились в состоянии такой же депрессии, как и другие, ибо никто не знал, когда окончится заключение²².

Итак, если в Советской России, по крайней мере в первое десятилетие, существовали две отдельные лагерные системы – для уголовников и «политических», – то в Китае с самого начала была создана единая система. Другое дело, что китайская система, в отличие от советской, разделяла заключенных на три охарактеризованные выше категории. Вместе с тем репрессивные органы в обеих странах в различные периоды времени принимали решение об аресте разных групп людей. Принудительный труд также использовался и там, и здесь

19. См. об этом: Bao Ruo-Wang (Jean Pasqualini) and Chelminski R. *Prisoner of Mao*. – N.Y., 1973. – P. 11 (сноска); Wu H. *Op. cit.* – P. 18; Wu H. *Nur der Wind ist frei*. – Frankfurt am Main, Berlin, 1994 (см., в частности, с. 49, 51–53, 99, 241–243, 289); Domenach J.-L. – *Op. cit.* – P. 111–115.

20. Оценка Гарри Ву (Wu H.), относящаяся к 1950–1960 гг., составляет 95% (Laogai., p. 111).

21. Domenach J.-L. *Op. cit.* – P. 434. Гарри Ву оценивает количество заключенных laogai в 50%, а lao jiao – 20–30% (Laogai, p. 113).

22. См.: Wu H. *Laogai*. – P. 108–118 и др.; Wu H. *Nur der Wind*. – S. 297–314; Domenach J.-L. *Op. cit.* – P. 98–100, 137–138, 228, 286–288, 345–346, 357–358, 434–435; *Black book...* – P. 500; Bao Ruo-Wang, Chelinski R. *Op. cit.* – P. 266.

во всех случаях. Китайцы продлевали сроки пребывания заключенных категории *jiuе* в лагерях; в СССР применялись другие методы, вынуждавшие многих отбывших сроки наказания оставаться в местах, непосредственно примыкающих к лагерям.

Не столь широко применялась в Китае советская практика помещения диссидентов на неопределенное время в психиатрические лечебницы («психушки») вместо лагерей. В начале 80-х годов в СССР функционировали около 85 таких лечебниц. О Китае в период, предшествовавший культурной революции, нам известно, что там только два человека подверглись подобной репрессии. В 70–80-х годах методы психиатрического преследования получили более широкое распространение. Прежде всего они применялись к лицам, сопротивлявшимся попыткам осуществить «реформу мышления»²³.

В этом контексте следует упомянуть еще о двух аспектах различия двух систем. Во-первых, в Китае лагерные администрации, как правило, не применяли советскую практику контроля над политзаключенными и их трудом руками обычных преступников²⁴. Во-вторых, в СССР органы большей частью не оказывали давление на жен или мужей политзаключенных, требуя, чтобы те развелись с ними; в Китае же это было обычным делом²⁵, и в результате в большинстве случаев брак узников, принадлежащих к категориям «*laogai*» и «*laojiao*», расторгался. За их семьями и родственниками устанавливался постоянный надзор, к ним могли применяться все виды репрессивных мер. Их детей могли исключать из школ и университетов. Тем самым за преступление одного члена семьи или группы несли наказание все прочие члены, что напоминало «родовую ответственность» (*Sippenhaft*), меру, применявшуюся нацистами в Германии. Насколько мне известно, этот инструмент репрессии не использовался в СССР за исключением периода 1937–1938 гг., когда по приказу НКВД арестовывались жены и дети всех, кого причисляли к «врагам народа»²⁶. Изобрели даже официальные термины-аббревиатуры «ЧСВР» (член семьи врага революции) и «ЧСИР» (член семьи изменника Родины).

Цели содержания заключенных в лагерях

В Советском Союзе предназначение лагерей не всегда было одинаковым и даже четким. Первоначально преобладали целевые установки на осуществление

23. См. об этом: *Bukowski W. Wind vor dem Eisgang. – Frankfurt/Main, 1978; Domenach J.-L. Op. cit. – P. 391–392.*

24. *Domenach J.-L. Op. cit. – P. 456; Applebaum A. Op. cit. – P. 263.*

25. *Domenach Op. cit. – P. 132–135.*

26. *Applebaum A. Op.cit. – P. 111–112.* Многие члены семей и родственники «врагов народа» были расстреляны.

наказания, предотвращение преступлений и перевоспитание заключенных, хотя и наличествовало стремление использовать их труд. Но с конца 20-х годов, когда стал воплощаться первый пятилетний план (1928–1932), Гулаг стал приобретать растущее экономическое значение, и до середины 50-х годов лагерная система преследовала две главные цели: во-первых, изолировать реальных или воображаемых политических врагов и соперников, запугать советских людей, тем самым консолидируя коммунистический режим (социополитическая цель); во-вторых, использовать труд заключенных на нужды планового народного хозяйства (экономическая цель). Лагеря играли важную роль в ускорении хозяйственного развития, особенно индустриализации, требующей разведки и эксплуатации природных ресурсов при одновременном развитии отсталых районов. Иными словами в указанный период Гулаг всегда был как инструментом политических репрессий, так и компонентом советской экономики²⁷.

Энн Эпплбаум полагает, что среди историков наблюдается растущий консенсус относительно того, что Сталин до конца жизни сохранял твердое убеждение в огромной роли лагерного труда. Полагаю, что она права. Действительно, система Гулага играла огромную роль в развитии Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. С конца 20-х годов ОГПУ и Гулаг приняли на себя немалую часть ответственности за экономический рост страны. В 30-х годах руками заключенных были осуществлены такие грандиозные строительные проекты, как Беломорско-Балтийский канал и канал Москва-Волга. К концу этого десятилетия лагеря Гулага размещались по всей территории Советского Союза, а в начале 50-х годов они играли решающую роль в советском хозяйстве в силу того, что заключенные работали практически во всех отраслях промышленности.

Тем не менее труд Гулага не был прибыльным. Понятно почему: принуждение в сочетании с низкой оплатой предопределяло его неэффективность. Уже в 20-е годы лагеря типа Соловецкого не окупали себя. В период Большого Террора (1936–1938) производительность труда во многих из них упала. Из-за снижающейся дисциплины государству пришлось в начале 50-х годов все больше субсидировать лагеря – в 1953 г. в объеме свыше 16% бюджета. Как констатировал Валерий Лазарев: «Конец Гулага можно считать декларацией банкротства в сугубо экономическом смысле»²⁸.

Почти все, что говорилось о целях Гулага, можно повторить применительно к системе Лаогай. И эти лагеря предназначались для наказания, подавления

27. *Applebaum A. Op. cit. – P. 32–35; Stettner R. Op. cit. – P. 364–366.*

28. См.: *Gregory, P., Lazarev V. (eds.). The economics of forced labor: The Soviet Gulag – The Hoover Institution Press, Stanford (Cal.), 2003, passim, esp. p. 193–197; см. также: Applebaum A. Op. cit. – P. 4, 68, 49–50, 70, 76–82, 86–89; Stettner R. Op. cit. – P. 214–240; Domenach J.-L. Op. cit. – P. 366.*

оппозиции, перевоспитания и эксплуатации труда заключенных. Согласно пособию Министерства юстиции задачами Лаогай были: «1) наказать преступников и установить над ними надзор; 2) перевоспитать преступников; 3) организовать труд преступников и производство...»²⁹.

Очевидно, лагеря Лаогай значили меньше для экономики Китая, чем лагеря Гулага для СССР. Относящиеся к тем и другим официальные статистические данные явно ненадежны и могут быть использованы лишь с большими оговорками. Серьезно говоря, система Лаогай никогда не выдавала более 1,6% промышленной продукции. По-видимому, ее вклад в индустриальное производство был значителен только в 50-х годах, когда затевались трудоемкие строительные работы с использованием примитивных орудий труда. В общем и целом преимуществом Лаогай было обеспечение дешевой рабочей силой таких неблагодарных видов работы, как раскопки и строительство шахт (mining), прокладка дорог и железнодорожных путей (например, трассы Циньхай и «Дороги дружбы», ведущей в Советскую Киргизию), дамб (таких, как на реках Хуай и Хуанхе). Похоже, что эффективность труда заключенных в Китае была не выше, чем в Гулаге. Большинство лагерей «laogai» и «laojiao» не окупали себя. Вследствие роста числа престарелых заключенных, ухудшения трудовой дисциплины в лагерях и распространения хозяйственной модернизации система Лаогай в 1970–1980 гг. все больше и больше откатывалась на периферию экономического развития. Мне так и не удалось установить, мог ли и может ли Китай получить существенную прибыль от экспорта продукции лагерных фабрик³⁰.

Главное различие в предназначении лагерей Гулаг и Лаогай касается перевоспитания. Как упоминалось выше, в Советской России 20-х годов перевоспитание было одной из задач тюремного заключения, по крайней мере теоретически, а затем, по мере выдвижения на передний план экономических задач, оно потеряло свое значение. В Китае, однако, перевоспитание было одной из главных, если не главной целью системы Лаогай с самого начала и вплоть до последнего времени (как уже говорилось об этом применительно к Цзянсийскому и Яннаньскому периодам коммунистической власти). Ключевое значение всегда придавалось «реформе мышления». С моей точки зрения, это прежде всего

29. *Criminal Reform Handbook, PRC Ministry of Justice, Laogai Bureau, Shaanxi People's Publishing House, 1988, цит. no: What is the economic significance of Laogai? / Laogai Research Foundation (LRF) and Wu H. (English), February 11, 2006 (www.igfm-muenchen.de/china/Laogai/Laojiao-laogai.html#LaogaiFoundation).*

30. См.: *Domenach J.-L. Op. cit. – P. 366–376. Доменаш предоставляет много статистических данных, но относится к ним с сомнением. См. также: The black book. – P. 499. Сравните с: Wu H. with Vescey G. Troublemaker: One man's crusade against China's cruelty. – L., 1996. – P. 138.*

означало и означает полное подчинение индивида партии, воле партийного руководства. Под другим углом зрения, целью было сломать волю людей, разрушить личную индивидуальность. Путь к подчинению предполагал несколько шагов: сначала признание собственных преступлений или ошибок; затем устная и письменная самокритика; наконец, раскаяние и соблюдение навязанных правил. Тот, кто не готов признаться в преступлениях, становится объектом «уроков борьбы (douzheng huiyi)», когда другие заключенные сурово критикуют, а иногда и избивают его. Чтобы доказать свое раскаяние, необходимо в ответ критиковать и разоблачать других, что расценивается как верность государству. Тем самым режим создавал ситуацию, в которой каждый мог контролировать каждого. Система перевоспитания стала постепенно терять свой смысл начиная с 70-х годов³¹.

В наихудшие периоды существования лагерей Лаогай заключенные обычно подвергались «реформе мышления» каждый вечер в течение двух часов после напряженного трудового дня. Следует оговориться, что «реформа мышления» применялась не только в лагерях, но и в обществе в целом, просто в лагерях она осуществлялась регулярно и более строго. Стоит указать, что «уроки борьбы» имели место не только в Китае. В 1953 г., будучи студентом в Восточном Берлине, я стал объектом подобного мероприятия, одно из которых длилось шесть часов. Давление такого рода оказывалось на арестованных и в Советском Союзе в преддверии суда. Когда же заключенные попадали в Гулаг, «перевоспитанию» они подвергались относительно нечасто. Подобная ситуация наблюдалась на практике также в нацистской Германии (за исключением первых лет), в коммунистических странах Восточной Европы и на Кубе; во Вьетнаме же и Северной Корее часто практиковались методы «реформы мышления», вероятно, под влиянием опыта китайских товарищей.

Достигла ли своей цели «реформа мышления» в Китае? На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Если целью ставилось превращение заключенных в убежденных марксистов-ленинистов-маоистов, то в большинстве случаев она не достигалась. Многие заключенные не чувствовали себя виновными и заслуживающими заключения. Как могли они идентифицировать себя с системой, столь несправедливо поступившей с ними? Если же целью было подчинение, то она в большинстве случаев достигалась. Люди понимали, что сопротивление режиму бессмысленно, что режим неуязвим. Это порождало страх, попытки вести себя по-конформистски, избегать всего, что могло бы вызвать столкновение с опасной властью³².

31. О выше- и нижеизложенном см.: Wu H. *Laogai*. – P. 28–32, 144; *The black book...* – P. 501–507; Domenach J.-L. *Op. cit.* – P. 16, 141, 173–175, 283–288, 358–362, 388–391; Williams Ph. and Wu H. *Op. cit.* – P. 107–109; Hawk D. (*U.S. Committee for Human Rights in North Korea*). *The hidden Gulag: Exposing North Korea's prison camps. Prisoners' testimonies and satellite photographs*. – Wash., DC, n.d., passim.

32. См.: Domenach J.-L. *Op. cit.* – P. 174–176.

**Об условиях жизни, пытках, убийствах,
самоубийствах, смертности и численности
заключенных**

Если сравнить условия жизни заключенных в системах Гулага и Лаогай, особых различий не обнаруживается. В обоих случаях эти условия были ужасны, обращение с заключенными – бесчеловечным.

Крайне тяжелый физический труд, недоедание, антигигиенические условия, болезни и эпидемии, плохое лечение, а то и отсутствие всякого лечения, грубость охранников, чувство безнадежности из-за незнания, сколь долго на деле продлится заключение – все это было характерным для обеих систем и обуславливало высокий уровень смертности. Многочисленные воспоминания узников Гулага и Лаогай, которые мне довелось прочесть, созвучны в описании жизни в лагерях – за исключением того, что китайских узников ожидали дополнительные муки, когда их подвергали унижительной «реформе мышления». Лишь в 70-х годах в лагерях системы Лаогай мало-помалу стали улучшаться питание, гигиена и медицинская помощь³³.

В советских тюрьмах и лагерях истязания были обычным делом. Охранники применяли к арестованным меры физического и психологического воздействия, чтобы получить их признание, наказать по тому или иному поводу или просто удовлетворить свое чувство садизма. Хотя официально физическое насилие было запрещено в начале 30-х годов, а затем вторично в 1939 г., прибегали к нему постоянно. В 1937 г. Сталин лично разрешил оказывать физическое воздействие на «врагов народа», которые месяцами не дают признательных показаний³⁴. Физическое воздействие включало все виды избиения и издевательств над заключенными, которым ломали руки и ноги, связывали руки за спиной и поднимали в воздух, заставляли стоять в течение нескольких дней без еды, воды и сна. После смерти Сталина Берия запретил применение физических мер воздействия к задержанным, но изощренные формы истязаний, выдаваемые за «наказания», время от времени использовались в отношении диссидентов в 70-е годы³⁵.

В Китае физические истязания, хотя и были запрещены законом, в начале 50-х годов применялись по отношению к задержанным широко и в весьма жестоких формах, как правило для того, чтобы выбить из них признание. Ме-

33. См.: Kizny T. *Gulag*. – Hamburg, 2004. – P. 10, and passim; Domenach J.-L. *Op. cit.* – P. 115, 180–198, 281–282, and passim; Applebaum A. *Op. cit.* – P. 88, 179–370; *Black book...* – P. 154–155, 545; Williams Ph. and Wu H. *Op. cit.* – P. 62–106.

34. Applebaum A. *Op. cit.* – P. 143.

35. *Ibid.* – P. 45–46, 114–115, 141–146, 150, 431, 482, 486–487.

тоды истязаний были примерно теми же, что и в советских тюрьмах, если не более жестокими, и включали лишение сна в ряде случаев до 30 суток. В середине 50-х годов истязания были заменены более мягкими физическими мерами и психологическим давлением. Особенно жестоким во все времена было одиночное заключение. В период «культурной революции» использование физического воздействия снова участилось, повторялись жестокие избиения и лишение сна, дополнявшиеся более интенсивным внедрением «реформы мышления». Затем последовал период либерализации (1979–1982), когда использование пыток для получения признания публично критиковалось. Но подавление восстания на площади Тяньаньмынь в 1989 г. вызвало возрождение определенных методов воздействия. Хотя после 1979 г. наблюдались попытки ввести обращение с задержанными и заключенными в рамки закона, истязания их в Китае не прекратились полностью³⁶.

Обычным делом в обеих системах были казни. Известно о массовой казни в гулаговском лагере на Соловецких островах в 20-х годах. Пик убийств пришелся на 1936–1938 гг. Большею частью они происходили в тюрьмах, но случались и в лагерях. Массовые расстрелы имели место в лагерях Воркуты, Беломорского канала, Ухтпечлаге в Республике Коми и опять-таки в Соловках. По одной из оценок в годы Большого Террора были казнены порядка 700 тыс. заключенных, по другой – 1,5 млн. В конце 1938 г. массовые казни прекратились то ли потому, что Сталин посчитал, что уже ликвидировал всех своих мнимых врагов, то ли потому, что это наносило ущерб экономике – а возможно, по обоим причинам. Но и после этого охранники продолжали расстреливать заключенных, которые бунтовали, пытались совершить побег или просто падали от слабости во время перегонов из одного лагеря в другой. Когда в начале войны немецкие войска наступали довольно быстро, подразделения НКВД уничтожили десятки тысяч политзаключенных в балтийских государствах и бывших восточных землях Польши. И еще до этого, в 1940 г., по приказу Сталина были убиты выстрелами в затылок около 20 тыс. польских офицеров, которые содержались в лагерях для военнопленных и Гулага после вторжения Советской армии в Восточную Польшу в 1939 г.³⁷

Масштабы казней в Китае были не меньше, если не больше, чем в СССР. Массовые убийства стали частью традиции коммунистической власти. Еще в

36. *Domenach J.-L. Op. cit. – P. 85–86, 160–161, 258–259, 280, 308, 331, 349–350; Wu H. Laogai. – P. 68–70; Black book... – P. 508–509 (о тенденции к снижению мер воздействия); Williams Ph. and Wu H. Op. cit. – P. 128–134.*

37. *См. об этом: Conquest R. The Great Terror: A reassessment. – L., 1992, passim; Applebaum A. Op. cit. – P. 46, 104–106, 109, 114–117, 254, 356–357, 375–377, 379, 389–390, 442–443; The black book... – P. 184–202, passim. Жак Росси полагает, что были казнены именно порядка 1,5 млн. человек (Rossi J. Op. cit. – P. 226).*

Цзяньси (1927–1934) и Янани (после 1936 г.) коммунисты уничтожили сотни тысяч людей, чтобы ликвидировать «вредные» слои общества и запугать потенциальных противников. В ходе земельной реформы в начале 50-х годов было, возможно, убито не менее 2–3 млн. «помещиков и крестьян». Примерно в это же время, в канун «кампании по подавлению контрреволюционеров» («женьфань»), были казнены несколько сотен тысяч «активных противников» и «потенциальных врагов» в городах. Это происходило в тюрьмах, лагерях Лаогай, а также прилюдно. Если советские палачи обычно убивали свои жертвы тайно, то китайские коммунисты часто устраивали публичные казни в порядке зрелищ для народа и эффективного средства устрашения – как гласит китайская поговорка, «зарезь цыпленка, чтобы напугать мартышку»³⁸.

По весьма осторожным оценкам между 1949 и 1952 гг. были казнены около 4 млн. человек. Но даже в этот период массового террора охрана в лагерях Лаогай постоянно расстреливала задержанных за малые провинности, за нежелание сознаться, попытки к бегству, выход за границы лагерей, а порой просто за недостаточное рвение в труде. Когда Мао Цзэдун в 1967 г. решил пресечь хаос «культурной революции» с помощью армии, была развязана наихудшая волна репрессий с 50-х годов, апогеем которой стала оргия убийств десятков тысяч людей в лагерях Лаогай, тюрьмах и вне их. Массовые расстрелы имели место и в 1977–1978 гг. после восстаний в лагерях вслед за смертью Мао, а также во время репрессий 1983–1984 гг.

Поскольку нет официальной статистики и невозможно провести грань между «законными» и «незаконными» убийствами, невозможно и объективно сравнить две репрессивные системы по числу уничтоженных. Необходимо по крайней мере принять во внимание, что даже в 2005 г. Китай намного опережал другие страны мира по числу смертных приговоров и казней в год: 1170 против идущих следом Ирана (94), Саудовской Аравии (86) и США (60)³⁹. Более того, хотя обычным методом казней в Китае были расстрелы, известны случаи, когда

38. Об этом и о фактах, изложенных в следующих двух абзацах, см.: Domenach J.-L., *Op. cit.* – P. 40, 42, 58–59, 63–68, 83, 115, 156, 234–237, 239–240, 297–298, 316–318, 329–330; Wu H. *Laogai*. – P. 3, 57, 66–67, 69–71, 73, 79–80 (note 27), 117, 129, 139; Wu H. *Troublemaker*. – P. 148–156. Г. Ву считает, что после инструкций, введенных в 1951 г., были казнены от 10 до 15 млн. человек, но он не документирует эти цифры ссылкой на источники. См.: Wu H., *Laoga*. – P. 70; *Communist Charity*, May, 2001: A comprehensive report on the harvesting of organs from the executed prisoners of the People's Republic of China, The Laogai Research Foundation, Washington, DC, 2001, *passim*.

39. Данные «Amnesty International» из Лондона от 20 апреля 2006 г., цитируемые в: *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, April 21, 2006. Если мы сравним одновременно численность населения Китая и США в 2005 г., то обнаружим, что пропорция казней в Китае была примерно в семь раз выше, чем в Соединенных Штатах.

заключенных вешали, забивали до смерти, сжигали, закапывали живыми. Особенно отвратительными были вырезания органов тела у казненных, часто без их согласия и в нарушение закона, иногда даже до казни, с целью трансплантации этих органов привилегированным лицам в Китае и богатым иностранцам, как правило, из китайской диаспоры.

Теперь кратко о еще одном аспекте лагерной жизни в системах Гулага и Лаогай – самоубийствах. Ввиду крайне бесчеловечных условий существования можно было бы ожидать, что самоубийства там совершались часто. Но в Гулаге, хотя официальной статистики на этот счет нет, возможно, дело обстояло иначе, и во всяком случае из воспоминаний выживших картина складывается неодинаковая. Многочисленны «автобиографические» сведения о самоубийствах, но есть и воспоминания уцелевших узников, стремившихся объяснить, почему люди не совершали их. Может быть, сильнейшим побудительным мотивом не делать этого являлось желание снова увидеть свои семьи (это совпадает с тем, что мне известно о переживаниях немецких военнопленных в советских лагерях). В отношении Лаогай мы располагаем многочисленными документами, оставленными самими самоубийцами, но опять же без надежной статистики. Если все же процент самоубийств в системе Лаогай был выше, чем в Гулаге, то это могло быть вызвано несколькими причинами. Во-первых, по числу самоубийств Китай занимает одно из первых мест в мире, в два или три раза опережая США. Во-вторых, как уже подчеркивалось, помимо чисто физических страданий китайские заключенные подвергались психологическому испытанию «реформой мышления». Наконец (что также отмечалось выше), у многих из них не могло быть надежды на воссоединение с супругой (или супругом), потому что тех заставляли развестись с ними⁴⁰.

Смерть навещала лагеря Гулага и Лаогай в самых разных формах. И там, и здесь люди умирали от голода, холода, условий труда, переутомления, нехватки одежды, жуткой антисанитарии, недостаточного или отсутствовавшего медицинского ухода, жестоких наказаний и, конечно же, казней⁴¹.

40. См. об этом: Rossi J. *Op. cit.* – P. 379 (Росси полагает, что самоубийства были «чрезвычайно редким случаем»); Stettner R. *Op. cit.* – P. 188; Applebaum A. *Op. cit.* – P. 115, 312–313, 385; Wu H. *Laogai.* – P. 129; Domenach J.-P. *Op. cit.* – Pp. 259, 350; Kaplan A. *China's suicide pattern challenge depression theory // Psychiatric Times.* – Jan. 1999, vol. XVI, issue 1 (www.psychiatristimes.com/p990106.html); AFAR Journal, 11/18/2003, (www.asianresearch.org/articles/1697.html).

41. См.: Applebaum A. *Op. cit.* – P. 23–24, 45, 79, 88–89, 99, 101, 114, 123, 306–315, 376, 381–382, 410; Stettner R. *Op. cit.* – P. 188; *The Black book...* – P. 203–215 passim, 497–513; Domenach J.-L. *Op. cit.*, passim. Имеются донесения о каннибализме как в Гулаге, так и Лаогае. См.: Applebaum A. *Op. cit.* – P. 115; Domenach J.-L. *Op. cit.* – P. 214; *The blackbook...* – P. 154–155, 545.

Хотя некоторые данные стали доступны после частичного раскрытия советских архивов, на вопрос, сколько же людей умерло в Гулаге, нет удовлетворительного ответа и исследователи спорят об этом по сей день. В своей интереснейшей книге Энн Эпплбаум детально объясняет, почему так происходит. Ко всем цифрам, с которыми мы имеем дело, следует относиться с максимальной осторожностью. Повторю названное ею (названное, как она сама поясняет, неохотно) число смертей в лагерях Гулага, включая деревни спецпоселенцев, в сталинское время, с 1929 по 1953 г.: 2 млн. 800 тыс. человек. Эта цифра не включает жертв массовых расстрелов вне лагерей, прежде всего в лесах, число которых с 1934 по 1953 г. составило 800 тыс. Добавить также следует погибших в период с 1918 по 1938 г., особенно в Соловецком лагере – их, по крайней мере, несколько десятков тысяч. Согласно подробным донесениям НКВД, только в лагерях (не считая спецпоселений) смертность между 1930 и 1953 гг. сильно варьировалась, примерно от 25% в 1942 г. до 0,7% в 1953 г. Судя по этим цифрам, средняя ежегодная убыль в лагерях составляла порядка 5,5%⁴².

Гораздо менее надежны цифры, относящиеся к Лаогаю. Иностранцы не имели абсолютно никакого доступа к соответствующим архивным документам, да и для китайских исследователей это дело почти невозможное. Все наши данные основаны на приблизительных расчетах и догадках. Жан-Люк Доменаш оценивает смертность в период с 1949 по 1952 г. в 5%, а в период с 1953 по 1957 г. в 3,5%. Между 1959 и 1962 гг. в результате политики «Большого скачка» и последующих трех голодных лет, смертность достигла 10%. В отношении дальнейшего времени Доменаш не приводит сколько-нибудь ясные цифры, замечая лишь, что в 1962–1971 гг. смертность снизилась. Он полагает, что средняя смертность с середины 50-х до конца 70-х колебалась от 2 до 3,5%. Если это так, то с оговорками можно предположить, что смертность в китайских лагерях была несколько ниже, чем в советских⁴³.

Рассмотрим, наконец, вопрос о том, сколько людей прошли через Гулаг и Лаогай. В отношении собственно Гулага имеется довольно надежная статистика НКВД, основанная на самой лагерной документации. Опять-таки согласимся с Энн Эпплбаум, которая различает следующие главные категории используемых

42. См.: Applebaum, p. 518–520; Stettner, p. 188–190. Более ранние оценки были подчас чрезвычайно высокими, оценивавшими число жертв в 15–20 млн. за период 1937–1953 гг. (эту цифру называл Андрей Сахаров в 1960-х годах). Уже в 2005 г. Ричард Овери считает, что смертность в Гулаге достигала 14%. См.: Overy R. *Die Diktatoren: Hitlers Deutschland, Stalins Russland.* – München, 2005 (цит. no: Frankfurter Allgemeine Zeitung, October 19, 2005. – S. 8).

43. См.: Domenach J.-P. *Op. cit.* – P. 83, 193–194, 214–215, 218–219, 257, 282, 437. *Ср.: The Black book... – P. 498.*

на принудительных работах: 1) заключенные Гулага в узком смысле слова; 2) военнопленные; 3) советские граждане, автоматически заподозренные в сотрудничестве с врагом и содержавшиеся в фильтрационных лагерях только потому, что они находились за пределами СССР в военные годы; 4) те, кто приговаривался к «принудительному труду без снисхождения (*incarceration*) за нарушение рабочей дисциплины»; 5) «спецссылные», а именно кулаки, депортированные в 30-х годах, прибалты, поляки и представители других национальностей, депортированные после 1939 г.: приволжские немцы, чеченцы и другие кавказцы, крымские татары. Всего, включая примерно 5 млн. военнопленных, мы насчитываем почти 29 млн. человек, принуждавшихся к труду в Советском Союзе⁴⁴.

Как и в случае со смертностью, чтобы установить число заключенных в лагерях Лаогай, необходимо прибегнуть к приблизительным оценкам, поскольку надежные архивные данные отсутствуют. По этой причине Жан-Люк Доменаш, единственный исследователь, интенсивно и методически занимавшийся изучением этого вопроса, не смог выявить данные о динамике числа заключенных в лагерях и вне их. Невозможно привести даже относительно надежную цифру общего количества людей, прошедших через систему Лаогай, как это сделала Энн Эпплбаум в отношении Гулага. У Доменаша мы находим только оценки численности для отдельных отрезков времени. Он полагает, что население лагерей Лаогай между 1952 и 1977 гг. оставалось довольно стабильным в пределах 10–11 млн. человек, а к 1986 г. уменьшилось до 5 млн. Соотнеся эти цифры с населением всего Китая, он пришел к выводу, что максимальное число заключенных составило 1,75% от всего населения (1952), а минимальное – 0,45% (1986). Исходя из подсчетов Энн Эпплбаум, охватывающих Гулаг и спецпоселения, в СССР аналогичный максимум достигал 4,8% в 1951 г., а минимум – 0,1% в 1930 г.⁴⁵

Гулага больше нет. Исчезнет ли Лаогай?

В заключение хотелось бы выразить надежду, что в данном исследовании удалось показать, что обе лагерные системы были похожими, но не одинаковыми; что в них проявились наиболее отвратительные и бесчеловечные черты тоталитарного государства; что лагеря Лаогай были хуже Гулага по крайней мере в одном отношении – заключенные не только подвергались в них крайне тяжелым физическим мукам, включая истязания и смерть, делались попытки лишить их самоуважения и растоптать их души методами «реформы мышления».

44. См.: *Applebaum A. Op. cit.* – P. 515–518.

45. *Domenach J.-L. Op. cit.* – P. 431–439; *Applebaum A. Op. cit.* – P. 515–518.

Удивительно, насколько тесно две системы ассоциировались с двумя диктаторами. Сразу после смерти Сталина в марте 1953 г. Гулаг очень быстро стал приходить в упадок. Уже через три недели на страницах «Правды» была объявлена первая амнистия, а вскоре после этого из лагерей и колоний выпустили около 1,2 млн. человек, т.е. почти половину заключенных. Год спустя в лагерях был введен 8-часовой рабочий день, и узникам разрешили переписываться с близкими, получать от них посылки. Своего рода психологическим импульсом к ускорению процесса освобождения и реабилитации заключенных послужил доклад Хрущёва о сталинских преступлениях в феврале 1956 г. Гулаг как штаб-квартира лагерного начальства был ликвидирован, а сами лагеря стали закрываться с 1957 г., начиная с наиболее крупных⁴⁶. Однако до сих пор лица, ответственные за жестокости системы Гулага, так и не были привлечены к суду. Политическая элита России и большинства других постсоветских государств не очень-то склонна обнажать с необходимой открытостью преступный характер коммунистического прошлого своих государств.

Что касается Китая, то смерть Мао в сентябре 1976 г. не привела к ликвидации системы Лаогай. Однако приход к власти Дэн Сяопина в декабре 1978 г. и начало политики реформ принесли заключенным улучшение условий жизни. Начиная с 1978 г. стали освобождаться и были освобождены почти все жертвы «культурной революции» и других маоистских кампаний, так что в лагерях Лаогай остались только 100 тыс. человек. Уже в первой половине 70-х годов «реформа мышления» постепенно утратила свое значение. В сентябре 1981 г. Национальная конференция Лаогай приняла решение, вопреки существовавшей практике, освободить всех заключенных, которые уже отбыли свой срок наказания, а заключенных категории «jiuе» (см. о ней выше) отправить домой. Более того, в 1985–1988 гг. режим намеревался расширить право заключенных на жалобу относительно плохого обращения с ними. Можно, однако, усомниться в том, что все эти нововведения были полностью осуществлены. После восстания на площади Тяньаньмынь в июне 1989 г. вновь усилились репрессии в лагерях, и обрело второе дыхание политическое перевоспитание. В 1990–1991 гг. население лагерей Лаогай насчитывало 4–5 млн. человек – больше, чем в 1988 г. Несколько же лет спустя режим создал новую категорию политических преступников – последователей религиозного движения Фалун Гонг и бросил их в тюрьмы и лагеря⁴⁷.

46. *The Black book...* – P. 278–284; Applebaum A. *Op. cit.* – P. 428–434, 454–458, 465.

47. *Domenach J.-L. Op. cit.* – P. 283–285, 303, 308, 310–312, 324, 335, 338, 357; Wu H. *Nur der Wind.* – P. 327.

И, как мы можем наблюдать, система Лаогай еще жива. Не видно сколько-нибудь серьезных усилий нынешнего режима определиться относительно преступного прошлого предшествующего режима, включая трагическую лагерную главу. У жертв политических преследований нет никаких шансов привлечь своих мучителей к суду. Это напоминает ситуацию в большинстве постсоветских государств. Но есть и различия: если в России сталинские преступления служат предметом открытой дискуссии, в Китае не позволено публично подвергать Мао Цзэдуна серьезной критике – хотя именно он несет главную ответственность за все ужасы прошлого, в том числе и за Лаогай.

А. М. Рыкачев

РЕАЛЬНЫЙ БАЗИС И ИДЕАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

(Предисловие к публикации)

РЫКАЧЕВ Андрей Михайлович (1876–10(23).5.1914), экономист, социолог, публицист. Сын физика и метеоролога, академика М.А. Рыкачева, внучатый племянник Ф.М. Достоевского. После окончания юридического факультета Санкт-Петербургского университета работал в саратовских и петербургских газетах. В 1906 публиковал отчеты о заседаниях Первой Государственной Думы. С 1910 г. ближайший сотрудник П.Б. Струве по журналу «Русская мысль». В 1914 г. добровольцем ушел на фронт; был убит при обстреле. Миросозерцание Рыкачева, политически близкого правовой фракции кадетской партии, отличало «...особое сочетание элементов консерватизма и действительной прогрессивности». Подчеркивая «...положительные стороны» капиталистического строя, цен его как «...естественную форму», осуществляющую «...энергию национальной производительности», он изменял «идеалу экономической справедливости и считал, что энергия эта может «...действительно осуществляться, лишь когда участвующие в экономической деятельности личности сознают свое дело, как свою идеальную задачу» (Франк С.Л. Смерть А.М. Рыкачева // Рус. мысль. – Пг., 1914. – Кн. XII. – С. 187 (2-я паг.)). Экономические воззрения Рыкачева наиболее концентрированно выразились в его труде «Деньги и денежная власть. Опыт теоретического истолкования и оправдания капитализма» (СПб., 1910. – Кн. I). Социально-политические же – в его рецензии на книгу Р. Михельса «Социология политических партий в условиях демократии» (там же // 1911. – Кн. IV) и в републикуемой, с незначительными сокращениями, в этом номере журнала статье «Реальный базис и идеальные задачи политических партий (о партийной борьбе и партийном разоружении)» (там же // 1911. – Кн. XXI). Статья*

* Необходимо, в частности, назвать: Берлин П.А. Политические партии на Западе: Их доктрины, организация, деятельность. – СПб., 1907. – 268 с.; Головин К.Ф. Вне партий: Опыт политической психологии. – СПб., 1905. – 319 с.; Межуев П. Партия // Политическая энциклопедия. – СПб., 1907. – Т. 1, вып. 4. – С. 622–625; Хвостов В.М. Общественное мнение и политические партии. – М., 1906. – 63 с. См. также: Мир политической мысли: Хрестоматия по политологии / Под ред. Исаева Б.А. – СПб., 2002. – Кн. 2: Основатели российской науки о партиях. – 221 с.; Федоринов В.Е. Общественно-политическая мысль России конца XIX – начала XX века о концепции политической партии. – М., 2000. – 241 с.

Рыкачева – наиболее значительная, в отечественной литературе начала XX в. по проблемам социологии партий, изданная в России и принадлежащая перу русского ученого.

Соглашаясь с трактовкой М.Я. Острогорским в книге «Демократия и политические партии» процессов формирования, развития и функционирования партий, превратившихся и в Великобритании, и, в большей степени, в США в проникнутые «внутренней фальшью, партийные “машины” Рыкачев вместе с тем весьма критически отнесся к идее Острогорского о желательности преобразования строго структурированных партий в свободные «политические лиги». Он считал, что реальное развитие партий как политических сил возможно только на почве очень сложного и кропотливого согласования методов свободного убеждения с элементами партикуляризма и непримиримости. П.Б. Струве в некрологе о нем писал, что «умеренные взгляды», еретические с точки зрения интеллигентской традиции», были выражением самого строя его «умственного и морального творчества» (Рус. мысль. – 1914. – Кн. 12. С. XV–XVI).

И.Л. Беленький

I

Причина тяжелых недугов, сопровождающих переход России к новым политическим формам, лежит не только в особых условиях русской жизни и не только в понятной болезненной чувствительности всякого социального организма к внезапным переворотам, но отчасти и в самом свойстве политических форм и политических идей, воспринимаемых нами с Запада. Если, с одной стороны, Россия не вполне готова для восприятия западноевропейской (европейско-американской) политической культуры, то, с другой стороны, и западноевропейская политическая культура еще не совсем созрела для роли политического воспитания отсталых народов. Конституционный строй в государствах, которые служат для нас образцом, отчасти был результатом инстинктивного приспособления и до сих пор не осознан, не понят до конца самими его творцами, а следовательно, и не может быть сознательно передан, как передаются знания учителем ученику, отчасти же сложился под влиянием определенных теорий и верований, которые как раз в настоящее время находятся в состоянии шатания и внутреннего кризиса. При таких условиях вполне естественно, что в головах русских защитников конституционализма оказался большой беспорядок, порождающий в свою очередь тем более острую потребность в порядке, системе и примирении противоречий. Ученики часто ощущают гораздо сильнее, чем их учителя, потребность в рациональном объяснении и оправдании воспринимаемых методов и правил поведения. При первой встрече с новыми явлениями естественно встают вопросы за вопросами: почему? зачем? и нельзя

ли то же самое сделать еще лучше? Такой ученической потребностью в рационализации практических уроков, доставляемых русской и заграничной политической жизнью, продиктованы и нижеследующие размышления о природе политических партий и партийной борьбы.

Какая-то недоговоренность, какая-то моральная двусмысленность существует повсюду по отношению к современной партийной системе. Про англичан, давших первый образец и выработавших наиболее законченную систему партийного режима, компетентный исследователь говорит: «На партийную систему смотреть как на нечто исключительное и не вполне заслуживающее одобрения. Люди готовы умереть за партию, но они редко ставят себе это в заслугу. В течение двух столетий англичане, отдавая огромное количество пыла и энергии на свою великую партийную борьбу, в то же время постоянно высказывали ей осуждение. Ни один из крупных писателей, за исключением Берка, и ни один из крупных государственных деятелей, за исключением Бальфура, не смели прямо смотреть в лицо фактам. Начиная с герцога Мальборо, который в конце своей карьеры заявил, что единственное его желание – жить в какой-нибудь стране, где неизвестны ненавистные имена вигов и тори, и вплоть до наших дней мы наблюдаем непрерывный поток осуждений партийной системе. Ни одно заявление не может вызвать стольких аплодисментов на митингах, как такое заявление: «Это, господин председатель, не партийный вопрос, и я не намерен трактовать его с партийной точки зрения»¹.

Если мы обратимся к науке, то и здесь увидим какую-то нерешительность по отношению к проблеме партий. Получается впечатление, что наука еще не успела отвести этой проблеме определенного места. То, что говорится обыкновенно о роли и организации партий в курсах государственного права (если автор курса не предпочитает обходить данный вопрос полным молчанием), не стоит ни в каком соответствии с действительным значением партий в государственной жизни. Есть немало хороших работ, целиком или отчасти посвященных специальному изучению проблемы партий. Но в общем работы эти производят впечатление разрозненных попыток: не чувствуется у наследователей общей почвы, которая бы позволила говорить об отношении науки к данной проблеме, а не только об отношении отдельных исследователей². Тем не менее можно наметить несколько преобладающих тенденций, к которым сводятся различные попытки построения теории партий. Попробуем сопоставить эти основные тенденции.

1. Государственный строй Англии. В переводе Браудо В.И. – СПб., 1908. – С. 102.

2. Довольно много внимания уделяет вопросу о партиях основанный в 1907 г. журнал *Zeitschrift für Politik* (herausgeg. von R.Schmidt und Ad. Grabowsky). С 1911–1912 гг. в качестве постоянного приложения к этому журналу будет выходить «первый орган, посвященный изучению партий»: «*Die Parteien. Urkunden und Bibliographie der Parteinkunde*».

Во-первых, некоторые писатели пытались представить партийную борьбу как столкновение всегда существовавших, неизбежно во всяком обществе возникающих, противоположных принципов социального поведения, например, консервативной осторожности и смелого новаторства, религиозности и рационализма, централизма и дифференциации. Целый ряд теорий этого рода подвергнут критике в посмертном собрании набросков и статей А. Меркеля³, который и сам выдвигает, хотя с оговорками и в очень осторожной форме, подобную же конструкцию антагонизма консервативного и либерального принципов.

Во-вторых, имеется тенденция видеть в политических партиях лишь новую форму борьбы социальных классов или вообще социальных групп с противоположными интересами. Наиболее яркое выражение эта тенденция нашла в доктрине марксизма.

Наконец, третья тенденция заключается в том, что исходной точкой для разрешения проблемы партий берется специфическая потребность новейшей демократии в организующих центрах для объединения распыленной массы избирателей. Оригинальным и ярким представителем этой тенденции является М.Я. Острогорский в своем большом труде: «Демократия и организация политических партий»⁴.

Первая тенденция хочет отыскать за внешними дисгармониями партийной борьбы внутреннюю гармонию, скрытое стремление социальной жизни к высшему единству. Практически она означает призыв к духу терпимости и широте взглядов в партийной политике.

Вторая тенденция может быть названа реалистической: она хочет ограничиться самыми близкими и осязательными мотивами. На практике она поддерживает трезвый реализм и внутреннюю партийную сплоченность с опасностью уклона в сторону узкого партикуляризма.

Третья тенденция сосредоточивает внимание на специфических особенностях современной демократии и на специфических свойствах современной партийной системы, как явления нового, совершенно отличного от других форм социальных антагонизмов. На практике третья тенденция дает наиболее удобную почву для требования реформ в методах организации и в тактике политических партий.

Есть писатели, у которых имеются налицо две или все три указанные тенденции, соединенные в той или другой комбинации. Нетрудно видеть, что в каждом из трех направлений мысли по данному вопросу есть доля истины. Гораздо труднее определить, какую именно долю признания нужно отдать каж-

3. Merkel A.: *Fragmente zur Socialwissenschaft* – Strassburg, 1898. Проблема партий посвящена наибольшая часть этого тома.

4. Ostrogorski M. *La Democratie et l'organisation des parties politiques*. Paris, 1903. – Vol. 1–2.

дому из направлений и какова должна быть исходная точка для окончательного их синтеза. Мне кажется, что в третьей тенденции заключается гораздо больше истины, чем во второй, а во второй гораздо больше, чем в первой. Преимущество третьей перед двумя первыми заключается в том, что ею впервые центр внимания перенесен, как сказано выше, на специфические признаки современных политических партий, как порождений современных, новых форм политической жизни. Очень мало может быть достигнуто в смысле действительного проникновения в природу современных политических партий, пока продолжают подводить их под общие категории с борьбой «голубых» и «зеленых» в Византии, Монтеки и Капулетти в Вероне, романтизма и классицизма в литературе XIX в. и т.д. Подобно тому как современные хозяйственные формы и основной предмет изучения политической экономии, так и современные политические формы должны быть предметом специального изучения. Есть несомненный параллелизм между новыми формами денежного хозяйства, с господствующей в нем стихийной силой рынка, с автоматическим приспособлением массового спроса к массовому предложению и предложения к спросу, и новыми политическими формами, держащимися на стихийной силе массовых голосований, на приспособлении политических лозунгов к психологии большинства и обратном приспособлении психологии большинства к лозунгам политических вождей. Там и здесь европейская культура создала нечто новое, вызвала новые силы почти волшебного могущества, которые, однако, способны выйти из повиновения своих создателей, если для нового волшебства не будут найдены новые слова заклинания.

Кажется, ни в одном сочинении о политических партиях это своеобразие современных политических методов по сравнению со старыми формами социальных отношений не прочувствовано автором так глубоко и не показано читателю так ясно, как в упомянутом выше труде М.Я. Острогорского. Поэтому будет полезно остановиться подробнее на взглядах этого писателя⁵.

II

М.Я. Острогорский – типичный рационалист, искатель «системы», рациональной, истинной, во всех частях своей единой и последовательной системы. Может быть, именно поэтому он отнесся с таким исключительным вниманием к исторической части своей работы, т.е. к укреплению наиболее слабых позиций своего мирозерцания, по существу неисторического. Он дал превосходную историю английских и американских партий, в которой поразительное богат-

5. См. названное выше сочинение о «Демократии и организации политических партий», особенно заключительную часть, т. II, р. 569–695.

ство фактического материала соединяется с убедительностью и блеском исторических характеристик. Но в центре миросозерцания М.Я. Острогорского, как видно из заключительной теоретической части его труда, лежит не оценка исторических сил, а критика старых демократических доктрин и вера в новую, исправленную политическую концепцию.

На основании исторического своего исследования М.Я. Острогорский приходит к весьма печальным выводам о современных политических партиях в Англии и в Америке. Партии имели своей задачей поддержать и развить активность и здоровый интерес к политическим вопросам в народных массах, получивших гражданские права. В действительности не только эта задача не была исполнена, но получился противоположный результат. Чем успешнее шла организационная работа партий, чем дальше и глубже раскидывали они свои щупальца, подчиняя своему влиянию как массу избирателей, так и органы власти, тем больше стеснялась личная инициатива, подавлялась свободная отзывчивость народа, а вместе с тем падал и общий интерес к политике. Народные представители, члены законодательных палат, превратились в безгласных делегатов партии, лишенных свободы личного мнения, в послушных статистов, исполняющих волю партийных лидеров. Масса избирателей попала в железные тиски партийной дисциплины, поддерживаемой вечным кличем об опасности дробления голосов. И в народных массах, и в лучшей части более образованных общественных кругов все более заметно обнаруживаются признаки зловещего индифферентизма к политическим делам и не менее зловещей терпимости к депотизму партийных вожаков и фальсификаторов общественного мнения. В Соединенных Штатах, где профессия партийных «работников» стала достоянием худших элементов общества и торговля голосами и должностями сложилась в прочную систему, дело обстоит значительно хуже, чем в Англии. Но, по мнению М.Я. Острогорского, это только различные фазисы одного и того же процесса: в Соединенных Штатах оказалась налицо несчастная комбинация условий, способствовавшая пышному расцвету того самого зла, которое пустило корни и в Англии⁶.

6. Недостатки английской партийной системы, в связи с последними событиями во внутренней политике Англии, снова послужили предметом резкой критики в недавно вышедшей книжке двух авторов, Hilaire Belloc dan Cecil Chesterton «The Party System». L. 1911. По содержанию и по форме книжка эта далека не только от научности, но и от простой объективности; однако, в ней есть все-таки немало интересных указаний, и многие обвинения, выдвигаемые авторами против партийной системы, являются лишь новым подтверждением того, что было сказано о партиях такими исследователями, как М.Я. Острогорский и Сидней Лоу. Один из авторов книги, Hilaire Belloc, был членом парламента, принадлежал к партии либералов (будучи вместе с тем антисемитом!), но затем отказался от парламентской деятельности в виде протеста против политики партийных лидеров во время последнего внутреннего кризиса.

Но неудача современной системы партий вовсе не означает крушения демократических идеалов. Корень зла, по убеждению М.Я. Острогорского, лежит не в природе демократии, а в неподготовленности общества, которое не сумело целесообразно использовать свое освобождение от старого режима и примениться к новым требованиям. Преувеличенная оценка выборного начала, как всесильного и спасительного средства, и вера в то, что система народных голосований может функционировать сама собой, без всяких специальных регуляторов, привели к извращению новых политических форм и к пагубному смешению их с пережитками старого режима. Демократический институт всеобщего голосования получил нелепый характер, — характер синтеза, не предваренного анализом. Вполне естественно, что разрозненная масса избирателей, предоставленная самой себе, подпала под влияние тех сил, которые остались на сцене после крушения деспотического режима и которые сами были порождением отжившей эпохи и отжившего мирозерцания. Партийные разделения, послужившие первоначальным остовом для современных политических партий, отчасти сложились в борьбе за политическую свободу, отчасти же имеют корни в соперничестве знатных родов. В том и другом случае обе борющиеся стороны требовали от индивида, чтобы он отдавал себя своей группе целиком, чтобы он участвовал в борьбе всеми своими чувствами и мыслями, чтобы он жил единым разумом и единой совестью с поглотившим его коллективом. Этот-то дух боевой сплоченности и сектантской исключительности был перенесен и в новые партийные группировки, ставшие необходимыми после торжества демократии. Требование полного и постоянного единодушия по всем вопросам от всех членов партии, требование слепой верности партийным догматам, проповедь презрения и ненависти к партийным противникам, как ко врагам рода человеческого, — все это черты старого теологического мирозерцания, находящиеся в полном противоречии с потребностями нашего времени и все-таки сохранные, к несчастью, современными политическими партиями. Современная цивилизация, отличающаяся чрезвычайной сложностью идей и чувств, не выносит ненарушимых граней, не знает вечного и полного единства; она нуждается в подвижных комбинациях, в свободном возникновении и прекращении переплетающихся союзов. Неподвижное единство заменяется подвижным единением (*l'union tempère l'unité*). С тех пор как восторжествовал принцип политической свободы, нет другой силы, связывающей членов общества, кроме силы свободных соглашений. Но чтобы соглашения были свободными, они должны быть подвижными и частичными. Сближаясь с данной группой в данной сфере, каждый член общества должен иметь возможность сближаться с другими группами по другим вопросам, — иначе он не будет свободен. Истинная народная воля не может быть выражена в единой формуле с постоянным содержанием: она каждый день создает новые формы своего выражения. Она осуществляется не в

виде единого «общественного договора», раз навсегда поглотившего в себе волю индивидов, – как это представляется в учении Руссо, – а в виде постоянно возникающих и кончающихся многих «общественных договоров». Таким образом находят себе разрешение все противоречия, таившиеся в прежней доктрине демократии. Личности не грозит более опасность порабощения во имя народного суверенитета, потому что сама воля народная, потеряв фантастические признаки какого-то самостоятельного существа, проявляется не иначе, как во множестве частичных выражений, так что каждое выражение ее подлежит кассации и пересмотру. Исчезает опасность порабощения меньшинства большинством, потому что нет больше постоянного большинства и постоянного меньшинства, но непрерывно создаются многочисленные большинства и меньшинства по разным вопросам, и каждый гражданин одновременно или последовательно участвует и в большинстве, и в меньшинстве.

Такова идея новой политической системы. Но не такова действительность. Новое вино было влито в старые меха. К проблеме синтеза свободных народных волеизъявлений были применены грубые методы сектантских распрей, междоусобных войн и революционных восстаний. Произошло смешение принципа партии, как группы единомышленников по конкретному вопросу, с принципом партии, как штурмовой колонны, идущей на приступ власти. Давно в таких демократических странах, как Англия и Соединенные Штаты, деспотизм повержен в прах, а партии все еще сохранили прежнюю боевую идеологию, военную дисциплину, диктаторский характер партийной власти и фетишистское преклонение перед партийными знаменами. Постоянство партийных организаций и неподвижность партийных разделений – вот настоящий источник всех зол современной партийной системы. Разве не нелепо, что от членов партии требуют единомыслия по всем вопросам, которые возникли или могут возникнуть в будущем? Разве не нелепость, что гражданин Соединенных Штатов может подать голос против серебряной валюты не иначе, как подав вместе с тем голос за высокие таможенные пошлины, и не может протестовать против высоких пошлин, не голосуя за серебряную валюту? Разве не нелепо, вести на жизнь и смерть борьбу за власть в стране, где властью давно призваны и охраняются принципы политической свободы и где законодательство зависит от народных голосований? Консервативное министерство в Англии уважает и блюдет свободу печати, свободу совести, свободу собраний не менее, чем либеральное министерство. И кому бы ни принадлежали в данный момент министерские портфели, принятый палатами законопроект о введении в Англии покровительственных пошлин во всяком случае вступил бы в силу и был бы осуществлен совершенно независимо от того, к большинству или к меньшинству парламента примыкали бы по данному вопросу личные взгляды чиновников, призванных по должности своей проводить в жизнь решенную реформу. Никакого захвата власти не нуж-

но совершать в демократической и свободной стране для доставления торжества той или другой идеи. Борьба партий за власть есть только пережиток старой борьбы против деспотического режима, – пережиток, противоречащий потребностям здоровой и свободной борьбы идей и полезный лишь паразитам, обратившим борьбу партий в источник своего личного благополучия. Если же отпадает борьба за власть, как цель политического соперничества, то тем самым лишается всякого смысла и вся система постоянных партийных организаций. Постоянные партии должны быть заменены временными организациями, преследующими ограниченные, конкретные цели, – вот решение проблемы, вот основное условие действительного избавления от существующих зол. Метод народных голосований нуждается в специальных органах для группировки избирателей, для целесообразного руководства идейной борьбы. Но только тогда, когда эти органы перестанут быть постоянными военными лагерями, голосования будут выражать действительную волю избирателей. Избиратели будут группироваться в специальные группы по каждому отдельному вопросу. Каждая группа или лига будет существовать только до тех пор, пока определенная реформа, ею защищаемая, не превратится в закон. Избирательная борьба будет вместе с тем борьбой проблем за право на преимущественное внимание общества: те или другие реформы будут выдвигаться на первый план, оттесняя многочисленные другие вопросы, путем естественного отбора, а не по произвольному усмотрению партийных вождей. Избиратели вернут себе свободу; народные избранники станут в простых и честных отношениях к избирателям, потому что ответственность каждого депутата, ограниченная одной определенной задачей, получит вполне ясный характер. Политические лиги, имевшие целью осуществление определенных реформ, уже существовали и существуют в политической жизни. Английская политическая история имеет блестящий пример лиги борьбы против хлебных пошлин. В Соединенных Штатах периодически возникают и успешно действуют внепартийные организации, протестующие против деспотического режима партийных «машин» и приглашающие граждан отозваться определенным образом по определенному вопросу независимо от старого разделения по двум большим партиям. Задача нашего времени заключается в том, чтобы старая система постоянных партийных организаций была совершенно устранена и заменена системой политических лиг.

М.Я. Острогорский не скрывает от своих читателей, что осуществление его идеи сопряжено с огромными трудностями. Он знает, что полное осуществление режима истинной свободы предполагает прежде всего внутреннее освобождение личности, просветление разума, воспитание совести человеческой. Но он думает, что для достижения великого идеала нужно работать одновременно и над воспитанием личности, и над реформой учреждений, и над усовершенствованием политических методов. Об усовершенствовании политических методов,

в частности о реформе современного партийного режима, до сих пор думали слишком мало.

В связи с основным своим требованием М.Я. Острогорский выдвигает ряд важных реформ, которые он считает логически вытекающими из данной им теоретической концепции современной демократии. Он требует введения официальных предварительных голосований для определения кандидатов, подлежащих окончательному избранию, введения преференциального вотума (подача записок с несколькими кандидатами, в порядке предпочтения одних другим), удлинения срока депутатских полномочий, частичного обновления парламента, и, наконец (это, пожалуй, самое радикальное предложение), уничтожения института кабинета министров в его современном виде, с заменой ответственности всего министерства индивидуальной ответственностью каждого отдельного министра.

III

Достоинство учения М.Я. Острогорского о политических партиях заключается в том, что ему удалось вскрыть объективную причину той внутренней фальши, которой отмечена жизнь современных партий, и указать на средства лечения, вытекающие из самого существа партийной деятельности, а не только из отвлеченных требований морали. Культ ненависти к партийным противникам, ревнивая охрана партийного правовеярия потому-то и фальшивы, что и то и другое противоречит собственному поведению партий. Деятельность современных партий неразрывно связана с особенностями того метода, который лежит в основе новой политической системы, — метода политических голосований. Политическая партия, в современном значении слова, есть не что иное, как свободный союз единомышленников, стремящихся убедить возможно большую часть голосующих голосовать в определенном смысле. Сущность партийной деятельности сводится к воздействию, путем свободного убеждения, на ум, волю и чувство голосующих. Очевидно, что деятельность эта возможна только там, где за всеми и каждым признается право и обязанность менять свои взгляды в зависимости от расширения опыта и знаний, от новых аргументов и новых обстоятельств. Очевидно, что новый метод решения спорных вопросов и конфликтов возможен лишь постольку, поскольку спор идет о ценностях относительных, а не абсолютных, и людей разделяют частичные разногласия, а не органическое взаимное непонимание. М.Я. Острогорский прекрасно показал различие между старыми формами социальной борьбы и современным соперничеством партий. Он правильно определил характерные черты новой культуры, новых форм социальных отношений, их динамический и плюралистический характер. Вместо прежнего контраста: исторической неподвижности и внезапных истори-

ческих катаклизмов, цельности мирозерцания и взаимной ненависти сталкивающихся мирозерцаний, наступает эпоха непрерывных, но всегда частичных перемен, постоянной, но распыленной на множество центров, борьбы. В хозяйственной жизни динамический и плюралистический характер современного социального отношения отразился с особенной яркостью на природе капиталистического предприятия; в самом слове «предприятие» содержится указание на подвижность, временность, частичность хозяйственных целей; в самом понятии капиталистической системы содержится признак множественности предприятий, свободно возникающих и прекращающихся, автономных, хотя и связанных между собой. В области политической партийная система относится к неограниченной монархической власти, как капиталистическая система хозяйства к государственному социализму. В действительности ни капитализм, ни партийная система нигде не существуют в чистом виде: всюду наблюдается смешение старого с новым, болезненная борьба застарелых привычек мысли с новыми потребностями. Но если трудно надеяться на скорое преодоление пережитков прошлого и связанных с ними зол, то по крайней мере ясна идеальная цель, к которой нужно стремиться, ясно общее направление реформ, так убедительно и красиво (хотя, быть может, в слишком конкретных формах) начертанное М.Я. Острогорским по отношению к политическим партиям. Партии должны признать относительный, частичный, временный характер своих требований. Они должны отказаться от традиционного презрения к противнику и от претензий безраздельно владеть мыслями и чувствами своих членов. Они должны честно признать, что между сторонниками двух борющихся политических программ все-таки гораздо больше сходств, чем различий. Если эта работа внутреннего самоограничения не будет произведена, элемент лицемерия в партийной жизни будет получать все больше силы. Ведь вовсе не нужно особенной проницательности, чтобы заметить, что, например, между консерваторами и свободомыслящими в Германии, между октябристами и кадетами в России, между лидерами социалистических и «буржуазных» партий в любой культурной стране гораздо меньше различия, чем следовало бы предполагать, судя по партийным выступлениям: это все люди приблизительно одинаковой культуры, с одинаковыми вкусами, в душе очень терпимые друг к другу, зато тем более нетерпимые в публичной партийной деятельности.

Однако хотя М.Я. Острогорский, в общем, правильно определил идеальную цель политических партий, или политических лиг, как он предпочитает выражаться о будущих преобразованных политических организациях, все-таки его рассуждения страдают некоторой неполнотой. Он пренебрег некоторыми важными сторонами современной общественной культуры, а потому и план преобразований, им намеченный, не вполне соответствует широте и глубине затронутых проблем. М.Я. Острогорский упустил из виду значение состава-

тельного начала, занимающего такое большое место в современной жизни вообще и с особенной силой проявляющего себя в деятельности и строении политических партий. Сущность состязательного начала заключается не просто в том, что признается полезность спора и борьбы, но в том, что заинтересованность спорящих сторон признается полезным условием для выяснения объективной истины...

Состязательное начало в судебном процессе и соперничество политических партий имеют столько точек соприкосновения, что кажется странным, почему это знаменательное сходство до сих пор так мало обращало на себя внимания. Если в общественном сознании оправдывается, во имя высших интересов справедливости, односторонность адвоката и прокурора на суде, то не вытекает ли отсюда, путем простого сопоставления, необходимость аналогичного объяснения и оправдания партийной политической односторонности?

Недавно вышла на немецком языке книжка голландского юриста Гарцфельда, в которой доказывается, что преклонение перед состязательным началом составляет чуть ли не главное зло в современном гражданском процессе, что преклонение это основано на ложных предпосылках и предрассудках и что состязательный принцип вступает все в большее и большее противоречие с общими тенденциями современного культурного и общественного развития⁷. Но столь решительные выводы Гарцфельда объясняются его социологическими предпосылками, ценность которых представляется более чем сомнительной. Он примыкает к тому направлению в социологии, – к сожалению, слишком распространенному, – которое сводит сущность социальной эволюции к одному лишь возрастанию солидарности, общественной связанности, взаимной зависимости людей друг от друга⁸. Гарцфельд утверждает, что элемент борьбы и элемент свободы постепенно вытесняются в современном обществе стремлением к миру и к организованному сотрудничеству. Он говорит, что «сотрудничество и борьба – два противоположных начала, до известной степени исключаящих друг друга, так что одно может расти только за счет другого», и что «в цивилизованном обществе индивидуальная свобода... неизбежно идет на убыль»⁹. Все это плод очень поверхностного отношения к свойствам социальных отношений вообще и современных в особенности. Вся ценность современной культуры заключается в стремлении ее сочетать начала сотрудничества и соперничества, свободы и солидарности.

7. Hartsfeld C.A.I.: *Der Streit der Parteien. Versuch einer soziologischen Betrachtung der Zivilrechtspflege*. Berlin, 1911.

8. Типичным представителем этого направления является Э. Дюркгейм, на которого ссылается между прочим и Гарцфельд (*Der Streit der Parteien*. – S. 29).

9. Hartsfeld C.A.I.: *Der Streit der Parteien*. – S. 31, 33.

М.Я. Острогорского нельзя упрекнуть в недостаточно высокой оценке элемента свободы и элемента борьбы. Но для него политическая борьба, в идеальном своем развитии, сводится к безличной борьбе идей. Борьба за власть им решительно отвергается, поскольку речь идет о власти государственной, и игнорируется, поскольку речь идет о власти вождей внутри партий, активного меньшинства над большинством единомышленников. А между тем, в действительности, сплоченность партии держится не только общностью идей, но и общим доверием к руководительству вождей. Можно ли желать, чтобы этот элемент личного доверия, элемент власти и подчинения исчез или сократился до минимума в политической жизни? Можно ли требовать и следует ли желать, чтобы лидер, выдвинувшийся во время борьбы за определенную идею, сейчас же по достижении данной конкретной цели снова обратился в ничто, оставив без использования громадную силу – силу руководства народной психикой, – накопившуюся в его руках? Нет, такой порядок противоречил бы естественной тенденции всякой общественной группы к разделению на активное меньшинство и руководимое большинство. Власть не есть зло. Подчинение масс достойным вождям не есть несчастье. Стремление к власти, поскольку оно опирается на личные дарования и заслуги, должно быть поощряемо, а не подавляемо. И идеальная цель метода народных голосований заключается не только в отборе идей, но и в отборе сильных и талантливых личностей. А потому и партии в число своих идеальных задач должны включить также организацию отношений власти и подчинения. Партии должны быть школой власти, основанной на добровольном подчинении. Они должны открывать широкие возможности талантам и доставлять надежных вождей народным массам. Организуя массы для борьбы с партийным противником, они вместе с тем должны организовать внутреннее соперничество между самими единомышленниками из-за руководящей роли в партии, поощряя достойное честолюбие и мужественно сопротивляясь демагогии завистливых или слишком ограниченных неудачников. Партийная «олигархия», о которой с таким сокрушением говорит Р. Михельс в своем анализе внутренней жизни социалистических партий¹⁰, сама по себе ничего дурного не представляет и вряд ли заслуживает в данном случае (т.е. в отношении социалистических партий) своей клички, которая звучит укоризной. Наоборот, именно социал-демократы и, в частности, социал-демократы в Германии дают ободряющий пример новой, более рациональной и более современной постановки вопроса об отношении между вождями и массами. Путь, с двух

10. Michels R.: *Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens.* – Leipzig, 1911. Об этой интересной книге см. заметку в «Рус. мысли» (1911 г., кн. IV) «В России и за границей» (с. 11).

сторон обставленный соблазнами демагогии и деспотизма, – трудный и опасный путь. Но этот путь должен быть пройден. М.Я. Острогорский, с его категорическим протестом против длительности партийных организаций, с его отрицательным отношением к идее партийной дисциплины в данном случае вместо решения проблемы просто отрицает ее: он игнорирует личный элемент в проблеме власти.

IV

Но главная ошибка М.Я. Острогорского заключается не в этой неполноте представлений об идеальных задачах политических партий или политических «лиг», а во взглядах его на взаимные отношения между старыми и новыми политическими методами, старыми и новыми формами социальной борьбы. Как рационалист, М.Я. Острогорский утверждает полную противоположность старого и нового. В смешении нового со старым он видит только зло. Такая точка зрения неправильна. Новые политические методы вводились не только вследствие убеждения в объективном их превосходстве над старыми методами, не только во имя идеальных, общечеловеческих целей. Введение представительного строя и расширение избирательного права осуществлялось усилиями общественных слоев, для которых то и другое было полезно с точки зрения их партикулярных, классовых, национальных или других интересов. Старая борьба мирозозерцаний, старые конфликты непримиримых интересов, веками накопленная ненависть – классовая, религиозная, национальная – сознательно или бессознательно творили новые формы, предназначенные быть проводниками терпимости, человечности и социального мира.

М.Я. Острогорский говорит, что дух нетерпимости, стремление к овладению государственной властью и требование партийной дисциплины понятны там, где еще не осуществлена целиком политическая свобода, где еще идет борьба за свободу¹¹. Но кто же определит момент «окончательной победы основных свобод» в данной стране? Борьба с прерогативами палаты лордов, волновавшая Англию еще несколько месяцев тому назад, не была ли одним из последних этапов все той же борьбы за политическое освобождение? А с другой стороны, разве в России, столь далекой еще от полного осуществления свободы, не применяется уже метод политических голосований, и разве здесь не обязательны в партийной политике принципы, логически вытекающие из природы представительного строя? Своего рода партийное разоружение, предлагаемое М.Я. Острогорским для политически свободных стран, натолкнется и в свободных странах на такие же трудности, как и в странах полусвободных. И

11. *La Democratie etc.*, – t. II. – P. 578, 614, 641.

в Англии, и в Соединенных Штатах есть социальные группы, которым их партийные цели, интересы и идеалы кажутся выше всего, выше, чем уважение к конституции и чем корректность к политическим врагам. Дело в том, что в современном обществе живут антагонизмы, для которых политические голосования не могут быть единственной или верховной инстанцией. Никакие голосования, хотя бы произведенные при самой демократической обстановке, не убедят верующего католика в превосходстве восточного православия, польского националиста – в неизбежности денационализации поляков, социалиста – в полезности и прочности частной собственности на землю и капитал. И у каждого из нас, вероятно, есть социальные требования, разные у разных людей, которыми мы никогда не захотим да и не имеем права поступиться ради отвлеченной идеи об обязанности меньшинства подчиняться большинству. Народные голосования, как все человеческое, могут быть неудачными, слепыми, ошибочными. Было бы неразумно приписывать им какой-то божественный авторитет, какую-то мистическую непогрешимость. Система представительного строя – только одно из поприщ, на которых история творит свой суд над притязаниями борющихся социальных сил. Сохраняются и отчасти расширяют свое значение другие способы и факторы борьбы: война, восстание, наследственные расовые свойства, экономическая борьба, школа и воспитание.

Мы подошли к самому важному пункту в теории партий. Перед нами два ряда тенденций: с одной стороны, исторически сложившиеся антагонистические социальные интересы с их непримиримой жадной расширением за счет противника, и с другой стороны – новые политические формы, идеальной целью которых является замена жестоких и слепых способов борьбы рациональным методом свободного убеждения. Скептики и реалисты, склонные к материализму, говорят, что новые политические формы суть пустые, бессильные формы, в лучшем случае – красивый орнамент, за которым скрывается все та же неизменная жестокость и стихийность борьбы непримиримых социальных начал. Идеалисты и рационалисты, вроде М.Я. Острогорского, говорят, что новые политические формы требуют полного отречения от старых антагонизмов. Не правы ни те, ни другие. Отвлеченная мысль о превосходстве свободного убеждения и добровольных соглашений над грубой силой получает кровь и нервы только от соединения с более конкретными, более близкими человеку партикулярными интересами. Подобно тому как личные страсти, национальное чувство и чуткость к общечеловеческим душевным переживаниям могут взаимно питать и подкреплять друг друга, так и укрепление новых политических форм, несущих людям мир и свободу, осуществляется постепенно в процессе их подчиненного служения конкретным историческим силам...

Итак, в природе современных политических партий есть два элемента: 1) конкретные исторические интересы, – элемент непримиримости и партикуляризма,

и 2) признание, открытое или подразумеваемое, превосходства метода свободного убеждения, – элемент гуманизма и миролюбия. Оба эти элемента одинаково необходимы, и развитие второго может идти только в гармоническом сочетании, а не в антагонизме с первым элементом...

Смысл и задачи партийной системы заключаются в постепенном и взаимном приспособлении реальных исторических интересов к методу народных голосований (или, выражаясь более обычными, хотя и менее точными терминами, – к парламентарному и демократическому политическому строю) и метода народных голосований к реальным историческим интересам.

Природа межпартийных отношений сводится как бы к соглашению враждующих социальных сил о передаче ими части своих исторических тяжб – но только части! – на божий суд народных голосований. В той части своих жизненных целей, которые вверены таким образом этому новому божьему суду, все партии, как бы они ни были далеки друг от друга, связываются известной общностью интересов. Все партии заинтересованы (хотя и не в одинаковой степени для каждого данного момента) в том, чтобы политические голосования были действительно свободным волеизъявлением, чтобы межпартийная борьба была открытой борьбой убеждений, борьбой лояльной и честной и чтобы вожди партий были истинными представителями и выразителями воли стоящих за ними масс. Ясное сознание этой общности межпартийного интереса есть первое условие очищения нравственной атмосферы в современной борьбе партий¹². Подобно тому, как уже сейчас в парламентах, до известной степени, организована кооперация борющихся фракций (советы старейшин, представительство партий в президиуме и т.д.), так и вне парламента несомненно будут созданы в будущем межпартийные организации для обеспечения честных и достойных условий политического соперничества. Очень наивны те защитники политической свободы, которые свою партию провозглашают единственной носительницей политического прогресса, воображая, что укрепление и развитие новых политических форм может быть делом одной какой-нибудь партии. Это все равно, что считать свою партию единственной «истинной» политической партией, а все другие признавать подделкой, разбойничьими бандами, чем угодно, только не партиями!

Конечно, вполне законно и нормально существование и таких политических партий, которые не имеют корней ни в каком конкретном историческом интересе, не защищают специально ни интересов классовых, ни национальных,

12. О том, какое воодушевление может вызвать такая солидарность враждующих партий в организации честных и справедливых условий борьбы, можно прочесть в статье Р. Михельса об «Этическом факторе в партийной политике Италии» в «Zeitschrift für Politik». (Band III. – S. 56–91, особ. с. 81 ff.)

ни интересов государственности, а стремятся к какой-нибудь определенной реформе (например, к расширению избирательного права) или преследуют определенную идеальную цель (например, защиту начала законности или равноправие женщин). Если выше говорилось о конкретных исторических интересах, как необходимым элементе в современных политических партиях, то речь шла о необходимости этого элемента в системе современных партий вообще, а не об обязательности его для каждой партии в отдельности. Было бы странным догматизмом признавать «настоящими партиями» только те, которые имеют реальный базис в определенных социальных интересах. Но партии, лишённые реального базиса, должны считаться с могуществом реальных интересов, признавать за ними нравственное право на самозащиту и не рассчитывать для себя на постоянную руководящую роль в политической жизни. К партиям, преследующим идеальные цели, в особенности применимо напоминание М.Я. Острогорского об относительном и частичном характере современных разногласий и к ним же, пожалуй, наиболее приложимо требование того же писателя о замене постоянных организаций с универсальной программой временными лигами с ограниченной программой.

Защита партией тех или других партикулярных интересов – классовых, сословных, национальных, государственных, конфессиональных, локальных – как видно из предыдущего, должна быть признана нормальным явлением, конечно при условии, чтобы данная партия признавала право на партийную организацию и за другими реальными интересами и чтобы она понимала назначение и границы партийной деятельности вообще. Ошибка социал-демократических партий заключается не в том, что они служат классовым интересам рабочих, а в том, что они не считаются с силой других исторических интересов, кроме классовых, и вместе с тем недостаточно ясно проводят границу между методами политической и методами экономической борьбы. Ни на чем, кроме фантазии и мнимо-научных произвольных обобщений, не основана вера социал-демократов в то, что нормальный тип партии есть партия, построенная на классовом базисе и вообще на экономическом базисе. Впрочем, этот предрассудок распространен не только в среде социал-демократов¹³, точно так же как и вообще очень часто приходится встречаться в литературе с произвольным ограничени-

13. *Ему отдает дань, между прочим, и автор талантливо написанной книжки о партиях, в серии Мартина Бубера, немецкий публицист Карл Йунтш (Jentsch C. Die Partei. – Frankfurt a. M., 1909). Ср. статью того же автора по поводу книги Фр. Науманна в «Die neue Rundschau», Februar 191, S. 252. Книга Фр. Науманна (Friedrich Naumann: Die politischen Parteien. – Berlin, 1910) для теории партий дает очень мало: это ряд лекций, излагающих в самом кратком виде истории партий в Германии и дающих очень интересную характеристику важнейших политических направлений в этой стране.*

ем признаков, которым должны удовлетворять «настоящие» политические партии. Еллинек относит к ненастоящим партиям – национальные и религиозные. «Это – партии ненастоящие, так как всякая настоящая партия должна иметь определенную широкую программу государственной политики, что невозможно с точки зрения определенной национальности или религии»¹⁴. Очевидно, по этому рассуждению и классовые партии тоже должны быть отнесены к «ненастоящим». Все подобные определения страдают смещением действительных признаков партии с желательными качествами их с точки зрения того или другого автора, – смещением, которое объясняется неразработанностью этой части политической науки. Еллинек в своем определении исходит из мысли о верховенстве государственного интереса в политической жизни. И, действительно, если мы перейдем на почву сравнительной оценки различных исторических сил, требующих представительства в партийной борьбе, то трудно отрицать громадное значение интересов охраны и укрепления исторической государственной власти и вполне понятно желание немецкого государства, чтобы политические партии прониклись духом государственности, по примеру партий английских. Но принципиально интерес государственный все-таки входит, – пожалуй, как первый между равными – в число интересов партикулярных наряду с классовыми, национальными, конфессиональными и другими историческими интересами и подобно другим должен свои притязания отдавать на божий суд народных голосований, раз вообще страна вступила на путь политической свободы. То частичное «разоружение», которое обязательно для всех исторических сил, участвующих в партийной борьбе, обязательно и для исторической государственной власти... В странах, только что вступающих на путь конституционного развития, берущих первые уроки партийной политики, обыкновенно серьезная опасность заключается в отсутствии органической связи между интересами исторической государственной власти и новыми политическими методами. Наиболее горячие защитники конституционных начал в такие переходные эпохи обыкновенно слишком низко оценивают силу исторической государственности и третируют ее с высоты своих принципов, как силу грубую и злую: либеральные партии противопоставляют себя государству, государство противопоставляет себя либерализму. Эта опасность есть налицо, по-видимому, и у нас в России: более чем какой-либо другой стране, России нужны партии или по крайней мере партия, которая, служа серьезно и искренно делу политической свободы, вместе с тем была бы глубоко проникнута духом государственности.

14. Еллинек Г. *Право современного государства. Общее учение о государстве*. Пер. под ред. Гессена В.М. и Шалланда Л.В. – СПб., 1903 г. – С. 3.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Т. И. Ульянкина

СПАСЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ ОТ НАЦИЗМА В 1933-1941 ГГ. (О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «БЕЖЕНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА» И ТОЛСТОВСКОГО ФОНДА)

Ульянкина Татьяна Ивановна –
главный научный сотрудник
Института истории естествознания
и техники РАН, доктор
биологических наук.

С 1933 года в связи с приходом к власти в Германии нацистов Соединенные Штаты начинают принимать представителей европейской интеллектуальной элиты, в том числе ученых и преподавателей высшей школы. Чаще всего они оседали в Блэк Маунтейн колледже (Северная Каролина), Рузвельтском университете (Чикаго) и в Институте высших исследований (Принстон). Тогда же, благодаря усилиям профессора Элвина Джонсона¹, Новая школа социальных исследований (Нью-Йорк) начала кампанию помощи европейским ученым. В результате в 1933 г. был организован так называемый «Беженский университет» («University in Exile»). Хотя через год он был переименован в «Отдел аспи-

рантуры по политическим и социальным наукам» – в обиходе первоначальное название сохранялось еще очень долго.

Элвин Джонсон – директор Новой школы социальных исследований и «Беженского университета» – родился в 1874 г. в Дании в семье иммигрантов. Получив экономическое образование, перебрался в США, где в 1901–1918 гг. занимался преподавательской работой (в Брин Маур колледже, Колумбийском, Небрасском, Техасском, Чикагском, Корнельском, Стэнфордском университетах). В 1919 г. основал Новую школу социальных исследований, директором которой стал в 1922 г. и руководил ею в течение 18 лет. В 1927 г. экономист Эдвин Селигмен предложил Э. Джонсону пост соредактора в готовящейся «Энциклопедии социальных наук». Для работы над энциклопедией ее руководство оформило по контракту многих ученых из Германии, потерявших в 1933 г. работу у себя в стране. Джонсон приложил все усилия, чтобы помочь им переехать в США. Вскоре он и экономист Э. Ледерер выступили с идеей создания «Беженского университета» при Новой школе социальных исследований. Вместе они разослали письма двумстам влиятельным филантропам и ученым в области социальных наук с просьбой поддержать их проект. Помочь согласились только Рокфеллеровский фонд, Ассоциация семьи Розенвальд и известный промышленник Х. Холл. В списке беженцев, нуждающихся в поддержке, были экономисты, журналисты, психологи, юристы, социологи, искусствоведы из Германии, Бельгии, Франции, Венгрии, Польши и т.д. За шесть лет

** Работа выполнена при поддержке
Российского гуманитарного научного
фонда: проект № 04-03-0028/а.*

(1933-1940) Э. Джонсон собрал в университете более шестидесяти ученых и преподавателей высшей школы из Европы, считавшихся персонами нон-грата. Среди них были и русские профессора, бежавшие из России после Октябрьской революции и жившие в Европе либо по старым российским паспортам, либо по нансеновским сертификатам. Нередко они были включены в список на получение квоты не как русские, а как поляки, чехи, французы, т.е. в соответствии со страной их выезда в США. Среди них, например, экономист Яков Маршак² (работы которого вместе с трудами В.В. Леонтьева, Я. Тинбергена, Р. Фриша способствовали с 1931 года развитию эконометрии, или филолог Роман Якобсон³ и др.).

С 1940 г. проблема ученых-беженцев обострилась. Ученые, эмигрировавшие из Германии, Австрии, Чехословакии, Польши и, наконец, из оккупированной Франции, часто находились на нелегальном положении, скрываясь от рук гестапо. По образному выражению Джонсона, они были «подобны лисам, загнанным в угол громко лающими гончими. Им уже некуда бежать. Для них оставались лишь концентрационные лагеря и зловещие тени пожарных бригад»⁴. Оставшиеся в живых предпринимали отчаянные попытки достичь США, используя либо опасный маршрут через Сибирь, Японию и Тихий океан, либо добираясь до Испании или Лиссабона, где месяцами ждали возможности как-то пересечь Атлантический океан и достичь берегов Америки.

В этой ситуации Джонсону удалось получить поддержку от Рокфеллеров-

ского фонда, Фонда Карнеги⁵ и менее крупных фондов, а также от частных лиц. В общей сложности 150 высококвалифицированных профессоров, живших в ужасающей нужде в Европе, были включены в 1940 г. в список на «первоочередное попадание» в США. Джонсон был уверен, что спасение ученых-беженцев станет важным вкладом в «культурный ренессанс Америки». Будущую деятельность этих ученых в США он образно сравнивал с активностью «фермента», который может многократно усилить научный и культурный потенциал страны. Джонсон заверил, что от въезда иностранных ученых ни один из американских преподавателей не потеряет своего места, поскольку каждый беженец будет финансироваться по специальной программе, предусматривающей гран в размере 5 тыс. долл. Учитывая, что в Америке около 600 колледжей и университетов, в среднем на каждое образовательное учреждение пришлось бы по 1-2 эмигранта. По предложению Джонсона был организован специальный «Координационный комитет по спасению и попечению профессоров-беженцев», в который вошли некоторые ведущие американские ученые. Комитет действовал как «эвакуационный центр», помогая европейским профессорам переезжать в США и содействуя их трудоустройству.

В 1940 г. Джонсон получил научные гранты в размере 500 тыс. долл. и выслал десятки приглашений в Европу. При этом в Новой школе социальных исследований были расширены некоторые области преподавания, например, физические науки, общественное здравоохранение, музыка и искус-

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

ство⁶. (Подробно деятельность «Новой школы» в эти годы описана в книге Л. Козера⁷).

В 1939 г. к кампании, развернутой Джонсоном, подключилась Александра Львовна Толстая – директор созданного накануне (весной 1939 г.) в Нью-Йорке Толстовского фонда. Она была обеспокоена тем, что русские беженцы не включены в списки Джонсона на получение помощи от Соединенных Штатов, и решила восполнить этот пробел. Работа велась по двум направлениям. Первое – сбор сведений о бедствующих русских ученых и преподавателях, оказавшихся на территории оккупированных нацистами стран. Такой информацией чаще всего располагали русские профессора, переехавшие в США еще до войны. Именно им, а также различным организациям русского зарубежья в США и Европе рассылались запросы Толстовского фонда. Второе направление – переписка с самими деятелями науки, находящимися в Европе.

В мае 2005 г. в архиве Толстовского фонда (штат Нью-Йорк) автором статьи была обнаружена папка под названием «Помощь преподавателям высшей школы» (File Aids Refugee Scholars)⁸, содержащая переписку А.Л. Толстой с Э. Джонсоном, а также некоторыми учеными и общественными деятелями русского зарубежья (В.В. Чернавиным, Г.В. Вернадским, Н.В. Толль, А.В. Жекулиной и др.). Содержание писем, никогда ранее не публиковавшихся, показывает, как готовилась организованная в 1940–1941 гг. Толстовским фондом гуманитарная акция по спасению бедствующих российских ученых и профессоров.

Письмо А.Л. Толстой В.В. Чернавину от 13 августа 1940 г.⁹.

Дорогой г-н Чернавин,

Толстовский фонд проинформирован о создании в Соединенных Штатах специального фонда по организации помощи профессорам и выдающимся ученым по переезду их в США. В списке рекомендованных лиц стоит и ваше имя, поэтому мы просим Вас как можно быстрее прислать нам Ваш curriculum vitae, которое должно включать ответы на следующие вопросы: 1) семейный статус; 2) возраст; 3) образование, опыт работы и специальность; 4) список опубликованных научных трудов; 5) название института, в котором Вы преподавали последние два года; 6) знание английского языка; 7) гражданство и паспортные данные. В списке также упомянуты имена Александра М. Байкова¹⁰ и Льва В. Черношвитова¹¹. Мы послали письмо Черношвитову в Британский Музей, но оно вернулось. Если Вы знакомы с выше-названными профессорами, а также знаете каких-либо других профессоров, имеющих высокую квалификацию, в возрасте моложе 55 лет, мы будем Вам очень признательны, если Вы сообщите им о такой возможности. Профессорам, которые пройдут через отборочную комиссию, будет гарантировано место в одном из американских колледжей или университетов в течение двух лет с зарплатой не менее 2 тыс. долл. в год, а также бесплатный переезд из Европы в США.

С уважением
Александра Л. Толстая,
Президент.

**Письмо Г.В. Вернадского
А.Л. Толстой от 16 августа
1940 г.¹³.**

Дорогая Саша, Ниночка мне сказала, что Вы можете как-то через Rockefeller Foundation, что ли, выписывать русских ученых из Европы. Так вот, я ходатайствую за следующих трех лиц:

Всеволод Иванович Базанов¹³ (в Париже). Ростовцев считает его самым выдающимся специалистом по истории римского права из так называемого молодого поколения. Михаил Валерьянович Зызыкин¹⁴ (Варшава). Автор замечательной статьи о Патриархе Никоне. (Его знает архиеп<ископ> Виталий). Роман Осипович Якобсон (Швеция). После смерти Трубецкого и Розова он, безусловно, самый крупный из живущих филологов-славистов. Его брат Сергей Осипович Якобсон¹⁵, бывший профессор Оксфордского университета сейчас тоже беженец – в Нью-Йорке (с/о International House, 400 Riverside Drive). Я ему пишу. Сведения о них я прилагаю на отдельном листе.

Кроме того, я недавно получил письмо из Тулузы от известного издателя (Petropolis в Брюсселе) Абрама Сауловича Кагана¹⁶. Он был в 1917–1922 гг. профессором сельскохозяйственной академии, так что может тоже попасть в счет. Но, собственно, он просит даже не пособие на переезд, а только affidavit. На всякий случай, вот Вам сведения о нем и его семье: сам он – Абрам Саулович Каган (Kagan), родился в городе Витебске 7 апреля 1888 г., покинул Россию в 1922 г.; жена – Евгения Саимойловна, урожденная Энттина, родилась в Витебске 14 февраля 1888; дочь – Ирина, родилась в Бер-

лине 24 февраля 1931 года. Они жили в Берлине до Гитлера, а последние годы живут в Брюсселе, откуда им тоже пришлось бежать. Сейчас их адрес – Mr. A.S. Kagan, Post restante, Poste Centrale, Toulouse, France. (Я о нем писал Бахметеву¹⁷, но не получил ответа. Переговорите с Бахметевым). Каган очень энергичный, деловой человек и состоит здесь, если ему удастся приехать и заняться издательством.

Привет, Ваш Г<еоргий> В<ернадский>.

**Письмо А.Л. Толстой
А. Жекулиной от 14 августа
1940 г.¹⁸.**

[...] Ученые и профессора, особо выдающиеся в своих областях науки, будут приглашены в Соединенные Штаты. При этом рассматриваться будут заявления только тех, кому еще нет 55 лет и кто в течение последних лет занимался преподавательской деятельностью. Исключение будут делаться только в том случае, если будет доказано, что некий знаменитый ученый (старше 55 лет) сможет принести большую пользу в США. Кроме того, специальный комитет решил не включать в список на рассмотрение кандидатуры богословов. [...] У нас уже есть curriculum vitae проф. Дмитрия Иванцова¹⁹ и профессора Николая О. Лосского²⁰, а также указание на фамилии Петра П. - Миловидова и Петра Савицкого²¹ [...]

**Письмо Э. Джонсона
А.Л. Толстой от 23 мая 1941 г.²².**

Дорогая графиня Толстая, я вкладываю в конверт копию письма, кото-

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

рое я также послал некоторым своим коллегам и друзьям. Очень сожалею, что мне приходится информировать Вас о том, что не удалось получить поддержку для следующих докторов: Черносвитова, Флоровского²³, Каткова²⁴, Лосского, Шахматова²⁵. Уверен также, что Вам будет интересно узнать, кому же из русских профессоров были посланы приглашения. Это: Бикерман²⁶, Унбегаун²⁷, Эфрусси²⁸, Янкелевич²⁹, Крайтчик³⁰, Михельсон³¹. Кроме того, два профессора уже прибыли в США, это Гурвич³² и Миркин³³. Надеюсь, что тем профессорам, которым мы помочь не смогли, удастся помочь другим фондам. Нужда так велика, а ресурсов так мало, тем не менее каждый из нас должен сделать все, что может.

С уважением, Элвин Джонсон

Насколько сложной была подготовка переезда в США становится ясным из переписки академика М.И. Ростовцева с Э. Джонсоном. Так, для утверждения кандидатуры профессора Ильи Бикермана – выдающегося историка, ученика М.И. Ростовцева, – Э. Джонсону было недостаточно трех рекомендаций; в письме М.И. Ростовцеву от 1 октября 1940 г. он просит прислать еще две-три характеристики от историков древности и США. «Важно также, – пишет Э. Джонсон, – чтобы Вы выяснили о нем некоторые сведения, которые, очевидно, только Вы в состоянии предоставить. Мы хотим знать, женат ли он, есть ли у него дети, говорит ли он по-английски, точные сроки и именование его должностей в Берлине и Париже»³⁴. 15-го сентября 1941 года, т.е. почти через год (!), Э.Джонсон подтвердил, что получил от

М.И. Ростовцева его «нотариально заверенное заявление под присягой относительно Бикермана»³⁵. Большое спасибо Вам за сотрудничество. Я, однако, должен просить Вас еще кое о чем. Вы не позаботились о том, чтобы послать два рекомендательных письма американских граждан, как того требует норма заявления под присягой <...> Если Вы сможете сами добыть два таких письма, то вот основная используемая нами канва: «Всем заинтересованным лицам: Я знаком с профессором _____ столько-то лет и знаю его как человека высоких нравственных качеств и как преданного и лояльного американского гражданина»³⁶. По-видимому, такое недоверие возмутило М.И. Ростовцева; в письме к одному из американских профессоров он прокомментировал это следующим образом: «Люди в Вашингтоне не удовлетворены моей подписью и хотят, чтобы я предоставил двух поручителей, которые бы подтвердили, что я не обманщик и не большевик. Могу я просить Вас сделать это для меня и послать, по возможности, быстрее прямо Элвину Джонсону Ваше заявление в форме, приложенной к его письму. Бикерман и так уже задержался несколько месяцев, а я не хотел бы быть ответственным за дальнейшую задержку»³⁷.

Примечания

1. Элвин Джонсон (Alvin Johnson) – социолог, директор «Беженского ун-та». О нем.: Coser L.A. *Refugee Scholars in America. Their Impact and Their Experiences.* – New Heaven, 1984.

2. Маршак Яков (1898, Киев – 1977, США) – экономист, один из основателей эконометрики. Окончил Киевский технологический институт. В 1919 эмигрировал в Германию. Работал в берлинском ун-те как экономист и статистик. PhD (по философии) получил в 1922 году в Гейдельберге. После прихода Гитлера покинул Германию и переехал в Оксфорд, где получил пост директора Оксфордского ин-та статистики, который поддерживался Рокфеллеровским фондом. В декабре 1938 – августе 1939 работал в США по гранту Рокфеллеровского фонда как «traveling fellow». В 1940 г. занял пост профессора экономики в Отделе аспирантуры при Новой школе социальных исследований; в 1943–1948 – вице-президент Комиссии экономических исследований, затем – директор Американской статистической ассоциации. С 1956 – соредактор журнала «Бихевиоральные науки». Автор работ «Строение капитала» (совместно с В. Ледерером, 1935), «Статистическая интерференция в динамической экономике» (совм. с Т. Коонмансом и др., 1950), «Изучение эконометрических методов» (совм. с С.Шуром и др., 1953). См.: Российская еврейская энциклопедия. М., 1995. – Т. II. – С. 256; Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. – М., 1997. – С. 397–399.

3. Якобсон Роман Осипович (1896, Москва – 1982, Массачусетс, США) – структурный лингвист, литературный критик. Родился в семье ученого-химика. В 1914 окончил Лазаревский ин-т восточных языков в Москве, в 1918 – филологический ф-т Московского ун-та. Один из основателей Московского лингвистического кружка, был связан с футуристами. С 1921 – в Чехословакии. Один из основателей Пражского лингвистического кружка. В начале

1930-х – возглавлял кафедру русской филологии ун-та в Брно. В 1938–1940 – в Дании, Норвегии, с 1940 – в Швеции, в Упсальском ун-те. С 1941 – в США. С конца 1946 – профессор Колумбийского ун-та, в 1949–1967 – профессор славянских языков и литературы в Гарвардском ун-те, профессор отделения лингвистики и философии в Массачусетском технологическом ин-те. Читал лекции в других ун-тах США, Японии и ряда европейских стран. Автор 600 научных трудов. Избранные произведения Якобсона в 7 томах вышли в 1960–1982. Почетный член многих научных обществ, национальных академий, университетов. См. Российская еврейская энциклопедия. М., 1995. – Т. II. – С. 497; Русское зарубежье. – С. 739–740.

4. 500,000 Fund Aids Scholar refugees // Times Wide World, 1940. 19 October.

5. Rockefeller Foundation – Рокфеллеровский фонд был учрежден в 1913 году Джоном Д. Рокфеллером (старшим). По началу Фонд был ориентирован только на Америку, но со временем в орбиту его благотворительности стали включаться и другие страны, в том числе Россия. Carnegie Corporation of New York – Фонд Карнеги был создан в 1911 г. стальным магнатом Эндрю Карнеги для оказания помощи высшим учебным заведениям, библиотекам, ученым.

6. 500 000 Fund Aids Scholar refugees // Times Wide World, 1940. 19 October.

7. Coser L.A. Refugee Scholar in America. Their Impact and Their Experiences. – New Heaven, 1984.

8. The Archive of Tolstoy Foundation, Inc. Box «Organization». File Aids Refugee Scholars.

9. Письмо А.Л. Толстой В.В. Чернавину от 13 августа 1940 г. // The Archive of Tolstoy Foundation, Inc. Box «Organiza-

tion». File Aids Refugee Scholars. Чернавин Виктор Владимирович – ихтиолог. Работал в Британском Музее в Лондоне.

10. Байков Александр М. – профессор политической экономии. Лектор Политехнического института в Праге. Затем – в Лондоне – «ассистент-исследователь» у профессора Коновалова. (Коновалов Сергей Александрович, 1899 – после 1981, историк, славист; 1929–1945 – проф. Бирмингемского ун-та).

11. Черношвитов Лев Владимирович – профессор зоологии. Работал в Британском Музее в Лондоне.

12. Письмо Г.В. Вернадского А.Л. Толстой от 16 августа 1940 г. (3 стр., рукопись) // The Archive of Tolstoy Foundation, Inc. Box «Organization». File Aids Refugee Scholars.

13. Базанов Всеволод Иванович (1891–1951).

14. Зызыкин Михаил Валерьянович (1880–1960) – православный мыслитель. Историк и теоретик государственного и канонического права. С 1911 г. приват-доцент юридического факультета Московского университета. В 1920–1930-е годы профессор канонического права богословского факультета Варшавского университета. После 1945 г. жил и работал в Аргентине.

15. Якобсон Сергей Осипович (1901–1975).

16. Каган Абрам Саулович (1888–1983) – экономист, юрист, книгоиздатель. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. До 1917 – помощник присяжного поверенного при Петроградского окружном суде. В 1917–1922 гг. – преподаватель политической экономии и статистики Петроградской сельскохозяйственной академии. В 1922 г. выслан за границу. Жил в Берлине. Возглавил издательство «Петрополис». В 1938 г. переехал

в Брюссель. С 1940 г. в США. Возглавлял издательство «International Universities Press», выпускавшее книги по психиатрии и психологии.

17. Бахметьев Борис Александрович (1880–1951) – инженер-гидравлик, ученый, крупный дипломат, политический и общественный деятель; чрезвычайный и полномочный посол Российского (Временного) правительства в США (1917–1922), профессор Колумбийского университета. О нем: Русское зарубежье. – С. 70–71.

18. Письмо А.Л. Толстой А. Жекулиной от 14 августа 1940 г. (2 стр. маш. текста на английском языке; перевод Т.И. Ульянкиной) // The Archive of Tolstoy Foundation, Inc. Box «Organization». File Aids Refugee Scholars. Жекулина Аделаида Владимировна (1866–1950) – педагог, жена С.И. Жекулина – землевладельца и земского деятеля. Основательница «Жекулинской» женской гимназии в Киеве. В 1910 открыла педагогическое отделение для подготовки учителей дошкольных и начальных училищ. В эмиграции с 1919 г., в Константинополе. С 1922 г. – в Праге. Организовала Педагогическое бюро, издавала бюллетень о педагогической деятельности русской эмиграции. За два года до смерти покинула Прагу, в которой прожила 30 лет. Умерла в Бельгии. О ней: Незабываемые могилы. М., 1999. – Т. 2 (Г-З). – С. 523.

19. Иванцов Дмитрий Николаевич – профессор экономики Пражского университета. Окончил юридический факультет Московского университета (1910) и факультет экономики и статистики.

20. Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965), философ, публицист, мемуарист. В 1916–1921 – профессор философии Петроградского ун-та. В ноябре 1922 г. был выслан из Советской России. В де-

кабре из Берлина переехал в Чехословакию. В 1925–1927 гг. – профессор философии Русского народного университета преподавал также на Русском юридическом ф-те. Глава Русского философского общества (Прага). В 1927 г. преподавал философию в Богословском ин-те в Париже. В 1928 – в русском научном институте в Белграде. Летом 1933 г. преподавал в Стэнфордском ун-те в США, профессор философии в Пражском ун-те. О нем: Г. Струве. Русская литература в изгнании. Париж–Москва: ИМКА-Русский путь. 1996. С. 330–331.

21. Миловидов Петр Филиппович (1896–1974) – ботаник.

22. Письмо Э. Джонсона А.Л. Толстой от 23 мая 1941 г. // The Archive of Tolstoy Foundation, Inc. Box «Organization». File Aids Refugee Scholars.

23. Флоровский Антоний Васильевич (1884–1968) – историк. О нем: Русское зарубежье: золотая книга эмиграции... – С. 650–653.

24. Катков Георгий (1903–1984) – историк.

25. Шахматов Мстислав Вячеславович (1888–1943, Прага) – историк, правовед. Окончил Петербургский университет, преподавал на юридическом ф-те. В 1920 эмигрировал в Белград. С 1922 жил в Праге. С 1927 – профессор Русского юридического ф-та.

26. Бикерман Илья Иосифович (Элиас) (Bickermann) (1.07.1897, Кишинев – 31.08.1981, Нью-Йорк) – выдающийся историк. Окончил Петроградский ун-т (1915), где изучал классическую филологию под руководством М.И. Ростовцева. В 1922 г. бежал в Германию, учился в Берлинском ун-те; в 1929–1933 – приват-доцент этого ун-та. В 1933 эмигрировал во Францию, был принят на работу в Сорбонну. В июле 1940 г., после оккупации Парижа немецки-

ми войсками, бежал в Марсель. С помощью М.И. Ростовцева и Э. Джонсона через некоторое время уехал в США. В 1946 г. – сотрудник Еврейского теологического семинара в Нью-Йорке, в 1952 г. – профессор древней истории Колумбийского ун-та. О нем: Скифский роман. М., 1997. – С. 329–330.

27. Унбегаун Борис Генрихович (1898–1973) – лингвист. Окончил Константиновское артиллерийское училище в Петрограде (1917). Участвовал в Белом движении. С 1920 г. в эмиграции. С конца 1930 преподавал в высших учебных заведениях Франции, Бельгии, Великобритании. В 1943 г. – арестован гестапо и до конца Второй мировой войны был в Бухенвальде. В 1965–1973 – профессор Нью-Йоркского университета. О нем: см.: Толстой Н.И. Об авторе этой книги // Унбегаун Б.О. Русские фамилии. – Изд. 2-е. – М., 1995. – С. 434–489.

28. Эфрусси (Ephrussi) П.О. – психолог.

29. Янкелевич Владимир (Jankelevitch) (1903–1985) – философ и музыкант, участник Сопротивления, преподавал в Лилле и в Париже (Сорбонна).

30. Крайтчик (Kraitchik) Морис Борисович (1882–1957) – математик. Работал в Льеже, Брюсселе, Нью-Йорке. Автор учебника по теории чисел и сборника классических и новых задач занимательной арифметики. В 1931 г. создал журнал, посвященный математическим развлечениям, издание которого прекратилось в годы Второй мировой войны. О нем: Российская еврейская энциклопедия. – 1995. – Том II. – С. 81.

31. Михельсон (Michelson) Лев (Лео) Максимович (Лейба Мордхелевич) (1887, Рига – 1978, США). Живописец, график. В 1906 г., окончив рижское реальное учи-

лище, уехал в Баварию, занимался в Мюнхенской Академии художеств. Вернувшись в Россию, поступил в Юрьевский ун-т. С 1911 г. – в Берлине. Участвовал в создании Русского культурно-исторического музея в Праге. В конце 20-х переехал в Париж. В 1939 г. состоялась персональная выставка М. в Риге. С 1941 г. – в США. Автор необычной техники «порошковой живописи». Основной жанр Михельсона (1940–1950) – городской пейзаж. Начиная с 1943 г. в Нью-Йорке состоялось 10 его персональных выставок. – Российская еврейская энциклопедия. – 1995. – Т. II. – С. 297.

32. Гурвич (Gurvitch) Георгий Давидович (1894–1965) – юрист, социолог. До отъезда в США работал во Франции. Вернулся из США после 1945 г. По мнению М. Раева, Г. до эмиграции был одним из самых ярких правоведом Дерптского (Юрьевского, ныне – Тартуского) университета, специалистом по социальным правам, впоследствии работал в Берлине и в Париже. «Его критика марксистского социализма с точки зрения социальных прав, его идеи относительно новой системы прав собственности в условиях либеральной демократии составили заметный вклад в развитие общественной и политической

мысли 20–30-х годов и по сей день могут представлять практическую ценность». (М. Раев. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М. – С. 138. О нем: Антонов М.В. Мир права Г.Д. Гурвича // Гурвич Г.Д. Философия и социология права. – СПб., 2004. – С. 10–40.

33. Миркин-Гецевич (Mirkin-Gezevitch) Борис Сергеевич (псевд. – Мирский) (1 января 1892, Санкт-Петербург (Киев) – 1 апреля 1955, Париж) – ученый правовед. До эмиграции – приват-доцент международного права Петербургского ун-та. В 1920 г. – в Париже. Преподавал на юридическом ф-те Института славяноведения; генеральный секретарь Международного института публичного права; секретарь Института сравнительного права Парижского юридического ф-та. Награжден орденом Почетного легиона. См.: Незабываемые могилы. – 1999. – Т. 1. – С. 155.

34. Цит. по: Скифский роман. – М., 1997. – С. 332–333.

35. Речь, по-видимому, идет о получении аффидевита (поручительства) от М.И. Ростовцева.

36. Цит. по: Скифский роман. – М., 1997. – С. 335.

37. Там же. – С. 335.

Автор статьи выражает благодарность директору Толстовского фонда Виктории Олеговне Волсен и заведующему Архивом Толстовского фонда – профессору Роберту Виттакеру за предоставленную возможность работать с документами фонда в мае 2005 г.

Ю. В. Бельчич

**РУССКИЕ ЖЕНЫ В ЭМИГРАЦИИ:
ОЛЬГА ЮРКЕВИЧ**

Бельчич Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, главный специалист РГАЭ.

Читатели журнала «Россия и современный мир» уже познакомились с малоизвестными фактами биографии выдающегося русского инженера-кораблестроителя В.И. Юркевича¹. В той публикации содержалось совсем немного сведений о его жене – дочери известного писателя Всеволода Владимировича Крестовского², Ольге Всеволодовне. Думается, что долгие годы незаслуженно она остается в тени своих знаменитых родственников. Между тем документальные материалы, имеющиеся в фондах Научно-библиографического архива Российской академии художеств (НБА РАХ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), а также семейных архивов Олега Игоревича и Надежды Олеговны Крестовских, Ольги Петровны Юркевич, показывают, насколько интересной и яркой личностью была эта женщина.

Ольга Всеволодовна родилась в Петербурге 8 февраля 1891 г. Раннее детство прошло в Варшаве, где служил отец, а после его смерти в 1895 г. – в

Ташкенте, куда ее мать Евдокия Степановна (урожд. Петрова), переехала на жительство к своему отцу³. Здесь же девочка училась в гимназии. В 12 лет ее опять привезли в столицу для определения в закрытое учебное заведение. Выбор остановили на Смольном институте благородных девиц. Ольге повезло, она попала в число десяти счастливых кандидаток на казеннокоштную стипендию этого самого престижного учебного заведения в России и выдержала конкурсные экзамены. Но из-за ареста брата Василия, который по своим политическим взглядам примкнул к молодежной организации партии эсеров и был замешан в одной из террористических акций, осужден и отправлен в ссылку в Сибирь, ее, как сестру государственного преступника, исключили из института⁴. Учебу пришлось продолжить уже в более скромном, чем Смольный, институте принцессы Терезии Ольденбургской.

Знавшие Ольгу Всеволодовну в разные годы люди отмечали ее привлекательность, образованность и артистичность. Она поступила в Театральную школу, с увлечением слушала лекции по истории искусств, театра, присутствовала на практических занятиях опытных актеров «Александринки», занималась танцами, гимнастикой, пробовала свои силы на театральных подмостках театра Корша.

Начавшаяся Первая мировая война изменила творческие планы Ольги. В конце лета 1916 г. она закончила ускоренные курсы медсестер военного времени, получила сестринское свидетельство и стала работать в госпитале. В том же году с миссией Красного Креста ее направили во Францию для

обслуживания Русского экспедиционного корпуса с Французского и Салоникского фронтов.

По возвращении в уже охваченный революционным шквалом Петроград она вновь работает в госпитале. Возможно, в это время и произошла встреча с ее будущим мужем Николаем Валериановичем Петровским, который находился на лечении после тяжелого ранения на фронте⁵. В 1918 году у них родилась дочь Мария⁶. Переехав из голодного и холодного Петрограда в Новочеркасск, к родственникам мужа, они к осени 1919 г. поняли бессмысленность ожидания, что в обозримом будущем страна вернется к нормальным условиям жизни. 8 марта 1920 г. с мужем и дочерью Ольга Всеволодовна эвакуировалась из Новороссийска на английском пароходе «Брюенн». Они прошли сложный эмигрантский путь по маршруту: Константинополь – о-в Лемнос – Королевство Сербии, Хорватии и Словении (СХС) – Франция⁷.

В Париже Ольга устроилась суточной медсестрой по уходу за тяжело больными в госпитале «Пиксини». По рекомендации французских врачей, которые по достоинству оценили ее работу, занималась состоятельными пациентами в Париже и на курортах Виши и Брид-лэ-Бэн, месяцами не бывала дома. Многолетняя профессиональная привычка работы в российских госпиталях давала ей возможность справляться с обязанностями. «Я начинала с утра и к часу дня успевала объехать на велосипеде по отелям всех моих клиентов и клиенток», – вспоминала она. Ее муж, не сумев найти место юриста без здешнего диплома и хорошего

знания языка, устроился шофером такси и работал по 10 часов в день. Но такой ритм жизни привел к семейному разладу.

Зимой 1927 г. произошла встреча, которая изменила всю ее дальнейшую жизнь. На ежегодном балу эмигрантского Союза писателей, который проводился в нарядных залах отеля «Лютеция» на бульваре Распай и куда Ольга Всеволодовна пришла с друзьями, к ней неожиданно подошел «незнакомый молодой человек, очень интересной наружности и застенчиво пригласил на тур вальса». Они закружились в танце, и он «попросил разрешения и представился: Владимир Иванович Юркевич, бывший корабельный инженер, работающий в эмиграции чертежником на заводе в Аржантей под Парижем». Между ними установились дружеские отношения, которые со временем переросли в любовь, основанную на глубоком взаимном уважении. В своих воспоминаниях «Парижские дни» она признавалась, что во Владимире Ивановиче ее «подкупала какая-то совсем юношеская скромность и застенчивость, его искренность и бесхитростность. Он мне определенно нравился, ему как-то верилось. Этот человек не слукавит и не продаст, он определенно честен во всем и слишком доверчив»⁸.

В 1931 г. Ольга Всеволодовна и Владимир Иванович зарегистрировали свой брак в Брюсселе, где Юркевич был в командировке. К этому времени он уже самостоятельно спроектировал обводы корпуса трансокеанского лайнера «Нормандия», который был заложен на стапеле «Penhoet». Через год в их жизни произошли сразу два ярких

события – рождение сына Юрия⁹ и спуск 29 октября «Нормандии» на воду¹⁰.

Известно, что, в конце мая 1935 г., вопреки желанию администрации «Пенноэт», Юркевичи плыли первым рейсом на этом «chef-d'oeuvre строительной архитектуры», где не хватало только «птичьего молока». Воспоминания Ольги Всеволодовны об этом рейсе содержат много интересных деталей, не попавших в средства массовой информации.

В Нью-Йорке «Нормандия» была встречена восторженно. Супруги получили приглашение на банкет в отеле «Хилтон» для инженеров и командного состава корабля, а позже побывали на праздничном приеме, устроенном капитаном корабля для американской публики на стоящей у причала «Нормандии». Ольгу Всеволодовну поразило поведение американцев, которые «вели себя диковинно, много больше, чем непосредственно». Подобного прежде ей не приходилось видеть. «Они, по-видимому, пришли большими компаниями и перепились спозаранку. Многие залезли с ногами на роскошные светлые, художественно расписанные от руки диваны и кресла в центральном зале корабля. Стоя на их роскошных сидениях и широких спинках, они притоптывали ногами под аккомпанемент нескладных своих песен, которые орала дикими голосами. Французы, обслуживающие пароход, закрыли все двери в каюты и зимний сад и поставили у дверей сторожей, боясь пьяного разгрома. Повсюду стояли недопитые стаканы с виски и джином, опорожненные бутылки, на коврах валялись недоеденные куски пирожных,

ветчины, индюшки, разбитое стекло стаканов. Мы быстро ушли, вдоволь наладившись этим неожиданным зрелищем», – с иронией отмечала она¹¹.

Успех «Нормандии» принес широкое признание таланта русского инженера-кораблестроителя. Юркевичу удалось организовать свое собственное конструкторское бюро «БЭКНИ»¹². Ольга Всеволодовна была в курсе всех дел мужа, оказалась талантливым секретарем, вела его деловую переписку, отстаивала авторские права изобретателя. Ее организованность, деловая хватка, трудоспособность раскрылись здесь в полной мере.

В мае 1937 г. Франция предоставила семье Юркевичей гражданство, но перспективы работы в США для Владимира Ивановича оказались привлекательнее. В Нью-Йорке он открыл техническую контору по судостроению «Yourkevitch Ship Designs, Inc». Теперь он в основном находился в США и приезжал во Францию, где остались семья и дела.

Внимательно следившая за ходом развивающихся событий в мире, Ольга Всеволодовна все больше убеждалась в необходимости скорейшего переезда к мужу в Америку. Для нее все более очевидными были опасность фашизма, который набирал силу в Европе, и беспомощность политики его умиротворения Англией и Францией. Ее письма к родным мужа, помеченные 1936–1938 гг., отражают чувство тревоги за семью, Францию, Россию, показывают их с мужем позиции в канун Второй мировой войны. В одном из них Ольга Всеволодовна отмечала: «Очень тревожно за Россию, т.к. война..., по-видимому, неизбежна – и чего

доброе затеется с двух сторон. Всей душой будем оба на стороне России. Немцы собираются поработить всю Европу...»¹³.

К осени 1939 г. положение дел во Франции, особенно для эмигрантов, все более осложнялось. Супруги принимают окончательное решение о переезде в США. В конце декабря 1939 г. Ольге Всеволодовне с большим трудом удалось получить в американском консульстве визу для себя и семилетнего сына (дочь, выйдя замуж за француза, оставалась в Париже). Предстояло начинать новую жизнь.

В годы Второй мировой войны супруги горячо сопереживали Родине, активно поддерживали СССР. Ольга Всеволодовна работала в Комитете военной и медицинской помощи России «Russian War Relief», организовывала проводы молодежи, отъезжающей на советско-германский фронт, через «Красный Крест» помогала искать пропавших соотечественников в немецких лагерях; проводила концерты, вечера, лекции, собрания, деньги от которых шли в фонд Комитета.

Ее письма за 1941–1945 гг. точно передают душевное состояние, полны искренности, раскрывают нравственную сторону жизни супругов. Так, в письме к родным мужа в Москву (от 28 октября 1942 г.) Ольга Всеволодовна общалась: «Как нам было дорого каждое слово, дошедшее, наконец, до нас с нашей дорогой далекой Родины, которое со времени нашествия на нее чужестранных полчищ непрестанно живет в наших сердцах, в наших мыслях и надеждах, в наших снах и наяву... Володя мой много работает здесь. У него большая судостроительная контора,

много чертежников, и он делает проекты разных судов. Надеюсь, что эти суда в скорейшем времени помогут созданию Второго фронта. Ах, если бы все американцы были бы с такою же ясной головой и с таким искренним темпераментом и активностью, как Володя. Надеюсь, что он раскачает всю Америку, которая поймет, какая катастрофа нависла над всем миром и над нами здесь, а не только в СССР, и что Второй фронт неотделим от общего дела уничтожения чудовищного врага... Боже, как болит сердце за всех вас, за весь народ, за мою дорогую, прекрасную любимую Родину...».

В одном из послевоенных писем в Ленинград она высказывала желание отправить сына в Россию: «...Он уже основательно будет знать языки, и это нашей Родине и ему лично очень пригодится... Духовно это, поистине, единственная страна в мире, которая стоит так высоко, которая перед лицом всего мира показала исключительное величие своего духа и своих моральных устремлений. Человеческая любовь, долг, жертвенность – вот все эти прекрасные ценности духовные, которые единственные могут объединить людей и избавить их от кошмарных кровавых войн; – вот эти все человеческие высокие принципы я смогу привить своему сыну только среди своего единственного по духовному величию народа. Этого за границей не найдешь. Здесь каждый только для себя и для своего кармана. Это я говорю, повидав своими собственными глазами многие европейские народы и здешних тоже, и говоря на их собственных языках...»¹⁴.

Об отношении к России говорят строчки еще одного письма к брату:

«Наша Родина для нас – все... И поэтому мы горой стоим за нее всегда и перед всеми, какой бы курс политики ни брали в здешних адм. (административных. – Ю.Б.) сферах, тем более, что в настоящее время этот курс не из мудрых и справедливых, и нам это очень и очень больно»¹⁵.

Хотелось бы отметить очень ценное качество Ольги Всеволодовны – умение дружить. Оказавшись в Америке в лучшем положении, чем ее друзья в разоренной войной и бедствующей Франции, она вела обширную переписку с ними, отправляла многочисленные посылки с продуктами и вещами, так как «многие из них пострадали, были сосланы в Германию в ужасные каторжные лагеря». Всем надо было помочь, «чем сами в силах».

В 1944–1945 гг. они с мужем нередко бывали на приемах для «дипломатического, артистического и военного народа» в Советском посольстве в Вашингтоне по случаю торжественных дат¹⁶.

Самой большой переменной в жизни Юркевичей было приобретение ими весной 1945 г. дома в Йонкерсе, всего в получасе езды на автомобиле от центра Нью-Йорка. В доме было 14 комнат, прекрасный вид на Гудзон, большой красивый сад с бесчисленным количеством цветов и большими тенистыми деревьями. Ольга Всеволодовна часто устраивала большие многолюдные приемы с обильным угощением. Их гостями были люди самых разных профессий и убеждений: В.Л. Андреев, М.В. Добужинский, В.К. Зворыкин, А.Ф. Керенский, В.А. Маклаков, И.И. Сикорский, М.Е. Слоним, выдающиеся артисты,

певцы, музыканты. И тогда до глубокой ночи не гасли огни в гостиной, где обсуждались последние новости из России, литературные и театральные новинки, политические события. По отзывам русских эмигрантов, это был самый культурный русский дом Нью-Йорка, где Ольга Всеволодовна была его полноправной хозяйкой¹⁷.

Отметим особо теплые и дружеские отношения Юркевичей с семьей Сосинских – Владимиром Брониславовичем¹⁸ и его женой, Ариадной Викторовной, дочерью бывшего министра земледелия Временного правительства, председателя Учредительного собрания России Виктора Михайловича Чернова.

В 40–50-е годы В.И. Юркевич работал над проектами океанских суперлайнеров на 6 тыс. пассажиров, заветной мечтой Ольги Всеволодовны было всей семьей отправиться на таком корабле в Европу, а оттуда проехать на Родину, чтобы повидать многочисленных родственников. Но реализовать эти новаторские замыслы Юркевичу не удалось. В начале 60-х годов выяснилось, что Владимир Иванович безнадежно болен. 13 декабря 1964 г. его не стало.

После смерти Владимира Ивановича Ольга Всеволодовна поселилась в трехкомнатной квартире в Нью-Йорке. Материально она была вполне обеспечена. Кроме доставшегося наследства получала ежемесячные пенсии: государственную вдовью и от большого корабельного общества, где Владимир Иванович был консультантом.

Вскоре она получила предложения о передаче документов супруга в архивы Русской и Восточно-Европейской

истории и культуры при Колумбийском университете (Нью-Йорк), в «Naval Museum», общества «Бывших русских морских офицеров в США» и другие архивы Северной Америки. «Но я, да, наверное, и сам покойный – предпочли бы оставить все на нашей Родине, среди своих», – сообщала она В.Б. Сосинскому, который принимал самое активное участие в судьбе архива известного кораблестроителя. Уже 28 июня 1965 г. Ольге Всеволодовне из советского посольства в Вашингтоне поступило предложение о передаче архива в СССР.

За две недели она закончила «сборку архива», предварительно разобрав и перечитав кипы документов, в основном технического характера, на разных языках, и 18 июля передала его сотруднику посольства. Вскоре личный архив русского изобретателя был отправлен в Москву и передан в Главное архивное управление при Совете Министров СССР (ГАУ при СМ СССР)¹⁹.

На этом ее контакты с ГАУ при СМ СССР не закончились. Летом 1966 г. ей удалось осуществить их с мужем «давнее и страстное желание посетить родину». Советское посольство дало ей визу «visitor», дававшую свободу передвижения по территории СССР в течение двух месяцев. 8 июля 1966 г. руководство Главного архивного управления принимало Ольгу Всеволодовну в Москве.

Как и ее сводная сестра, Мария Всеволодовна Крестовская²⁰, Ольга Всеволодовна унаследовала от отца писательский дар. Еще в начале 60-х годов в русскоязычной прессе были опубликованы ее короткие рассказы о жизни эмигрантов, сюжеты которых были ос-

нованы на реальных событиях: «Сцепы в метро», «В погоне за волшебным принцем». В 1967 г. под псевдонимом Ольга Йорк вышел первый том романа «Река времен», задуманный ею как летопись сложнейшего периода в истории России между Первой мировой и Гражданской войнами. Роман посвящен «светлой памяти мужа-друга». В марте того же года она сообщила Сосинским: «Вот наконец-то моя книга и появилась на свет Божий. Вчера я получила первый экземпляр из Мадрида. Издана хорошо, большого размера и достаточно толстая в 331стр. Название книги «Река времен» – в четырех частях... Мой псевдоним (Ольга Йорк) не открывайте никому, кроме близких. Теперь я пишу второй том под названием «Поток».

Второй том романа «Всесокрушающий поток» вышел через пять лет. Обе книги получили высокую оценку критиков в прессе разных стран. Е. Рубцова охарактеризовала роман, как – «война и мир нашей современной эпохи»²¹. Тем, кто знал автора лично, роман показался очень автобиографичным. Жизнь героини романа Полины Подгурской, во многих деталях напоминала жизнь самой Ольги Всеволодовны до отъезда из России, а другие герои романа имели схожесть с другими членами семьи Крестовских.

До 1975 г. Ольга Всеволодовна работала над третьей и четвертой частями романа, но дело, по ее словам, «не заладилось», в том числе и из-за проблем со здоровьем.

Особая тема – ее взаимоотношения с родными. При всей видимой устроенности и благополучии после многих трудных лет эмигрантской жизни она

очень тосковала по Родине и родным, о которых она многие годы в эмиграции ничего не знала. Только переехав в США, она совершенно случайно увидела в витрине одного из букинистических магазинов Нью-Йорка книгу своего брата Игоря Всеволодовича «Мраморная скульптура. Руководство по технике реставрации мраморной скульптуры»²². Она послала весточку в Ленинград, завязалась переписка, которая выявила непонимание родственников и носила нерегулярный характер с их стороны, что очень огорчало Ольгу Всеволодовну. Главным объяснением такому отношению родных можно считать тот факт, что в России всегда было негативное отношение к людям, ее покинувшим, а в советское время наличие родственников за границей было особенно чревато неприятностями. В одном из своих писем Сосинским она сетовала: «Я много и мучительно думала о моих братьях и их детях, и о том, что судьба так разъединила нас навсегда. Но приходится с этим мириться до лучших времен, которые едва ли для нас настанут, т.к. мы неизбежно стареем и идем к концу. О, я так глубоко люблю моих братьев²³, а мой муж всей душой привязан к своим сестре и брату, и их детям, если увидите их, скажите им об этом». В.Б. Сосинский побывал у Крестовских в Ленинграде и Юркевичей в Москве и помог наладить контакт с ее родственниками и родственниками мужа.

Летом 1966 г., когда Ольга Всеволодовна приехала в Союз по приглашению ГАУ при СМ СССР, состоялась долгожданная встреча с родными в Ленинграде, Москве, Пскове. Им

было, что рассказать друг другу за сорок с лишним лет разлуки.

Несмотря на то что, как говорится, «годы брали свое», Ольга Всеволодовна оставалась человеком неравнодушным, деятельным, сохраняла присущие ей обаяние и активный интерес к жизни, интересовалась новинками мира искусства. Из ее писем за 1968–1973 гг. можно узнать о музыкальной и театральной жизни Нью-Йорка, с особым душевным настроением она ждала гастролей советских артистов. Вот одна лишь запись: «Была на замечательном концерте Хачатуряна в Филармонии... его виолончельный концерт исполнялся с русским замечательным виртуозом Мстиславом Ростроповичем. Это действительно был их обоих настоящий триумф!».

Несмотря на такую интенсивную, наполненную жизнь, главным для Ольги Всеволодовны всегда была семья. По ее признанию, «жить для себя, читать и писать» она могла только по ночам, когда, наконец, «весь дом успокаивался». Для мужа она была верной помощницей, а для детей и позже внуков – учительницей русского, французского языков, истории России, географии. Она была счастлива в своей семье, гордилась мужем, детьми, внуками, которые платили ей любовью: «...пожаловаться на старости лет не на что. Дети, внуки – все и во всем благополучны. Мы все очень дружны», – делилась она с В.Б. Сосинским в своем последнем письме.

Она пережила мужа на 12 лет и умерла в 1976 г. В Нью-Йорке на кладбище православного Ново-Дивеевского монастыря (Russia Convent, Novo Diveyvo Spring Valley, N.Y.) стоят ря-

дом два одинаковых памятника из серого шлифованного гранита «очень русским американцам» Владимиру Ивановичу и Ольге Всеволодовне Юркевичам.

Примечания

1. Подробнее См.: Бельчич Ю.В. «Русь зарубежная продолжает творить...» / Россия и современный мир. – 2005. – № 4. – С. 192–198.

2. Крестовский Всеволод Владимирович (1839–1895) – полковник, участник русско-турецкой войны, военный историк, автор повестей и романов: «В дальних водах и странах», «Тьма Египетская», «Панургово стадо», «Петербургские трущобы» и др. Умер в Варшаве. Похоронен на «Литературных мостках» Волкова кладбища в Санкт-Петербурге.

3. Крестовская Евдокия Степановна (1864–1919) – дочь действительного статского советника Петрова С.П.

4. Крестовский Василий Всеволодович (1890–1915) – художник, эмигрировал во Францию. Был дружен с А.В. Луначарским, встречался с В.И. Ульяновым (Лениным). В годы Первой мировой войны – волонтер Французской армии. Погиб на французо-германском фронте.

5. Петровский Николай Валерианович (1891 г.р. – дата смерти неизвестна) – юрист, окончил Новороссийский университет. В 1918–1920 гг. – присяжный поверенный Солдатского совета, член Судебно-следственной комиссии в г. Новочеркасске.

6. Петровская Мария Николаевна (1918 г.р.) – эмигрировала с родителями в 1920 г. Закончила гимназию в Париже, дальнейшее образование получила в Оксфорде, филолог. С 1941 г. жила и работала

в Нью-Йорке во французском отделе Военного министерства, была стенографисткой и переводчицей с английского, французского и русского языков.

7. В списках лиц «зачисленных» на территориях о. Лемнос, в Королевстве СХС значится О.В. Петровская «белоэмигрантка, англ. эвакуация по спец. сестра милосердия, актриса театра Корша, жена военного чиновника» – Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Ф. 5942, Оп. 3, Д. 1506, – там же. Ф. 5982, Оп. 1, Д. 140; там же. Ф. 6792, Оп. 1, 1424–1425.

8. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), Ф. 341, Оп. 3, Д. 6, ЛЛ. 4–5.

9. Юркевич Юрий (Георг Йорк), в 1957 г. окончил химический колледж и архитектурный факультет Колумбийского университета, получил золотую медаль от Союза архитекторов, был премирован от университета годичной командировкой «для ознакомления с Европой», известный архитектор. В 60–70-х годах он проектировал корпуса учебных зданий Колумбийского и Лонг-Айлендского университетов, строил отели. С 1972 г. – профессор Колумбийского университета.

10. См. подробнее: Бельчич Ю.В. «Русь зарубежная продолжает творить...» / Россия и современный мир. – 2005. – № 4. – С. 190.

11. РГАЭ, Оп. 1, Д. 18, ЛЛ. 11–12

12. Там же. Д. 26, Л. 16. См. также: Бельчич Ю.В. Указ соч.

13. РГАЭ, Ф. 341, Оп. 3. Д. 1, Л. 263.

14. Там же. Л. 5-5об.

15. Там же. Л. 9.

16. Там же, Оп.1, Д. 5, Л. 1–8

17. Там же. Д. 1. Л. 24.

18. Сосинский Владимир Брониславович (1900–1987) – писатель, эмигрант, никогда не принимал иностранного под-

данства. В годы Второй мировой войны воевал в составе 4-го Маршевого полка иностранцев-добровольцев, сформированном при Французском иностранном легионе. В 1947 г. по Указу Верховного совета СССР вместе с женой получили советское гражданство. В 50-е годы работал в США в ООН. Награжден орденами Николая Чудотворца, Французским военным крестом и шестью медалями. В СССР вернулся в 1960 г. По возвращении получил советскую медаль «За боевые заслуги».

19. См. об этом: Бельчич Ю.В. Указ. соч. – С. 196, 198.

20. Крестовская Мария Всеволодовна (1862–1910) – писательница. Подробнее см.: Григорьева Н.В. Путешествие в русскую Финляндию. – СПб.: «Норма», 2002. – 160 с.

21. Рубисова Е. «Всесокрушающий поток» Ольги Йорк. Новое русское слово. – США, 1973. – 17 июня; Терапиано Ю. Новые книги // Русская мысль. – Париж, 1973.

22. Крестовский И.В. Мраморная скульптура. Руководство по технике реставрации мраморной скульптуры. –Л.: Изд-во Гос. Рус. муз., 1934.

23. Крестовский Владимир Всеволодович (1888–1969) – главный хирург г. Пскова; Крестовский Игорь Всеволодович (1893–1976) – реставратор, профессор Академии художеств СССР в 50–70-х годах. Автор первых научных исследований по реставрации скульптуры. Во время блокады Ленинграда возглавлял работы по открытию памятников, один из авторов многих памятных медалей и «Ордена Ленина».

П. М. Шульгин

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА «КУЛЬТУРА РУССКОГО СЕВЕРА»

Шульгин Павел Матвеевич – заместитель директора Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева.

В 2006 г. в федеральную программу «Культура России» был включен специальный раздел по сохранению культуры Русского Севера. Это событие приобрело особое, символическое звучание, так как в этом году Россия отмечает 100-летие со дня рождения Дмитрия Сергеевича Лихачева (1906–1999) – выдающегося ученого и великого гражданина своего Отечества.

Лихачев был одним из лучших исследователей российской культуры, через всю жизнь он пронес глубокое убеждение в неотделимости культуры от нравственных начал. Огромное внимание уделял Дмитрий Сергеевич Русскому Северу как особой территории с богатейшим сохранившимся наследием, с живыми культурными традициями. К этой теме он обращался еще в юношеские годы, опубликовав свою «Новгородскую тетрадь», а в 80-е годы мы стали свидетелями его активных выступлений против пресловутых планов переброса северных рек на юг.

Разрабатывая программу «Культура Русского Севера», специалисты Института Наследия постоянно возвращались к размышлениям Дмитрия Сергеевича, его оценке наследия Русского Севера, пониманию проблем экологии культуры.

Русский Север представляет собой уникальный памятник не только российской, но и мировой культуры. До настоящего времени в нем сохранились во многом нетронутыми пласты народной культуры и творчества. Здесь сконцентрированы выдающиеся архитектурные памятники – замечательные образцы деревянного зодчества, десятки монастырских ансамблей, исторические города. На Русском Севере существует до сих пор традиционная система сельских поселений и старинные деревенские села, исторические промыслы и традиционные формы природопользования. В этих местах сохранились также природные ландшафты, естественность культурно-ландшафтного окружения большинства старинных сел и городов, неповторимая красота северной природы.

На территории Русского Севера расположены памятники, представляющие Россию в списке объектов всемирного культурного и природного наследия, сформированного под эгидой ЮНЕСКО. Территории Русского Севера во многом отвечают и требованиям новой номинации памятников ЮНЕСКО – объектов нематериального культурного наследия, комиссия по сохранению которых была совсем недавно учреждена в Российской Федерации. В современную эпоху глобализации все больше начинают ценить самобытные проявления культуры, уникальность которых

так ярко воплощена, в частности, в истории Русского Севера.

Между тем многие кризисные проблемы развития культуры Русского Севера отражают социально-экономическую ситуацию, характерную как для страны в целом, так и для ее больших и малых городов. Суровые природные условия и особенности расселения, отставание северных регионов в экономическом росте и дотационность их бюджетов делают проблемы сохранения наследия Русского Севера особо острыми. Опыт работников культуры Севера, усилия администрации и общественности задействованы сегодня на решении проблем сохранения наследия. Однако усилия только самих северных регионов здесь явно недостаточны, масштабность и сложность поднимаемых проблем делают их общенациональными.

За последнее десятилетие с лица земли исчезли сотни выдающихся памятников северного деревянного и каменного зодчества, не поставлены на реставрацию многие шедевры (например, памятник мирового значения Преображенская церковь в Кижах), а общий ущерб наследию в результате естественных факторов разрушения и человеческого небрежения значительно превышает объем реставрационных работ. Хронический дефицит финансирования культуры резко тормозит развитие музейной жизни, мешает реализовывать планы туристского бизнеса в регионе. Под угрозой исчезновения находятся многие центры бытования традиционной культуры, народного творчества и ремесел, нарушается преемственность в передаче наследия, происходит стандартизация культуры и быта.

Следует отметить, что при общем снижении объема реставрационных работ в стране (примерно до 30% от уровня 1989–1990 гг.) особо драматичным явилось падение этого показателя для территории Русского Севера, где к общим факторам удорожания затрат прибавились проблемы транспортной доступности и энергетических тарифов. Сейчас здесь выполняется менее 10% реставрационных работ от прежнего уровня, тогда как суровый климат и ветхость деревянных построек требуют повышенного внимания к сохранности памятников культуры Севера. Очень сложная ситуация наблюдается в малых городах и в сельской местности. Если в крупных городах за предыдущие годы была сформирована производственная реставрационная база, то в небольших поселениях такая база практически не существовала, и современная экономическая ситуация не позволяет ни местным властям, ни предпринимателям выделить сколько-нибудь достаточные средства на реставрационные работы.

Программы культурно-просветительного обслуживания и работы с населением Русского Севера требуют особо крупных капиталовложений в связи с удаленностью сельских поселений, необходимостью использования различных транспортных средств (вплоть до речных судов и авиации), чтобы обеспечить постоянный контакт с жителями удаленных сел и деревень. Отсутствие надежных связей с методическими центрами народного творчества, с учеными и специалистами приводит к обеднению народной культуры, к невосполнимым пробелам в воспитании подрастающего поколения.

Чтобы сберечь неповторимое наследие Русского Севера, необходимо сегодня принять следующие неотложные меры:

- разработать системный подход к сохранению историко-культурного наследия большого региона России в целом, а не его отдельных памятников, ансамблей или населенных пунктов;

- использовать для сохранения наследия не только его музеефицированную форму, фиксирующую явления народной культуры, но и сочетать ее с живой культурной традицией и естественной культурно-ландшафтной средой;

- усилить внимание к достопримечательным местам, таким как исторические города, сельские поселения с их ландшафтным окружением, монастырские комплексы, территории бытования живой традиционной культуры;

- выделить средства в объеме, позволяющем компенсировать неразвитость местной бюджетной базы;

- активно развивать представление об общенациональной мировой значимости культурного наследия Русского Севера.

Решение перечисленных проблем возможно только в рамках целевой программы при условии их межведомственной координации. Эта программа отличается от всех других программ Министерства культуры РФ, она призвана решить задачу по спасению мирового феномена культурного наследия.

В рамках настоящей программы представление о Русском Севере толкуется расширительно. Речь идет в данном случае об Архангельской, Вологодской, Кировской, Костромской, Ленинградской, Мурманской, Новго-

родской, Псковской, Пермской, Свердловской областях, о республиках Карелия и Коми, а также о Ненецком автономном округе. В ряде случаев рассматривается не вся территория субъекта Федерации, а именно та его часть, где находятся объекты наследия, характерные для Русского Севера. Например, это север и северо-восток Ленинградской области (районы Подпорожья, Лодейного Поля и др.), север Пермской и Свердловской областей (с памятниками в районах Чердыни, Усоля, Соликамска, Верхотурья) и т.п. Эти территории неразрывно *связаны* общностью культурных процессов, художественных школ, традиционной народной культуры. Это, в частности, традиции развития деревянного зодчества или памятники Строгановской школы, имевшие общий ареал на территории Архангельской, Вологодской и Кировской областей и оказавшие мощное влияние на архитектуру и культуру к востоку от этого центра (север современной Пермской и Свердловской областей).

Культура Русского Севера развивалась всегда в тесном контакте с культурой соседних народов и прежде всего народов финно-угорской группы. Многие вопросы развития их национальных культур рассматриваются в настоящее время в рамках программ по развитию малочисленных народов севера (ненцы) или финно-угорских народов (карелы, коми, ижорцы, вепсы), однако данная программа разрабатывает общую стратегию действий по развитию археологического наследия, музейного дела, народного творчества.

Для многих северных регионов именно культурное наследие может

стать своеобразной отраслью специализации, стимулирующей развитие экономики и повышение уровня жизни населения. Это позволит создать реальные возможности для развития туризма, роста занятости и общего улучшения среды обитания уровня жизни.

Программу формируют несколько разделов.

1. Сохранение памятников истории и культуры

В этом разделе рассматриваются прежде всего памятники деревянного зодчества как одно из самых ярких и самобытных явлений мировой архитектуры. Здесь перечисляются меры по спасению памятников, находящихся под угрозой исчезновения:

- выявление и постановка на государственный учет и охрану объектов историко-культурного наследия;

- значительное расширение объема реставрационных работ (в 20–30 раз по сравнению с современным уровнем);

- реализация проектов по сохранению выдающихся археологических объектов (петроглифы Онежского озера, памятники Пустозерка и др.), изучение археологического слоя исторических поселений и меры по его сохранности;

- восстановление ранее игнорированных памятников, связанных с определенными социальными группами (дворянском, духовенством, оппозиционными советской власти движениями), пристальное внимание к истории простых городских и крестьянских фамилий, сохранение личных коллекций и архивов, семейных традиций;

- мониторинг состояния памятников,

определение природных и антропогенных факторов, несущих угрозу объектам наследия, меры по ее предотвращению.

2. Сохранение и развитие народной традиционной культуры

В русле народной традиционной культуры складываются представления человека о мире, его мироощущение, система образов и языка, верования, народные знания и умения, обычаи и нравы, формы хозяйственной деятельности, семейной и обрядово-праздничной жизни. На основе традиций не только закрепляется весь опыт практической деятельности, но и регулируются нормы социальных отношений (семейных, общинных, трудовых, межпоколенных) и весь жизненный уклад.

В народной традиционной культуре отражается историческая судьба каждого народа. В наши дни этнокультурная доминанта, объединяющая усилия многих специалистов в разрешении проблем культурного возрождения России, может стать одной из главных платформ, формирующих общественное сознание.

Данный раздел программы предусматривает:

- комплексное изучение народной традиционной культуры Русского Севера;

- восстановление и поддержку продуктивных форм народной традиционной культуры с учетом их современного развития;

- образовательные и просветительские проекты, способствующие включению элементов народной традиционной культуры в жизнь подрастающего

поколения, в современный социально-культурный процесс;

- поддержку художественных коллективов, развивающих традиции народной культуры.

3. Музейная деятельность

Программа предполагает дальнейшее расширение и специализацию музейной деятельности, создание новых музеев и музеев-заповедников, реставрацию музейных ценностей.

В рамках данного раздела предполагаются следующие мероприятия:

- формирование современной материально-технической базы музейных учреждений;

- реставрация наиболее ценных музейных экспонатов, реализация перспективных реставрационных программ для всех музеев Русского Севера;

- формирование новых музейных учреждений в исторических центрах Русского Севера, организация специализированных музеев и экспозиций, отражающих самобытную культуру данного региона (например, музей русского жемчуга, музей северного льна и т.п.).

4. Формирование системы особо охраняемых территорий

Это направление является новым в культурной политике, оно в наиболее полной мере отвечает поставленным задачам. В его рамках планируется формирование системы национальных парков, музеев-заповедников и других достопримечательных мест, сохраняющих в комплексе наследие того или иного региона Русского Севера.

Перечисленные планы потребуют:

- создания различных форм заповедных территорий: малых историчес-

ких городов и исторических центров крупных поселений, сельских исторических территорий, исторических путей и дорог, исторических производственных зон, археологических территорий и т.п., в которых были бы отражены культурно-ландшафтные характеристики Русского Севера, особенности его заселения и освоения, хозяйства, различных проявлений материальной культуры;

- проведения проектных работ и учреждения зон охраны в исторических городах и поселениях; разработки зон охраны для отдельных памятников истории и культуры или ансамблей памятников;

- сохранения различных видов традиционного природопользования (сельского и лесного хозяйства, рыболовства и др.) и традиций местного населения.

Фактически в данном разделе программы ставится задача формирования единого природно-культурного комплекса охраняемых территорий Русского Севера. Для российской территории подобная задача поднимается впервые (хотя прецеденты в других странах мира существуют). Создание комплекса – необходимое условие для достижения устойчивого развития и обеспечения национальной безопасности в сфере сохранения наследия.

5. Культура - отрасль специализации исторических городов и территорий Русского Севера

Для некоторых регионов Русского Севера ориентация на культурное богатство может стать мощным стиму-

лом социального и экономического развития. Это особенно важно для малых исторических городов и сельских территорий – для регионов, не располагающих значительным промышленным или аграрным потенциалом.

Историко-культурное наследие – это особый и очень важный экономический ресурс Русского Севера. Для его реализации необходимо:

- разработать комплексные региональные программы, в которых наследие и культура играли бы ключевую роль для перспективного хозяйственного роста;
- разработать программы развития культуры и туризма, возрождения кустарного и промышленного производства, традиционного сельского хозяйства и других форм природопользования, базирующихся на местном наследии.

6. Чистое слово (памятники устной и письменной словесности)

В этом разделе содержится перечень мероприятий по сохранению памятников литературы и языка, увековечиванию памяти о выдающихся мастерах слова, знаменитых писателях и поэтах. В связи с поставленной задачей предполагается:

- создать мемориальные музеи, дома-музеи, обустроить и другие памятные места, связанные с развитием литературы и языка;
- систематически проводить литературные чтения, организовывать памятные юбилеи и мероприятия;
- развивать библиотечное дело.

7. Инфраструктурное (экономичес-

кое, правовое и организационное) обеспечение программы.

Успешная реализация программы возможна лишь при наличии:

- научного и правового обеспечения;
- кадров специалистов;
- экономической и организационной поддержки.

Для этого необходимо задействовать не только местные ресурсы, но и обеспечить участие других регионов страны, привлечь ведущие российские научные школы и специалистов других стран (в частности, специалистов Скандинавии, сталкивающихся со схожими проблемами сохранения наследия).

Приступить к реализации программы «Культура Русского Севера» представляется возможным уже в 2006 г. в два этапа.

На первом этапе планируется реставрация памятников истории и культуры, дальнейшее развитие музеев, поддержка народной традиционной культуры, средства на которые запрашиваются в Министерстве культуры РФ.

Второй этап программы предполагает создание комплекса особо охраняемых территорий в данном регионе – центров низового уровня, базирующихся на основе малых исторических городов, сельских поселений, национальных парков и других достопримечательных мест. Эти центры призваны обеспечить реальную преемственность народной традиционной культуры на местах, сохранить все многообразие местного историко-культурного наследия, самобытность различных северных территорий.

На этом этапе предполагается создание музеев-заповедников в малых исторических городах, обеспечение их

специалистами, методическими материалами, учреждениями культуры. Так, если взять, к примеру, Вологодскую область, то наряду с уже существующими музеями-заповедниками в Вологде, Великом Устюге и Кирилло-Белозерском монастыре необходимо создать сеть подобных учреждений в Тотме, Череповце, Устюжне, которые смогут обеспечить тесную связь с местным населением, поддержат многообразие местных традиций, организуют знакомство с местными архитектурными памятниками и историей. Для Архангельской области подобными перспективными опорными центрами служат Каргополь – на юге области, Сольвычегодск – на востоке и Онега – на западе; очень важную роль могут сыграть исторические ареалы сельских поселений, в частности в Пинежье и в Красноборске. Подобная ситуация характерна и для других регионов Русского Севера.

Предварительные расчеты свидетельствуют об экономической эффективности программы, особенно тех ее положений, которые связаны с развитием туризма и определенными направлениями культурной деятельности. Велико и социальное значение программы, направленной на сохранение традиционной культуры, возрождение нравственности, решение текущих социальных проблем (в сфере занятости, социальной инфраструктуры и др.), развитие образования и решение экологических задач.

Программа несомненно вызовет большой интерес и за рубежом, определяемый участием Российской Федерации в сохранении всемирного культурного наследия, которым располагает Русский Север, открытостью этого региона в будущем для мирового туризма, сбережением нравственных и культурных основ российской провинции как важной части национального образа страны.

Н.В.Благово

**МУЗЕЙ ШКОЛЫ К.И. МАЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ**

Благово Никита Владимирович –
заведующий музеем школы К.И. Мая.

Ровно 150 лет тому назад, в далеком 1856 г., в Санкт-Петербурге по 1-й линии Васильевского острова в доме № 56 была открыта частная немецкая школа. Это была та самая школа, многие выпускники которой – ученые, архитекторы, блестящие мастера кисти – снискали славу выдающихся деятелей науки и культуры не только у себя на родине, но и далеко за ее пределами. Возглавил школу талантливый педагог-практик, последователь передовых взглядов видного педагога, хирурга Н.И. Пирогова и основоположника научной педагогики в России К.Д. Ушинского – Карл Иванович Май.

Школа была создана по инициативе немцев, жителей Васильевского острова, выходцев из Германии, стремившихся дать детям такое среднее образование, где прикладным знаниям уделялось бы значительно большее внимание, чем это было в казенных учебных заведениях того времени.

Будущий основатель школы К.И. Май родился 29 марта 1820 г. в Санкт-Петербурге, в семье бронзовых дел мастера и его жены – шведки Марии Якобины Гелениус. В 1838 г. Май блестяще закончил Главное немецкое училище

св. Петра (Петришуле) и за свои успехи был награжден золотым перстнем с изображением двух скрещенных ключей (ключи – символ св. Петра, хранившего, согласно библейской легенде, ключи от рая). Осенью 1840 г. Май подал заявление о приеме на историко-филологический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. А в 1845 по окончании курса он был удостоен ученой степени кандидата по разряду общей словесности.

Лишь в возрасте тридцати четырех лет, имея за плечами богатую частную преподавательскую практику, Карл Иванович решил поступить на государственную службу. В 1854 г. он был зачислен в Лесной и Межевой институт¹. Студенты его обожали. Уже после первого года работы, после последней лекции под крики «ура» его вынесли из аудитории на поднятых руках вместе с креслом. Но столь удачно начавшейся карьере вузовского педагога состояться было не суждено. Причиной тому стало принятое им в 1856 г. предложение организовать и возглавить собственную школу, – что оказалось делом всей его последующей жизни. Однако практическое воплощение задуманного плана пришлось в противоречие с действующим законодательством, согласно которому Май, остававшийся прусским подданным, не имел права на содержание частной школы. Прошение решили подать от имени его сестры – Эмилии Май, ранее уже принявшей российское подданство. Разрешение на содержание Э. Май частной мужской школы было подписано министром народного просвещения

1. Ныне Лесотехническая академия.

А.С. Норовым 24 августа 1856 г. Эту дату можно считать отправной в истории школы.

В первые годы школа была начальной, а с 1861 г. получила официальное название «Реальное училище на степени гимназии», что отражало усиленную прикладную направленность образования. Основным девизом школы стало изречение Яна Амоса Коменского «сперва любить – потом учить», в соответствии с которым был создан коллектив педагогов, обладавших высокими нравственными и профессиональными качествами. Выпускник школы 1918 г. писатель Лев Успенский отмечал в воспоминаниях: «...у Мая нет и быть не может педагогов-мракобесов, учителей-черносотенцев, людей “в фулярах”, чиновников в виц-мундирах. Преподаватели, поколение за поколением, подбирались у Мая по принципу своей научной и педагогической одаренности».

Созданная К.И. Маем система воспитания и образования основывалась на взаимном уважении и доверии учителей и учеников, постоянном взаимодействии с семьей, стремлении педагогов развить индивидуальные способности каждого ученика, научить их самостоятельно мыслить. Все это в сочетании с высоким уровнем подготовки обеспечивало высокие нравственные качества и разностороннее развитие выпускников школы, готовых к труду, полезному для общества. Благодаря возникшей в этом учебном заведении особой атмосфере, именовавшейся «майским духом», школа К. Мая, по меткому выражению ее выпускника 1890 г. Д.В. Философова, была «государством в государстве, отделенном бесконечным океаном от казенщины».

Состав учащихся как по социальному положению, так и по национальному признаку был весьма разнообразен. Здесь не могло быть и речи о какой-либо дискриминации: в гимназии учились и дети швейцара, и сыновья князей Гагарина, Голицына, графов Олусфьева и Стенбок-Фермора, представители семей предпринимателей Варгуниных, Дурдиных, Елисеевых, Торнтонов и потомки либеральной интеллигенции – Бенуа, Гримов, Добужинских, Рерихов, Римских-Корсаковых, Семеновых-Тянь-Шанских. Во многих случаях школу посещали несколько поколений одной фамилии; своеобразным рекордсменом среди них стала династия Бенуа: 25 членов этого клана учились «у Мая».

В конце 1850-х годов один из школьных спектаклей открылся шествием герольдов с факелами, на которых был изображен майский жук. Этот символ очень понравился директору и всем присутствующим. С тех пор учившиеся в этой школе на протяжении всей жизни называли себя «майскими жуками».

С самого начала школа состояла из двух отделений. Дети, обнаружившие гуманитарные способности, обучались на гимназическом отделении. Здесь, помимо немецкого и французского, преподавались древние языки. Эти молодые люди готовились к продолжению образования в университете. Юноши, выбравшие естественные науки, учились на реальном отделении, они получали знания по точным наукам и готовили себя к инженерной деятельности. Существовало также небольшое коммерческое отделение, где вместо французского изучался английский.

Первые двадцать пять лет уроки по всем предметам, кроме русского языка, литературы и истории, а также по некоторым реальным дисциплинам велись на немецком языке.

С 1861 г школа располагалась в доме № 13 по 10-й линии Васильевского острова. Первый выпуск реального отделения состоялся в 1863 г., а гимназии – 1865 г. В 1890 г. К.И. Май передал бразды правления Василию Александровичу Кракау (1857–1935), выпускнику 1873 г., преподававшему в школе историю. При нем была усовершенствована методика преподавания, развито реальное отделение, улучшено оборудование кабинетов.

В 1906 г. после отставки В.А. Кракау, новым директором был избран А.А. Линовский (1867–1942). В период его руководства учебным заведением произошло два важных события. Во-первых, школа отметила свое пятидесятилетие, выпустив по этому случаю юбилейный сборник воспоминаний бывших учеников. Во-вторых, в связи с тем, что вследствие растущей популярности школы помещений стало не хватать, в 1909 г. был приобретен участок № 39 по 14-й линии, где по проекту академика архитектуры Г.Д. Гримма, выпускника 1883 г., было построено новое здание с барельефом майского жука над аркой входной двери. При большом стечении народа 31 октября 1910 г. епископ Гдовский и Ладожский Вениамин, будущий митрополит Петроградский, освятил здание.

В четырех этажах школы, помимо классов для 600 учащихся, были устроены восемь прекрасно оснащенных предметных кабинетов (три из них имели аудитории в виде амфитеатра),

а также столярная мастерская, спортивный зал, столовая, библиотека, насчитывающая 12 тыс. книг на русском, немецком, французском, английском, латинском и греческом языках.

Для учеников проводились многочисленные экскурсии не только в знаменитые петербургские музеи, но и на промышленные предприятия. Действовали различные кружки: литературный, выпускавший свой печатный журнал «Майский сборник», исторический, морской, фотографический, спортивный и авиамодельный, где первую в России модель самолета построил Н.В. Фаусек – выпускник 1913 г.

С 1856 г. в школе прошли обучение около 2500 петербургских юношей. В 1910–1917 гг. она достигла своего подлинного расцвета. Последний, пятидесятый выпуск состоялся 24 февраля 1918 г.

Осенью 1918 г. частное учебное заведение К.И. Мая было национализировано и преобразовано в Советскую единую трудовую школу I и II ступени, где было введено совместное обучение мальчиков и девочек, а также отменены оценки и аттестаты.

«Майские» педагогические традиции в какой-то мере еще сохранялись до зимы 1929 г., когда в результате развернутой в прессе антибуржуазной кампании и публикации необоснованных обвинений в газете «Ленинградская правда» от 15 января 1929 г. педагогический коллектив и руководство были большей частью заменены и даже уничтожен барельеф над входной дверью. С начала 30-х годов заведующим школой стал К.И. Поляков, он создал хороший педагогический коллектив, и школьная жизнь наладилась. Особенно

яркой фигурой в это время стал преподаватель физкультуры Р.В. Озоль, организатор кружка «Спартак». Появились также пионерская и комсомольская организации.

С осени 1937 г., согласно постановлению правительства, в здании находилась 6-я Специальная артиллерийская школа, образованная из учеников 8–10 классов этой и близлежащих школ. В суровую блокадную зиму, 5 февраля 1942 г., истощенные «специшкольники» были эвакуированы в Тобольск, при этом 63 юноши умерли в пути от голода.

Многие выпускники доблестно сражались на фронтах Великой Отечественной войны. С 1984 г. в нынешней школе № 5 действует музей артиллерийской школы, созданный усилиями тогдашнего директора школы Л.В. Черенковой. После снятия блокады Ленинграда, с сентября 1944 г., в здании возобновились уроки, только теперь учебное заведение называлось 5-й мужской средней школой. В 1966 г. по инициативе заведующей учебной частью А.С. Батуриной при школе был создан музей, в котором наряду с экспозицией, знакомившей с трудовыми и боевыми делами бывших учеников школы, был стенд, посвященный дореволюционному периоду и первому директору К.И. Маю. Однако этот музей просуществовал недолго, и его экспонаты, к большому сожалению, практически не сохранились.

В связи с тем, что в 1976 г. назрела необходимость в ремонте, школьный коллектив временно перевели в другое здание по адресу 13-я линия, д. 28. Однако из-за отсутствия средств ремонт так и не был произведен, и учеб-

ный процесс в старом здании не возобновился. На произвол судьбы оказались брошенными уникальное оборудование кабинетов, мебель, памятные доски с именами выпускников разных лет, бюсты писателей и ученых, украшавшие интерьеры. Все это было расхищено и безвозвратно погибло.

Выпускники школы достигли больших успехов в различных областях науки и культуры. Более 90 из них стали докторами наук, 26 избраны действительными членами или членами-корреспондентами Академии наук или Академии художеств.

Среди учившихся в школе до революции три члена Государственного совета – ректор университета Д.Д. Гримм, губернатор Петербурга А.Д. Зиновьев и министр юстиции А.А. Макаров; крупные военачальники – Н.А. Епанчин, С.В. Балов, В.В. Волков, В.Г. Рожков, вице-адмирал Е.И. Волобуев, контр-адмиралы В.А. Петровский, П.В. Римский-Корсаков.

Особой известностью пользуются выпускники школы, члены объединения «Мир искусства» – художники А.Н. Бенуа, Н.К. Рерих, К.А. Сомов, А.Е. Яковлев. Школу К. Мая закончили также О.Г. Верейский, И.А. Пуни, С.Н. Рерих и В.А. Серов – мастера, не нуждающиеся в представлении.

Список известных деятелей культуры можно продолжить. Это скульптор Б.Е. Каплянский, композиторы В.И. Цытович, Ф.Д. Шевцов, писатели Г.И. Алексеев, В.С. Головинский, В.А. Кнехт, А.А. Ливеровский, Л.В. Успенский, Ф.К. Эйндаум, поэт Ю.А. Ливеровский, театральные деятели Ф.Н. Курихин, П.П. Подервянский, М.Ф. Стронин. Теплые воспоминания о школе

сохранил ее бывший ученик – дважды Герой Советского Союза, доктор физ.-мат. наук космонавт Г.М. Гречко. Надо также отметить, что О.Д. Хвольсону в числе первых было в 1926 г. присвоено звание Героя труда, а три выпускника – В.В. Волков, Д.С. Лихачев и В.В. Новожилов стали лауреатами Ленинской премии.

С 1978 г. по настоящее время здание бывшей школы занимает Санкт-Петербургский институт информатики и автоматизации Российской академии наук (СПИИ РАН), руководство которого в лице директора – заслуженного деятеля науки и техники РФ, доктора технических наук, профессора Р.М. Юсупова при действенной поддержке тогдашнего начальника управления по образованию и культуре Василеостровского района Т.И. Голубевой в 1994 г. приняло решение о создании музея истории школы К. Мая.

В ясный прохладный день 12 мая 1995 г. старейший ученик школы академик Д.С. Лихачев открыл мемориальную доску, возрожденный барельеф майского жука и музей. В музее, расположенном в помещении бывшего зала заседаний педагогического совета, благодаря энтузиазму выпускника 1949 г. Н.В. Благово, постоянной организационной помощи Т.И. Юсуповой, архивным исследованиям А.М. Бухаловой, при активном участии многих бывших учеников и их потомков создана экспозиция, отражающая все основные этапы развития школы. В последующие годы площадь музея увеличилась в три раза, численность его фондов составляет теперь более 2500 единиц хранения: предметов, документов, фотографий, аудио- и видеокас-

сет. За это время свыше 300 групп, состоящих из школьников, педагогов, ученых, представителей различных объединений, просто жителей Петербурга и других городов в России, а также гости их Парижа, Лондона, Турина, Нью-Йорка и даже австралийского Сиднея и Брисбена познакомились с историей школы, оставив в книге отзывов благодарные записи. Приведем некоторые из них.

Лауреат Нобелевской премии, вице-президент РАН академик Ж.И. Алфёров:

«Очень хорошо, что в наше жестокое время Академия наук показывает реальный пример сохранения наших замечательных традиций в самой важной области – образовании и воспитании. Музей школы К. Мая – прекрасный пример, и я надеюсь, что еще придет время, когда он, не поменяв адреса, будет Музеем и в действующей школе К. Мая, а связи Института информатики и автоматизации РАН и школы сохранятся навсегда, и укреплять их будут выпускники школы!».

25 декабря 1998 г.

Директор Государственного Эрмитажа, член-корреспондент РАН М.Б. Пиотровский:

«Спасибо большое всем, кто сберег и сберегает память об этой замечательной школе. В ее истории – великий урок того, как добротой и заботой создается гордость нации. Это – та память, которую все мы должны передавать следующим поколениям. Успехов музею и всем его друзьям. Прошу считать Эрмитаж в числе этих друзей. М. Пиотровский».

25.12.2001.

В 1999–2000 г. важную помощь в совершенствовании экспозиции оказали также Государственный музей истории Петербурга и Институт «Открытое общество».

Руководство СПИИ РАН и ветераны школы надеются, что изучение «майских» традиций в старых стенах может сыграть важную роль в духовном и нравственном возрождении России.

Н. В. Потапова

**«ОГНИ МОСКВЫ» - МУЗЕЙ
ИСТОРИИ ГОРОДСКОГО
ОСВЕЩЕНИЯ**

Потапова Наталья Владимировна –
директор музея «Огни Москвы».

«Как только сумерки упадут на дома и улицы, и будочник, накрывшись рогожею, вскарабкается на лестницу зажигать фонарь... тогда настанет то таинственное время, когда лампы дают всему какой-то заманчивый, чудесный свет». Так описывал вечер на Невском Н.В. Гоголь. В современном городе, где до поздней ночи улицы наполнены шумом автомобилей, пробегающих под стройными рядами электрических фонарей, со всех сторон светятся разноцветные рекламы, витрины магазинов и развлекательных заведений, от былой романтики не осталось и следа. Но есть в самом центре Москвы уголок, где ненадолго можно сбросить скорость и мысленно вернуться в столицу давно минувших лет. В начале Армянского переуллка, в двухэтажных каменных палатах XVII в., принадлежавших первоначально стольнику царя Алексея Михайловича И.И. Протопопову, расположен музей истории городского освещения «Огни Москвы». Да, как ни странно, старые проржавевшие фонари, отслужив свой век, оказались не на городской свалке, а под кирпичными сводами боярских палат.

Заглянув в музей, можно узнать все подробности развития уличного освещения. Ведь многие даже не предполагают, что первые электрические фонари появились на московских улицах лишь в конце XIX в.

Одним из главных экспонатов в первом зале музея является копия масляного фонаря, так как именно с него началась история уличного освещения. Перед своим визитом в Москву 27 ноября 1730 г. императрица Анна Ионовна издала Указ, по которому велено было «на Москве, в Кремле, в Китае, в белом и Земляном городах и в Немецкой слободе, по большим улицам для зимних ночей сделать и поставить на столбах фонари стеклянные, один от другого на 10 сажень, все в одну меру линейно, ценою каждый по рублю и чтоб все были представлены будущего декабря к 25 числу».

Уход за фонарями был возложен на обывателей. Пока устанавливались фонари, все жители Москвы, чьи дома выходили на улицу, обязаны были выставлять в окна зажженные свечи.

Появившиеся на улицах фонари не могли особенно порадовать москвичей: зажигали их сначала только по большим праздникам, и горели они только до полуночи, однако гасли намного раньше, поскольку конопляное масло, которым их заправляли, не поступало в горелку в нужном объеме. Фонарщики предпочитали употреблять его с большим удовольствием в кашу. При проверке на масляном дворе было выявлено, что масло «чисто, для пищи приятного вкуса, но горит не так светло, потому что оно сделано из сырых коноплей, другого же из сухих коноплей в привозе нет». Сила света масля-

ного фонаря была всего 1–2 свечи. Москвичи, шутя, приговаривали: «Не надейся на фонари, лучше на звезды посмотри», – и по старой привычке продолжали пользоваться факелами или своими домашними фонарями.

В начале XIX в. число уличных фонарей в Москве заметно возросло, да и сила света в них увеличилась благодаря установленным зеркальным рефлекторам-отражателям. Но меры эти, правда, не намного улучшили освещение в городе. К тому же масляные фонари были весьма небезопасны для прохожих. «Далее, ради Бога, далее от фонаря! – писал Н.В. Гоголь. – И скорее, сколько можно скорее, проходите мимо. Это счастье еще, если отделаетесь тем, что он зальет щегольской сюртук ваш вонючим своим маслом».

Следующий раздел экспозиции музея «Огни Москвы» посвящен опыту по устройству в Москве спиртового освещения. Но, видимо, не случайно в музее нет ни одного спиртового фонаря. Первые попытки использовать для освещения улиц хлебный спирт были предприняты в 60-е годы XVIII в., но закончились весьма плачевно. Буквально через полчаса после выдачи «горючего» фонащикам становилось «все до фонаря». Возобновили опыты по устройству спиртового освещения лишь в конце 40-х годов XIX в. Только в спирт стали добавлять под строгим надзором винного пристава и чиновника казенной палаты скипидар или нефть. Применение спирто-скипидарных фонарей постепенно расширялось, но в 60-е годы XIX в. они были очень быстро вытеснены более совершенными керосиновыми, благодаря которым, по свидетельству москвичей, изменился и вне-

шний вид Москвы, принявший почти что европейское обличие. В ней, казалось, произошел за эти пять лет крутой перелом, во всем чувствовалось что-то новое.

Керосин, несмотря на то, что первое время в Россию ввозился из Америки, приобрел во второй половине XIX в. большую популярность. Поэтому в экспозиции музея довольно широко представлены разного вида и назначения керосиновые фонари.

Через несколько лет после устройства керосинового освещения, на московских улицах засияли газовые фонари. При этом многие москвичи – приверженцы старины – считали возможность осветить хотя бы частичку Москвы газом химерой и видели в этом признак «умственного повреждения». Это не помешало Московской городской думе подписать в 1865 г. контракт с английской фирмой «Букье и Гольдсмит» на устройство газового освещения. За три года в Москве был построен газовый завод, проложен газопровод и установлены тысячи газовых уличных фонарей. Однако контракт имел много слабых сторон, вследствие чего фирмы часто менялись. И представителям Московской городской думы не раз приходилось встречаться с подрядчиками в судебном зале.

Второй зал экспозиции музея посвящен началу электрического освещения. Здесь на изобразительном материале можно ознакомиться с первыми образцами электрических ламп П.Н. Яблочкова, А.Н. Лодыгина, Т. Эдисона. В Москве первые электрические фонари были установлены в 1880 г. А 15 мая 1883 г., в день коронации Александра III, электрические

фонари засияли на площади вокруг Храма Христа Спасителя. В тот же день на колокольне Ивана Великого в Кремле была устроена первая электрическая иллюминация. Ровно в 10 часов вечера раздалась команда, и колокольня Ивана Великого в один миг засияла тысячами огней. Вот как писал об этом Великий князь Константин Николаевич: «Электрическое освещение Ивана Великого представляло эффект просто волшебный и нигде еще никогда не бывалый. 3500 мелких лампочек Эдисона рисовали все архитектурные линии, и главы, и кресты».

После празднеств многие москвичи стали подавать генерал-губернатору прошения об устройстве электрического освещения в своих домах. Лишь в 1895 г. Московская городская дума заключила договор сроком на 50 лет с «Обществом 1886 года». Оно взяло на себя обязательство построить необходимые сооружения с тем, чтобы «каждый желающий мог за свои 5 копеек за гектоватт/час иметь у себя на квартире электрическую лампочку». В ноябре 1897 г. состоялось торжественное открытие первой центральной электростанции на Раушской набережной.

Любители техники откроют для себя много нового в третьем зале музея, где представлены различного вида электрические лампы. Среди них первые газонаполненные лампы начала XX в. неизвестных и в наше время фирм Osram и Philips. Поражает не только мощность (3000 Вт и 5000 Вт), поражают и размеры (высота 35 и 55 см.). Рядом с заграничными расположены лампы отечественного производства, предназначенные для освещения кремлевских рубиновых звезд.

Один из уникальных экспонатов – натриевая лампа низкого давления, изготовленная московскими светотехниками в 1938 г., т.е. задолго до появления газозарядных источников света на улицах столицы. Москвичи встретили в то время это новшество протестом, так как их лица приобретали неестественный зеленоватый оттенок.

Со временем тематика музея будет расширяться. В настоящий момент в экспозиции музея представлены не только уличные, но и другие виды фонарей: каретный, велосипедный, старые надомные знаки, а также осветительные приборы для домашнего пользования. Самым примитивным из них является светец с лучиной, под треск которой проводили длинные зимние вечера за пряжей русские красавицы.

Многие светильники поражают изяществом своего исполнения. Так, керосиновую лампу из усадьбы графа Шереметева украшает крылатый амур, а фонари, созданные для Большого театра по чертежам архитектора Альберта Кавоса, привлекают своей простотой и грациозностью.

В последнем экспозиционном зале музея представлены, как ни странно, не фонари, а электрические часы. Первые электрические часы в Москве были установлены еще в 1886 г. В марте этого года к московскому генерал-губернатору В.А. Долгорукову обратился купец Виктор Ги с просьбой разрешить «провести проволоки» из своей конторы в Черкасском переулке на Кузнецкий мост, где ему было поручено установить электрические часы. «Если Вашему Сиятельству угодно будет, то я счел бы особым удовольствием и своим долгом поставить такие часы в

Вашем доме». Разрешение было получено, но документов о судьбе этой затеи, к сожалению, не сохранилось.

В 1912 г. был заключен договор с фирмой «Сименс и Гальске» на устройство системы городских электрических часов. В здании Московской городской думы была оборудована центральная часовая станция. В изолированной стеклянной камере отсчитывали секунды главные первичные маятниковые часы. Проверка суточного хода часов производилась по эталонным часам Московской астрономической обсерватории. На улицах города, главным образом на трамвайных станциях, было установлено 138 вторичных часов, управляемых центральной станцией по воздушной проводной сети. Источником тока служили аккумуляторные батареи. В 1960 г. по решению Мосгорисполкома вопросы наружной часофикации, а с 1962 г. и вопросы технического надзора за внутренними электрочасами были переданы тресту «Мосгорсвет». В то время на улицах Москвы действовало 300 уличных вторичных электрочасов, которые управлялись по воздушным линиям длиной 450 км.

Доброй традицией музея стала годовая выставка «Женитьба свечки». Впервые она была представлена вниманию посетителей музея в январе 2001 г. На выставке можно познакомиться не только с историей свечей, но и использованием их в народных обрядах и поверьях. На протяжении многих столетий свечи были самым распространенным источником света. Например, во время маскарада, устроенного в Петербурге императрицей Елизаветой Петровной 2 января 1751 г.,

большой зал и парадные покои были освещены паникадилами и кронштейнами, в которых горело до 5 тыс. свечей.

В 2004 г. музей «Огни Москвы» получил статус самостоятельного юридического лица. В 2005 г. сотрудники музея разработали программу для слепых и слабовидящих детей «Я вижу солнце», за которую получили на Всероссийском конкурсе детских музейных программ в Санкт-Петербурге II место.

Музей «Огни Москвы» организует также пешеходные и автобусные экскурсии по Москве, во время которых экскурсоводы расскажут не только об истории освещения, но и о современном уличном освещении. Ведь Москва сегодня признана одним из самых ярких городов планеты по наружному освещению, ее можно без преувеличения назвать одной из мировых столиц света. Освещение многочисленных магистралей, туннелей и эстакад нашего города соответствует строгим европейским стандартам.

Экскурсанты могут ознакомиться с современными достижениями специалистов экстра-класса – архитекторов, светотехников и дизайнеров, реализовавших более 600 проектов освещения. Их световые решения отличаются большим разнообразием. Тут и разноспектральные излучения (так, кстати, расцвечены сталинские высотки), и граненые фонари рассеянного света (пешеходная зона Патриаршего моста, ведущая к храму Христа Спасителя), и новые, пришедшие в городе на смену ртутным лампам натриевые светильники, используемые в зависимости от замысла в различных цветах (Смоленский метромост, например, окрашен

светом в цвета государственного флага Украины).

Сейчас только одних памятников архитектуры, горящих огнями, насчитывается в Москве более 700. И если до Великой Отечественной войны фонарей в городе было 60 тыс., то в настоящее время их установлено более 3350 тыс. А в ближайшие годы в наружном освещении Москвы найдут свое место и широко распространенные в столицах развитых стран светодиоды. Сегодня их уже использовали при строительстве станции метрополитена «Международная».

О современной иллюминации можно говорить как об истинном искусстве. Красоту и надежность ее решений обеспечивают скрытые от глаз сотни

километров кабелей, тысячи осветительных приборов. В настоящее время световое хозяйство Москвы включает 139 трансформаторных подстанций, 37 пунктов управления, производственные площади, где размещаются обслуживающие организации.

Для достижения такого уровня освещения решающую роль сыграли работы, выполненные в последние 15 лет – годы бурного городского строительства.

Различные культурно-образовательные программы, выставки, экскурсии, все, что составляет деятельность музея, обретет в скором времени свое дальнейшее развитие, – творческие планы молодого коллектива «Огни Москвы» довольно обширные.